

E $\frac{54}{600}$

8

54
600

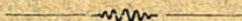
51
600
К. М. СТАНЮКОВИЧЪ

ИЗЪ

ЖИЗНИ МОРЯКОВЪ

РАЗСКАЗЫ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

—
1901

ИЗЪ ЖИЗНИ МОРЯКОВЪ

2007067230

96 54
600

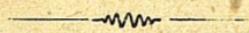
К. М. Станюковичъ

ИЗЪ

ЖИЗНИ МОРЯКОВЪ

РАЗСКАЗЫ

15519-0

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1901

«Отчаянный».

РАЗСКАЗЪ ИЗЪ МОРСКОЙ ЖИЗНИ.

I.

На Транзундскомъ рейдѣ, гдѣ практическая эскадра балтійскаго флота простаиваетъ бѣольшую часть короткаго лѣта, стоялъ броненосный корабль «Грозящій» подъ флагомъ младшаго флагмана, контръ-адмирала почтенныхъ лѣтъ, который «выплавывалъ» свой цензъ на старшаго флагмана и чинъ вице-адмирала.

Былъ первый часъ пасмурнаго и прохладнаго дня въ концѣ іюня.

Матросы только-что отобѣдали на судахъ эскадры. Боцманы просвистали и выкрикнули:

— Команда отдыхать!

Минуть черезъ пять боцманъ «Грозящаго» Ждановъ отхлебывалъ чай, попыхивая папироской, въ своей маленькой каюткѣ на кубрикѣ, чистой и убранной не безъ претензіи на щегольство.

Фотографіи высокопоставленныхъ особъ, отца Іоанна Кронштадтскаго и командира «Грозящаго», въ краси-

выхъ вышитенныхъ рамкахъ, сдѣланныхъ однимъ матросомъ за «спасибо» боцмана, были развѣшаны въ соотвѣтствующемъ порядкѣ на переборкѣ противъ койки, аккуратно покрытой сѣрымъ байковымъ одѣяломъ, съ двумя взбитыми подушками въ бѣлыхъ наволокахъ въ изголовьи.

А надъ койкой, на дешевомъ коврѣ, красовался въ голубой рамкѣ съ нарисованными незабудками фотографическій кабинетный портретъ молодой женщины съ миловиднымъ лицомъ и топорной фигурой, съ растопыренными пальцами непомѣрно большихъ рукъ, выставленныхъ несомнѣнно ради колецъ, съ брошкой на короткой шеѣ и съ серьгами въ ушахъ.

Нечего и говорить, что эта дама въ нарядномъ платьѣ и въ шляпкѣ съ перьями была супругой боцмана Жданова.

Онъ ничѣмъ не напоминалъ боцмановъ стараго времени, этихъ смѣлыхъ моряковъ, свершавшихъ геройскіе поступки, не догадываясь о своемъ геройствѣ, отчаянныхъ ругателей, безшабашныхъ пьяницъ на берегу и огрубѣлыхъ, но не злыхъ, которые не чуждались такихъ же безправныхъ матросовъ, какъ и они сами, и, разумѣется, считали ихъ товарищами и «кляузы» по начальству считали дѣломъ недостойнымъ боцмана.

Къ тому же и знали, что матросскій линчъ усмирить боцмана, коли онъ несправедливый и звѣрствуетъ въ «боѣ».

Ждановъ—боцманъ новыхъ временъ и, разумѣется, несравненно культурнѣе.

Это былъ молодой человекъ лѣтъ тридцати, невысокаго роста, плотный, склонный къ полнотѣ, франтовато одѣтый, понимающій «обращеніе» и не говорящій

грубымъ голосомъ «луженой глотки», съ большими круглыми глазами, усердными и рѣшительными, рыжий, съ веснушчатымъ бѣлымъ, румянымъ лицомъ, серьезнымъ и самодовольнымъ, выстриженный подъ гребенку и съ небольшой, подстриженной огненной бородой. На одномъ пальцѣ опрятной руки золотое обручальное кольцо и на мизинцѣ перстень съ бирюзой.

Разумѣется, онъ не пилъ ни водки, ни вина. Иногда только «баловался» бутылкой пива. И безъ устали не сквернословилъ какъ виртуозъ, а ругался тихо, внушительно и кратко.

Тщеславный и самодовольный, онъ, казалось, весь былъ проникнутъ сознаниемъ своего достоинства и держалъ себя въ отчужденіи отъ матросовъ, чтобы не уронить престижа власти, «связавшись» съ необразованной и грубой «матрозней», которая могла бы забиться передъ боцманомъ и притомъ передъ человѣкомъ «другихъ понятій». Недаромъ же онъ получалъ газету *Свѣтъ*, почитывалъ книжки и считалъ себя очень умнымъ и проницательнымъ боцманомъ, который устроитъ благополучіе своей жизни.

Съ матросами онъ обращался съ внушительной строгостью и былъ беспощадець, особенно съ провинившимися передъ дисциплиной, и противорѣчій не допускалъ. Зато съ офицерами былъ почтителенъ до искательности.

Морскую службу Ждановъ не любилъ. Особенно не любилъ и трусилъ моря, когда оно начинало рокотать и вздувалось большими волнами; но былъ безукоризненный исполнитель и усердный боцманъ, щеголявшій своимъ педантизмомъ и безупречнымъ поведениемъ въ глазахъ начальства.

И Ждановъ, пользуясь своимъ положеніемъ, не разбиралъ средствъ въ приобрѣтеніи. За шесть лѣтъ службы онъ скопилъ деньжонки. Прижимистый и оборотистый, онъ рассчитывалъ заняться какимъ-нибудь торговымъ дѣломъ, когда выйдетъ въ запасъ.

Матросы боялись и не любили высококомѣрнаго и несправедливаго боцмана; но онъ не обращалъ на это вниманія. Ждановъ былъ увѣренъ, что капитанъ и старшій офицеръ цѣнятъ и одобряютъ строгаго боцмана. Да и матросы не смѣли бы жаловаться на него. Они были «надежные», да и онъ ихъ держалъ въ строгомъ повиновеніи.

Одинъ только матросъ, первую кампанію служившій на «Грозящемъ», обращалъ на себя безпокойное и озлобленное вниманіе боцмана.

«Совсѣмъ отчаянный!»—подумалъ Ждановъ.

Онъ, разумѣется, зналъ, что во время отдыха команды не имѣлъ права безъ особенной нужды безпокоить матросовъ, но потребовалъ «отчаяннаго».

II.

Когда молодой, худощавый, чернявый матросъ маленькаго роста вошелъ въ боцманскую каюту и безъ всякаго страха остановился у двери, боцманъ ужъ начиналъ безпокойно злиться.

Онъ медленно допивалъ стаканъ, умышленно не обращая вниманія на матроса.

И, наконецъ, поднявъ на него злой, неподвижный взглядъ и понижая голосъ, значительно и медленно проговорилъ:

— Митюшинъ!

— Есть!

— Догадался, по какой причинѣ боцманъ тебя потребовалъ?

— Я недогадливый!—отвѣтилъ Митюшинъ.

Матросъ не назвалъ боцмана Иваномъ Артемьевичемъ. Не вытянувшись передъ нимъ, онъ стоялъ въ непринужденной позѣ. Его смуглое съ тонкими чертами лицо, обыкновенно подвижное, словно бы застыло въ его серьезномъ и строгомъ выраженіи. Въ сдержанномъ официальномъ тонѣ мягкаго тона голоса какъ будто звучала проническая нотка, и въ быстрыхъ, острыхъ, черныхъ глазахъ Митюшина мелькнула насмѣшливая улыбка и исчезла.

«Ишь какъ стоитъ передъ боцманомъ!»—подумалъ Ждановъ.

И, сдерживая гнѣвъ, самолюбиво покраснѣлъ и сказалъ:

— Такъ догадайся.

— Насчетъ чего?

— Хотя бы насчетъ того, что я насквозь вижу человѣка и могу его понять.

Митюшинъ молчалъ, словно бы раздражая боцмана.

— Сообразилъ?

— Видно, не сообразилъ!

— А еще много воображаешь о себѣ!—презрительно кинулъ Ждановъ.

Митюшинъ не возражалъ. Только глаза улыбнулись, верхняя тонкая губа въ углу рта подергивалась, и лицо приняло вызывающее и слегка надменное выраженіе.

Боцманъ чувствовалъ едва скрываемое пренебреженіе къ себѣ матроса.

Съ какимъ наслажденіемъ искровянилъ бы онъ эту «дерзкую рожу!» Но Ждановъ трусилъ «отчаяннаго». Отъ него всего можно ожидать.

Изнывая въ злѣбъ и едва сдерживаясь, боцманъ еще медленнѣе «пыталъ» Митюшина, процѣдивъ съ угрозой въ скрипучемъ своемъ голосѣ:

— Какъ бы не вышло съ тобой серьезныхъ неприятностей!

Митюшинъ словно бы нарочно зѣвнулъ съ видомъ челоуѣка, котораго не пугаютъ угрозы боцмана, а только наводятъ скуку, и равнодушно спросилъ:

— Какія еще неприятности?

— Дурака не строй... Не дерзничай... Ты съ кѣмъ говоришь?

— Съ боцманомъ.

— Такъ смотри же у меня!—грозно крикнулъ Ждановъ, начиная терять самообладаніе.

— Чтѣ мнѣ смотрѣть?

— Я тебѣ покажу, какіе боцмана!

— Чтѣ показывать? Видѣлъ, какіе изъ васъ боцмана... А службу я сполняю какъ слѣдуетъ и законъ понимаю.

— По-ни-ма-ешь?—выговорилъ раздѣльно боцманъ, багровѣя.

— Очень даже понимаю! — вызывающе бросилъ матросъ.

Ждановъ вскочилъ, словно ужаленный, съ табуретки и задыхающимся злѣбнымъ голосомъ проговорилъ:

— Развѣ не знаю, какой ты отчаянный матросъ и какія твои незаконныя мысли?... О какихъ ты правахъ толкуешь матросамъ и передъ ними куражишься... Я,

моль, все понимаю и ничего не боюсь, а вы, моль, терпите безпрекословно... Знаю, какой ты пересмѣшникъ выискался и смѣхомъ порочишь начальство, которое почитать обязанъ по присягѣ. Такъ я съ тебя этотъ форцъ собою. Поставлю въ дисциплину на линію. Въ штрафные недолго перевести, хоть ты и первой статьи матросъ. А тогда и по закону будутъ тебя пороть, умника. А прежде и безъ закона отполируютъ, какъ доложу, какой ты есть паршивая овца. Узнаешь, какъ бунтовать и команду мутить...

Матросъ вспылилъ и съ заблестѣвшими злымъ огонькомъ глазами взволнованно проговорилъ:

— Что-жь? Доноси по начальству... ври!... Я найду свои права!

— Молчать передъ боцманомъ!..

— Я слушалъ твои умныя рѣчи. Послушай и мои!— рѣшительно и возбужденно заговорилъ Митюшинъ.— Мы вѣдь съ глазу на глазъ. Можетъ, и не слыхалъ отъ людей, какой ты безстыжій и какой взяточникъ боцманъ... Доноси, господинъ боцманъ. Пусть меня отдадутъ подъ судъ, съ моимъ удовольствіемъ... Не сдрейфлю! Быть можетъ, правда всплыветъ, какъ ты съ матросовъ деньги берешь да на себя заставляешь ихъ работать. Кто стулъ, кто обшить, кто сапогъ, кто тебѣ замѣсто вѣстового... Дратся правъ нѣтъ, а вы, сволочь, боцмана да унтерцеры, зубы выбиваете... Знаете, что боятся жаловаться, такъ вы тиранствуете!? И какъ бы деньгами гдѣ поживиться... Это тебѣ вмѣсто Бога... Богъ-то только на языкѣ, а въ душѣ одинъ рупь-цѣлковый да беззаконіе! И какъ я ежели говорю, что на законъ плюютъ и совѣсть забыли,—такъ я, по твоему воображенію, бунтовщикъ? Ежели понимаю, что

неправдой живете, такъ это бунтъ!? Твой же братъ, такой же подневольный мужикъ былъ, а грозить въ штрафные да пороть... Полагаешь—испугать и на линію поставить. Умникъ. Насквозь человѣка видишь, а не видишь, что не всякій свинья и за грошъ душу не продастъ. Да и старшему офицеру, видно, не въ догадку, какой ты во всей формѣ мерзавецъ.

Этотъ великолѣпный и благополучный боцманъ, считавшій себя необыкновенно важной особой на кораблѣ, ахнулъ отъ изумленія и, растерянный, не останавливалъ дерзкихъ словъ возмущеннаго матроса.

Но прошла минута, и Ждановъ двинулся къ матросу, помахивая кулакомъ.

Поблѣднѣвшій какъ смерть, Митюшинъ не подался шагу назадъ и, рѣшительно глядя въ глаза боцмана, крикнулъ:

— Смѣй только. Искровяню твою сытую свиную морду!

И Ждановъ отвелъ свой взглядъ. Кулакъ боцмана опустился. И еще медленнѣе прохрипѣлъ онъ сдавленнымъ отъ злобы голосомъ:

— Поймешь, какъ найдешь свои права! Узнаешь, что съ тобой, отчаяннымъ, будетъ за оскорбленіе боцмана... Вонъ!

— Доноси, Іуда! Какъ бы самому не поперхнуться... Не всѣ же повѣрятъ, что ты бунтъ открылъ!—презрительно кинулъ матросъ...

Съ этими словами Митюшинъ вышелъ изъ боцманской каюты.

III.

И матросы называли Митюшина «отчаяннымъ».

Они дивились «башковатому» и безпокойному маленькому матросу, который «ничего не боится», такъ какъ горячится противъ несправедливости и «обижается», если что не по закону.

Матросы любопытно слушали возбужденныя страстныя рѣчи, но недолюбливали и побаивались «законника» за его подчасъ ядовитыя шутки и насмѣшки и часто не понимали, изъ-за чего «кипятится» этотъ образцовый по службѣ матросъ и за что постоянно «скалить зубы» надъ своимъ же братомъ.

— Одно слово—отчаянный и много о себѣ полагаетъ!—говорили про Митюшина.

«Отчаянный» чувствовалъ, что его алчущая правды душа не встрѣчаетъ сочувствія, и что онъ, нелюбимый за языкъ, одинокъ.

И все-таки призывалъ возмущаться неправдой, издѣвался надъ равнодушными.

Теперь въ безпокойномъ сердцѣ «отчаяннаго» прибавилась обида, и тяжкая обида. Нашелся матросъ, который на своего же брата наушничалъ «подлецу»-боцману—и за что? За то, что Митюшинъ матросамъ же хочетъ добра, защищая «законъ».

Митюшинъ зналъ, что противъ дисциплины виновать, «отчекрыживъ» боцмана, и что во всякомъ случаѣ будетъ «раздѣлка». «Пожалуй, и подъ судъ отдадутъ, ежели подлый боцманъ прибавитъ старшему офицеру всякаго вранья и кляузъ!»—разсуждалъ Митюшинъ.

И въ минуты сомнѣнія насчетъ торжества правды

его воображеніе рисовало уже нещадную оскорбительную порку «по закону», послѣ перевода въ штрафные.

Но «отчаянный» не только не сожалѣлъ о случившемся, а, напротивъ, испытывалъ нравственное облегченіе. Острое безпокойство возмущенной души точно утихло послѣ того, какъ боцманъ получилъ вполнѣ имъ заслуженную сдачу.

«По крайней мѣрѣ пусть знаетъ, какой онъ подлецъ!» Митюшинъ предполагалъ, что боцманъ уже докладываетъ старшему офицеру объ «отчаянности» подчиненнаго, и послѣ отдыха старшій офицеръ позоветъ къ себѣ и потребуетъ объясненія.

«Отчаянный» нетерпѣливо и тревожно ждалъ призыва. И думалъ:

«Хотя старшій офицеръ и строгій, но позволить обсказать все дѣло и тогда пойметъ, что исправный и усердный по службѣ матросъ, который ни разу еще не былъ незаконно наказанъ, не въ отместку за себя «одерзничалъ» боцману. И какой же Митюшинъ бунтовщикъ, если онъ только «безпокоится» изъ-за закона и подлости боцмана?»

«Отчаянный» не спалъ. Не до сна ему было.

Онъ повторялъ въ умѣ то, что объяснить старшему офицеру, настроенному боцманомъ, и смѣлость «отчаяннаго» диктовала смѣлыя слова. Они, казалось ему, должны быть такъ же убѣдительны, какъ сама правда.

И сомнѣнія разсѣивались, какъ тучи вѣтромъ. Безпокойному мечтательно-матросу вѣрилось, что правда «окажетъ», и что старшій офицеръ «полнымъ ходомъ войдетъ въ понятіе».

Митюшинъ вспомнилъ, что до сихъ поръ его не обезкураживали на «Грозящемъ».

Дѣйствительно, онъ завоевалъ себѣ нѣкоторое уваженіе.

На «Грозящемъ» были офицеры, которые напоминали старыя времена флотской «выучки». Она, казалось, снова входила въ моду, и даже юные мичманы насакивали съ кулаками на людей и не испытывали ни малѣйшаго смущенія.

Но всѣ эти господа, повидимому, понимали, что Митюшинъ выдѣлялся изъ толпы матросовъ и сознаниемъ человѣческаго достоинства, и пониманиемъ своихъ правъ. И потому законъ оберегалъ неприкосновенность его тѣла. Да къ тому же толковый и усердный матросъ безукоризненно служилъ и не давалъ повода офицерамъ къ «выучкѣ».

Часть отдыха прошелъ. Просвистали: «вставать».

Вслѣдъ за тѣмъ пробила тревога къ артиллерійскому ученію.

IV.

На мостикъ поднялся толстый, небольшого роста адмиралъ, съ сѣдой бородой, обрамлявшей добродушное полное лицо, довольный и ласково улыбающійся, какимъ привыкли всѣ видѣть младшаго флагмана, когда онъ «выплаывалъ» свой цензъ, для увѣнчанія его морской карьеры, на якорѣ и, слѣдовательно, не опасался за цѣлость его броненосцевъ,—вѣдь эти великаны требуютъ искуснаго управленія, и они часто «напарываются» на камни или притыкаются къ мелямъ.

Адмиралъ смотрѣлъ на ученье, и маленькіе добрые глаза его превосходительства принимали выраженіе мечтательнаго восторга при видѣ этихъ быстро заряжае-

мыхъ гигантовъ-орудій, точно адмиралъ представлялъ себѣ настоящій бой, насколько могло представить воображеніе человѣка, не бывавшаго въ бояхъ, и—«Грозящій», натурально, побѣдителемъ какого-нибудь «торгаша-англичанина».

— Превосходно-съ, Викторъ Ивановичъ! Съ особеннымъ удовольствіемъ смотрю на нашихъ молодцовъ.. Картина-съ, — проговорилъ адмиралъ, обращаясь къ капитану, стоявшему чуть-чуть сзади его, и приподнял голову и молодцовато выгнулъ грудь, чтобы казаться болѣе высокимъ и болѣе воинственнымъ.

Пожилой, плотный и представительный брѹнетъ средняго роста, озабоченно и нѣсколько безпокойно глядѣвшій на ученье, приложилъ пальцы къ козырьку фуражки и чуть подался впередъ.

— Я и мечтаю-съ, Викторъ Ивановичъ... И какъ думаете о чемъ?

— Не догадываюсь, ваше превосходительство!

— О томъ, что объяви намъ Англія войну, такъ съ такими матросиками, какъ наши, да съ такимъ духомъ, какъ у насъ,—раскатали бы мы англичанъ... Главное—духъ... Что-съ?

— Навѣрное, ваше превосходительство!—отвѣтилъ капитанъ.

И въ то же время, сохраняя почтительно официальный видъ хорошо вышколеннаго подчиненнаго, подумалъ:

«Не то говоришь ты, адмиралъ! Намъ не сунуться въ море. Спрячемъ свой флотъ въ Кронштадтъ, и простоятъ онъ тамъ! И теперь больше стоимъ, чѣмъ плаваемъ».

На это капитанъ, впрочемъ, не претендовалъ.

Какъ и адмиралъ, онъ не любилъ плаваній, которыя такъ издергивали нервы осторожнаго до боязливости человѣка, не увѣреннаго ни въ себѣ, ни въ тѣхъ судахъ, которыми командовалъ, пока благополучно «выплавывая» цензъ.

Командовалъ «Грозящимъ» онъ только два мѣсяца и, разумѣется, не знавшій его качества (раньше онъ управлялъ броненосцами другого типа), былъ доволенъ стоянкой въ Транзундѣ и не безъ страха отвѣтственности за свой семимилліонный броненосецъ думалъ о переходахъ по Финскому заливу. Того и гляди... бѣда.

— Какъ фамилія этого комендора, Викторъ Ивановичъ?—спросилъ адмиралъ, указывая короткимъ бѣлымъ и пухлымъ пальцемъ на «отчаяннаго», распоряжавшагося у орудія.

— Митюшинъ, ваше превосходительство.

— Бравый комендоръ... Любуюсь имъ, Викторъ Ивановичъ!

— Усердный матросъ, ваше превосходительство... Не правда ли, Иванъ Петровичъ?..

Старшій офицеръ, длинноногій и худой капитанъ второго ранга, лѣтъ за тридцать, въ очкахъ, съ академическимъ значкомъ на груди поношеннаго сюртука, озабоченный, раздражительный и нѣсколько ошалѣвшій, точно человѣкъ, что-то позабывшій, и своей фигурой и удлиненой формой лица, съ длиннымъ носомъ и круто срѣзаннымъ лбомъ, напоминалъ собой болотную птицу.

Онъ порывисто подтвердилъ аттестацію капитана и, обращаясь къ адмиралу, прибавилъ:

— Умный и способный матросъ, ваше превосходительство!

- А поведенія?
- Благонадежнаго, ваше превосходительство.
- Значить, не «закатываетъ»? — добродушно спросилъ адмиралъ и разсмѣялся тихимъ мелкимъ смѣхомъ.
- Трезвый...
- Такъ сдѣлали бы его унтеръ-офицеромъ! — въ формѣ совѣта промолвилъ адмиралъ.
- Онъ ужъ на виду къ производству... И боцманъ бы вышелъ хорошій, ваше превосходительство.
- То-то я сразу замѣтилъ матроса... И лицо открытое... — промолвилъ адмиралъ.
- Когда артиллерійское ученіе было окончено, старшій офицеръ подошелъ къ Митюшину и сказалъ:
- Молодцомъ, Митюшинъ! И адмиралъ тебя замѣтилъ.
- Слушаю, вашескобродіе! — вымолвилъ матросъ вмѣсто обычнаго отвѣта: «рады стараться».
- Старайся. Унтеръ-офицеромъ будешь!
- Повидимому, это обѣщаніе не обрадовало «отчаяннаго». Онъ промолчалъ, и когда старшій офицеръ пошелъ далѣе, выступая длинными шагами и поворачивая по сторонамъ голову, Митюшинъ усмѣхнулся и мысленно произнесъ:
- Нашелъ «цапель» унтерцера! Какова еще будетъ раздѣлка за боцмана.
- «Вѣрно вечеромъ, когда боцманъ пойдетъ къ старшему офицеру за приказаніями, оплететъ онъ матроса, и тогда «цапель» потребуетъ», — подумалъ Митюшинъ.
- Но прошелъ вечеръ, матросы отужинали, а Митюшина старшій офицеръ не требовалъ.

V.

Неизвѣстность тревожила Митюшина. Ему хотѣлось съ кѣмъ-нибудь подѣлиться сомнѣніями и услышать слово одобренія.

И онъ въ тотъ же вечеръ разсказалъ о своемъ столкновеніи съ боцманомъ рулевому Чижову. Онъ былъ аккуратный, исправный и обходительный человѣкъ. Себя онъ не «оказывалъ», какъ говорилъ Митюшинъ, такъ какъ Чижовъ больше отмалчивался при щекотливыхъ словахъ «отчаяннаго» на бакѣ или уходилъ. Но, казалось, понималъ его и какъ-то съ глазу на глазъ одобрилъ его слова насчетъ «закона», хотя и умѣлъ въ то же время ладить съ боцманомъ Ждановымъ.

Разсказъ Митюшина не вызвалъ сочувствія въ Чижовѣ.

Онъ покачалъ бѣлобрысой головой, словно бы сокрушенно, и, оглянувшись вокругъ лукавыми раскосыми глазами, тихо проговорилъ:

— Твое дѣло дрянь, Митюшинъ... Крышка!

— Будто?—недовѣрчиво спросилъ Митюшинъ.

— Очень даже просто. Напрасно ты оконфузилъ боцмана. И безо всякаго права. Вѣдь съ тобой онъ обращался по благородному?

— Положимъ...

— Въ фізіономію не заѣзжалъ? Боцманскихъ словъ не загибалъ?

— Смѣлъ бы!

— Онъ только почтенія требовалъ... Такъ чего было съ имъ хорохориться?... И довелъ до злобы... Зачѣмъ ты связался съ боцманомъ и отчекрыжилъ, какой онъ

такой... По какому твоему форцу?.. Зачѣмъ бѣду накли-
каль?—сентенціозно, не одобряя поступка Митюшина,
прибавилъ Чижовъ.

— Зачѣмъ?—переспросилъ «отчаянный».

Въ его насмѣшливомъ голосѣ звучала грустная
нотка разочарованія въ человѣкѣ, на котораго на-
дѣялся.

— То-то зря... Форцъ хотѣлъ показать боцману...
себя потѣшить? Ну, и потѣшился, а какой прокъ? Боц-
мана не обанкрутилъ, а себя зря обвиноватилъ. Не
бойсь, боцманъ съ разсудкомъ... Онъ во всей формѣ
«обуродуетъ» тебя по начальству... Отвѣть-ка насчетъ
бунта... Въ родѣ быдто бунтъ и окажется...

— И отвѣчу!—возбужденно промолвилъ «отчаянный».

— Отвѣтишь? Отдадутъ тебя подъ судъ и въ штраф-
ные, это какъ Богъ!

— Пусть!—раздраженно, возмущаясь Чижовымъ,
отвѣтилъ Митюшинъ.

— Пусть не пусть, а изъ-за фанаберіи отдуешься...
Насчетъ закона горячишься... Права, молъ, имѣешь?
Тебѣ покажутъ права... И тебя же люди дуракомъ на-
зовутъ... Не суйся, молъ, въ чужую глотку... Могъ бы
за башковатость и стараніе въ унтерцеры вытти... Ла-
дилъ бы съ начальствомъ и жилъ бы по-хорошему, съ
опаской. А теперь за твое мечтаніе—крышка... Старшій
офицеръ строгій, не проститъ, потому неповиновеніе.
За это не прощаютъ. Не думай. И какъ пойдетъ опросъ,
дознаются, что ты насчетъ закона да про всякое на-
чальство баламутилъ изъ-за своего языка... Не стѣснялся
своего званія... Вовсе, какъ дуракъ, втемяшился... А
жилъ бы да жилъ, Митюшинъ, какъ прочіе люди,
если бы боцмана не сконфузилъ...

«Отчаянный» молчалъ, словно бы не находилъ словъ и, казалось, былъ подавленъ.

И Чижовъ, подумавшій, что «отчаянный» струсилъ, прибавилъ:

— Одна есть загвоздка... Избавился бы отъ бѣды...

— Какая?

— Повинись предъ боцманомъ. Тоже и ему нелестно, какъ въ судѣ его обскажутъ... Пожалуй, простить... А тебѣ что?..

«Отчаянный» серьезно отвѣтилъ:

— Ай-да ловко уважилъ! Спасибо, пріятель!

— За что?.. Куда ты гнешь?

— Вполнѣ открылся, какой ты есть съ потрохами!

— Видно, не нравится, что обо всемъ полагаю съ разсудкомъ?

— Даже съ большимъ разсудкомъ обезсудилъ меня дуракомъ...

— Не лѣзь на рожонъ. Не полагай о себѣ... Помни, что матросъ.

— А поклонись я боцману и выйди въ унтеръ-офицеры да незаконно чисти твою лукавую рожу, такъ поумнѣю? Обскажи-ка!—съ презрительной насмѣшкой промолвилъ маленькій матросъ.

— Ты все зубы скалишь!..

— А какъ же съ тобой?

— Въ штрафные, что ли, лестно?

— Безпремѣнно желаю. Оттого и зубы скалю!

— Перестанешь!—злобно сказалъ Чижовъ.

— И скоро?

— Хоть завтра пройдетъ твоя отчаянность!

— По какой-такой причинѣ?

— Отшлифуютъ на первый разъ за боцмана. Не-

бойсь, прошлое лѣто выпороли одного матроса и перевели въ штрафные... Очень просто!

Митюшинъ ужаснулся при мысли, что его завтра же могутъ позорно наказать, и возмутился, что свой же братъ, матросъ, точно злорадствуетъ позору ближняго и беззаконію.

Но въ темнотѣ вечера у борта, на бакѣ, гдѣ два матроса бесѣдовали, Чижовъ не видалъ блѣднаго, взволнованнаго лица и сверкающихъ черныхъ глазъ «отчаяннаго».

— Пусть шлифуютъ! А ты смотри!—вызывающе кинулъ онъ, скрывая свой ужасъ.

Чижовъ удивился.

— И съ чего это ты такой отчаянный? Не могу я въ толкъ взять...

— Вѣтромъ надуло...

— Гдѣ?..

— На фабрикѣ.

— Такъ. А на царской службѣ тоже, значитъ, надуло? — иронизировалъ Чижовъ, чувствуя себя оскорбленнымъ тономъ «отчаяннаго».

— Вѣрно, что такъ...

— Чудно что-то...

— Видно не слыхалъ, что люди тоскуютъ по правдѣ?—вдругъ воскликнулъ Митюшинъ.

Чижовъ недоувѣрчиво усмѣхнулся.

— То-то не понять! Душа въ тебѣ свинья, а разсудокъ подлый... Еще радъ, что матроса отпорятъ безъ всякаго закона! Думаешь: только больно, а не то, что позорно и обидно... И что совѣтовалъ?.. Совѣсть-то въ деревнѣ оставилъ... А я полагалъ, что ты хоть и трусь,—все-таки съ понятіемъ втихомолку!—негодующе прибавилъ Митюшинъ, возвышая голосъ.

— Ты что же ругаешься? Это по какимъ правамъ?

— Вали къ своему боцману... Виляй свинимъ своимъ хвостомъ и обсказывай. Можетъ, и ты ему про меня кляузничалъ... Такъ заодно...

— Усмирять тебя, дьявола отчаяннаго!

И Чижевъ, полный ненависти къ нему, отошелъ. Роздали койки. Митюшинъ долго не засыпалъ, думая грустныя думы.

Съ полуночи онъ вышелъ на вахту и мѣрно шагаль по палубѣ, ни съ кѣмъ не заговаривая; онъ снова думалъ, одинокій, тоскующій, какъ вдругъ къ нему подошелъ матросикъ-первогодокъ.

Митюшинъ остановился.

— Что тебѣ?—спросилъ онъ.

Матросикъ застѣнчиво и душевно проговорилъ, понижая голосъ до шепота:

— А тебя, Митюшинъ, Господь вызволить изъ бѣды за твою смѣлость. Я хоть и просто, а понялъ, отчего ты тоскуешь. Изъ-за правды тоскуешь. Изъ-за нея проучилъ боцмана! Жалѣешь матроса, безпокойная ты душа!

— Спасибо на ласковомъ словѣ, Черепковъ!—горячо и взволнованно проговорилъ Митюшинъ.

И смятенная его душа просвѣтлѣла.

«Отчаянный» вдругъ почувствовалъ, что онъ не одинокъ.

VI.

Утромъ, когда на «Грозящемъ» шла обычная «уборка», боцманъ Ждановъ былъ еще неприступнѣе и ходилъ по кораблю, словно надутый и обозленный индюкъ.

Сегодня боцманъ наводилъ большій страхъ на матро-

совъ. Болѣе, чѣмъ обыкновенно, онъ сквернословилъ, придираясь изъ-за всякаго пустяка, и нѣсколько матросовъ прибилъ съ хладнокровной жестокостью, не спѣша и молча.

«Отчаянный» волновался.

Одному матросу, у котораго изъ зубовъ сочилась кровь, онъ возбужденно и громко сказалъ:

— Что ты позволяешь этому звѣрю-боцману тиранствовать надъ собой? Онъ не смѣетъ драться!

Матросъ молчалъ. Притихли и другіе матросы, стоявшіе вблизи. Притихли и любопытно ждали, что будетъ. Боцманъ стоялъ въ двухъ шагахъ и слышалъ каждое слово «отчаяннаго».

Но Ждановъ только бросилъ на Митюшина безпощадный злой взглядъ и пошелъ далѣе, великолѣпный, строгій и высокомерный.

«Сегодня будетъ раздѣлка!»—рѣшилъ Митюшинъ. Дѣйствительно, за четверть часа до подъема флага вѣстовой старшаго офицера вприпрыжку подошелъ къ Митюшину.

— Старшій офицеръ требуетъ въ каюту!—проговорилъ невеселымъ тономъ вѣстовой.

И, понижая голосъ, участливо скороговоркой прибавилъ:

— Освирѣпѣлъ... страсть! Сей минутъ боцманъ былъ у «цапеля» и на тебя, Митюшинъ, кляузничалъ... Я заходилъ въ каюту и слышалъ, какъ боцманъ противъ тебя настраивалъ. Такъ ты знай!

— Спасибо, братъ!—порывисто проговорилъ Митюшинъ.

— А первымъ дѣломъ помалкивай... Слушай и не

прекословь. Какъ отзудить, тогда обсказывай: «такъ, моль, и такъ!» Дозволить!

Митюшинъ, слегка поблѣднѣвшій и возбужденно припоминая смѣлыя слова, которыя хотѣлъ сказать, быстро спустился въ каютъ-кампанію.

Тамъ сидѣли почти всѣ офицеры корабля вокругъ большого стола за чаемъ.

При появленіи «отчаяннаго» оживленные разговоры и споры вдругъ стихли.

Въ каютъ-кампаніи только-что узнали, что этотъ исправный и способный матросъ осмѣлился «бунтовать» и ругать при матросахъ даже самого адмирала. А боцмана чуть-было не ударилъ.

И многіе офицеры изумленными и безпощадными глазами оглядывали маленькаго смугловатаго матроса съ «дерзкими» глазами, который рѣшительно и смѣло шелъ, направляясь къ каютѣ старшаго офицера.

— Экая наглая скотина! Тоже агитаторъ на военномъ кораблѣ! — презрительно воскликнулъ одинъ юный пригожій мичманъ.

— Не ругай челоуѣка. Не по-джентльменски! Да еще не въ отместку ли наговорилъ боцманъ. Нельзя ему довѣрять! — произнесъ по-французски высокій, съ открытымъ добродушнымъ лицомъ брюнетъ-мичманъ, обращаясь къ товарищу укоризненно.

Митюшинъ догадался, что рѣчь о немъ. Онъ зналъ, что брюнетъ былъ «доберъ» съ матросами и «понималъ законъ».

«Отчаянный» бросилъ на мичмана быстрый, сочувственный взглядъ, точно благодарилъ единственнаго защитника, и безъ всякой робости постучалъ въ двери каюты старшаго офицера.

— Входи!

Матросъ вошелъ въ просторную, свѣтлую одиночную каюту и, остановившись у запертой имъ двери, поблѣднѣлъ и, строго серьезный, напряженно глядѣлъ на старшаго офицера. Слова, которыя хотѣлъ сказать «отчаянный», словно бы исчезли изъ его головы въ первую минуту.

Худощавый и высокій, Иванъ Петровичъ сидѣлъ у письменнаго стола, согнувши свои длинныя ноги и, гнѣвный, съ сверкавшими подъ очками сѣрыми глазами, взволнованно и торопливо дѣлалъ затяжки изъ толстой папиросы и неистово теребилъ костлявыми и длинными пальцами жидковатую русую бороду.

При взглядѣ на Митюшина, не имѣвшаго виноватаго вида, небольшіе глаза старшаго офицера расширились отъ изумленія при такой, казалось, наглости матроса. И Иванъ Петровичъ уставился на «отчаяннаго», словно бы первый разъ въ жизни увидалъ и хотѣлъ разсмотрѣть такого опаснаго негодяя, который совершилъ неслыханное нарушеніе дисциплины и обнаружилъ возмутительныя понятія.

Не роняя слова, старшій офицеръ все болѣе возмущался, отдаваясь гнѣву.

Такъ прошло нѣсколько секундъ.

Матросъ не опускалъ глазъ.

VI.

— Ты вотъ какой!—наконецъ началъ Иванъ Петровичъ, окончивъ папиросу.—Русскій матросъ нарушилъ присягу... Да... Присягу и совѣсть! Подстрекалъ матросовъ къ неповиновенію предержавшимъ властямъ...

Опорочилъ боцмана, ругалъ его и грозилъ оскорбленіемъ дѣйствиємъ!.. Осмѣивалъ начальство! А я еще хотѣлъ произвести въ унтеръ-офицеры. Думалъ, что ты... Подъ судъ... Будешь въ морской тюрьмѣ.

Митюшинъ не вѣрилъ ушамъ, когда узналъ, въ чемъ его обвиняетъ и чѣмъ угрожаетъ старшій офицеръ, повѣрившій боцману.

— Вашескобродіе! Дозвольте объяснить!

— Молчать!—крикнулъ старшій офицеръ.

Митюшинъ смолкъ; казалось, положеніе его безнадежное... Старшій офицеръ продолжалъ говорить и, взвинчивая себя гнѣвомъ, уже грозилъ, что за подобное преступленіе присудитъ въ арестанты.

— Подъ арестъ! На хлѣбъ и воду! И если еще кому-нибудь дерзость — выпорю! — закончилъ старшій офицеръ.

Гнѣвъ его въ ту же минуту сталъ утихать... точно грозовая туча разразилась. И онъ словно смутился, когда могъ увидать въ этомъ блѣдномъ, страшно серьезномъ лицѣ «преступника» страдальческое выраженіе и въ глазахъ что-то тоскливое, словно бы полное укора и въ то же время смѣлое.

— Вашескобродіе! Дозвольте объяснить!—снова началъ Митюшинъ.

— Чтó можешь объяснить? Боцманъ все доложилъ, какой ты гусь...

— Боцманъ, вашескобродіе, оболгалъ меня!

— Ты врешь... Развѣ боцманъ станеть клеветать на матроса.

— Я Бога помню, вашескобродіе, и не вру! Боцманъ въ отместку наклеузничалъ, и вы изволили повѣрить... На судѣ правда окажется, вашескобродіе...

Лицо «отчаяннаго» дышало такой правдивостью и голосъ звучалъ такой искренностью, что матросъ уже не казался «преступникомъ», заслуживающимъ тяжкаго наказанія, и строгій офицеръ невольно смягченнымъ тономъ спросилъ:

— Ты ругалъ боцмана и грозилъ побить?..

— Точно такъ, ваше благородіе!

— Развѣ боцманъ тебя тѣснилъ? Вѣдь съ тобой всѣ хорошо обращались?

— Точно такъ, вашескобродіе. Боцманъ не тѣснилъ, и всѣ со мною обращались по закону...

— Такъ почему же ты оскорбилъ боцмана?

— Онъ тиранствуетъ надъ матросами, вашескобродіе, и нѣтъ ему узды. Вамъ неизвѣстно, какой онъ взяточникъ и какъ бьетъ людей... И когда онъ поднялъ на меня кулаки въ своей каютѣ, я не позволилъ... Сказалъ, что дамъ сдачу... Каждый это скажетъ, если доведутъ... Закона нѣтъ драться и оскорблять. И матросъ можетъ чувствовать. За дерзости я виноватъ, ваше-скобродіе. Но не бунтовалъ и не подстрекалъ къ неповиновенію. Я только говорилъ матросамъ, что, по закону, нельзя драться, что надо жить по правдѣ и по совѣсти. Это развѣ бунтъ?

Митюшина словно бы захлестнула какая-то волна. Онъ возбужденно и страстно въ подробности разсказалъ о столкновеніи съ боцманомъ и отчего не можетъ уважать такого безсовѣстнаго человѣка, изъ-за котораго безвинно терпятъ матросы и не смѣютъ жаловаться изъ боязни, что правда не всплыветъ и правые останутся виноватыми. Онъ говорилъ, какъ нудно изъ-за этого служить. А вѣдь законъ для всѣхъ... Исполняй законъ, и не было бы людямъ обиды.

— Но ты-то что за защитникъ закона? Кто тебѣ позволилъ?

— За правду безпокоюсь, вашескобродіе!.. Говорилъ, что матросъ не долженъ позволять, чтобы его били.

— И начальство бранилъ?

— Точно такъ. Случалось, осуживалъ, вашескобродіе.

— За что-жъ ты смѣлъ судить?

— Каждый человѣкъ смѣетъ судить по своему понятію, вашескобродіе... Я и осуждалъ, что господа офицеры должны давать примѣръ законно, а они дерутся и нѣтъ имъ... Вотъ и весь былъ мой бунтъ.

— И меня бранилъ?

— Случалось, вашескобродіе!—правдиво вымолвилъ «отчаянный».

— За что?

— За то самое, вашескобродіе!

— Ты взаправду отчаянный!—промолвилъ старшій офицеръ, но возмущеннаго чувства въ немъ уже не было.

Онъ задумался и находился въ смятенномъ настроеніи человѣка, котораго внезапно выбили изъ колеи.

Пронеслось что-то свѣтлое, когда и онъ въ дни юности безпокоился за правду... Самъ безупречно честный, онъ возмущался боцманомъ, о продѣлкахъ котораго и не догадывался и которымъ начиналъ вѣрять. Изумлялся «отчаянному» и понималъ, что онъ не бунтовщикъ, но во всякомъ случаѣ безпокойный матросъ и заслуживаетъ наказанія за нарушеніе дисциплины, и такой матросъ будетъ заводить «исторіи». Если отдать его подъ судъ, то навѣрное переведутъ въ штрафные, и будущность человѣка испорчена. Да и обнаружится многое, что дѣлалось на Грозящемъ, и будетъ неприятно для старшаго офицера и капитана.

Иванъ Петровичъ считалъ себя справедливымъ. И въ голову его пришла мысль, что, по совѣсти, слѣдовало бы отдать подъ судъ боцмана, если все, что говорилъ Митюшинъ, подтвердится дознаніемъ. Но боцманъ былъ отличнымъ исполнителемъ, и лишиться такого человѣка неприятно для старшаго офицера. И, главное, снова на судѣ вынесется тотъ «соръ», который выносить боится начальство, а Иванъ Петровичъ боялся всякаго начальства, такъ какъ думалъ о своемъ благополучіи. Да и отдавая боцмана подъ судъ, старшій офицеръ обнаружилъ бы свою вину. Какъ онъ не зналъ такихъ беззаконій и служилъ съ боцманомъ двѣ кампаніи?

Въ концѣ концовъ старшій офицеръ, раздраженный, что на «Грозящемъ» изъ-за матроса вышли «такія неприятности» для него, и безъ того цѣлые дни хлопотавшаго безъ усталы, запутался и не зналъ, что сдѣлать съ «отчаяннымъ».

Прошла минута, другая. И наконецъ у старшаго офицера явилось рѣшеніе—замять все это дѣло. По крайней мѣрѣ, это казалось такому безхарактерному человѣку лучшимъ выходомъ.

И онъ сказалъ Митюшину:

— Я прощу твой проступокъ, если ты будешь просить прощенія у боцмана... Мнѣ жаль тебя... А я поговорю съ боцманомъ... Понялъ?

— Понялъ, вашескобродіе!

— Но только смотри, чтобы впредь ни гу-гу... Не болтай, а то попадешь подъ судъ и пропадешь... Не забудь этого... Какой бы ни былъ боцманъ—не твое это дѣло, а дѣло начальства... И не тебѣ о немъ разсуждать... А если считаешь себя безвинно наказаннымъ, можешь жаловаться по начальству!

Старшій офицеръ думалъ, что спасъ «отчаяннаго» и тотъ долженъ быть благодаренъ. Въ то же время «исторія» окончится. А боцмана онъ разнесетъ и ему пригрозитъ. Онъ перестанетъ драться и брать взятки...

Но Митюшинъ не только не обнаружилъ благодарныхъ чувствъ, напротивъ, онъ былъ мраченъ.

— Такъ ступай и подъ арестъ не садись!..

— Слушаю, вашескобродіе... Но только...

— Что еще?

— Я не пойду просить прощенія у боцмана. Если кого подъ судъ, то слѣдуетъ его, вашескобродіе...

— Молчать! Я прикажу тебя выпоротъ!—вспылилъ старшій офицеръ.

— На то закона нѣтъ, вашескобродіе! Прикажете прежде судить, вашескобродіе! Правда окажется!—отвѣтилъ «отчаянный» и вышелъ изъ каюты.

VIII.

Старшій офицеръ одумался, и «отчаяннаго» розгами не наказали.

Черезъ день послѣ дознанія его отправили въ Петербургъ, и «отчаянный» былъ посаженъ въ морскую тюрьму какъ подслѣдственный. Осенью его перевели въ госпиталь, и у него оказалась скоротечная чахотка.

Въ палатѣ «отчаянный» попрежнему «безпокоился» за законъ, тосковалъ по правдѣ, говорилъ сосѣдямъ-больнымъ горячія рѣчи...

Онъ все еще ждалъ суда и надѣялся, что тамъ «правда окажется» и боцмана уберутъ.

«Отчаянный» такъ и не дождался. Передъ Рождествомъ онъ умеръ.

Смотръ.

МОРСКОЙ РАЗСКАЗЪ.

(Изъ далекаго прошлаго).

I.

За нѣсколько лѣтъ до Крымской войны на севастопольскомъ рейдѣ, словно замлѣвшемъ въ мертвомъ штилѣ, стояла щегольская эскадра паруснаго черноморскаго флота.

Палящая жара начинала спадать. Августовскій день догоралъ.

На полуютъ флагманскаго трехдечнаго корабля «Султанъ-Махмудъ» подъ адмиральскимъ флагомъ, повисшемъ на форъ-брамъ-стенгѣ, маленькій молодой сигнальщикъ Ткаченко не спускалъ подзорной трубы съ Графской пристани, у которой дожидалась бѣлая адмиральская гичка.

Адмиралъ приказалъ ей быть къ семи часамъ, и время приближалось.

И какъ только на судахъ эскадры колокола пробили шесть склянокъ, въ колоннадѣ пристани показался вы-

сокій, слегка сутуловатый, плотный адмиралъ Воротынцевъ, крѣпкій и необыкновенно моложавый для своихъ пятидесяти семи лѣтъ, которыя онъ называлъ «среднимъ возрастомъ».

Онъ глядѣлъ молодцомъ въ сюртукъ съ эполетами, съ Владиміромъ на шеѣ и георгіевскимъ крестомъ въ петлицѣ. Изъ-подъ чернаго шейнаго платка бѣлѣли маленькія брыжки сорочки — «лисея», какъ называли черноморскіе моряки, носившіе ихъ, отступая отъ формы, даже и въ Николаевскія времена.

Быстрой, легкой походкой, перескакивая черезъ двѣ ступеньки лѣстницы, съ легкостью мичмана, адмиралъ спускался къ гичкѣ.

Офицеры, встрѣчавшіеся съ адмираломъ, кланялись, снимая фуражки. Снималъ фуражку, отдавая поклоны, и адмиралъ. Матросамъ, останавливающимся съ фуражками въ рукахъ, говорилъ:

— Зря не торчи, матросъ. Проходи!

Сигнальщикъ съ флагманскаго корабля увидалъ адмирала, со всѣхъ ногъ шарахнулся къ вахтенному лейтенанту Адрианову и нѣсколько взволнованно и громко воскликнулъ:

— Адмиралъ, ваше благородіе!

— Гдѣ?

— Идетъ къ гичкѣ, ваше благородіе!

— Доложи, какъ отвалить.

— Есть, ваше благородіе!..

И черезъ минуту крикнулъ:

— Отваливаютъ, ваше благородіе!

— Оповѣсти капитана и офицеровъ.

— Есть! — отвѣтилъ сигнальщикъ и побѣжалъ съ полюта.

Щеголяя своимъ сипловатымъ баскомъ, лейтенантъ крикнулъ:

— Фалрепные, караулъ и музыка навверхъ, адмирала встрѣчать!

Старый боцманъ Кряква засвисталъ и закончилъ команду руладой артистическаго сквернословія.

Здоровые наподборъ гребцы на гичкѣ наваливались изо всѣхъ силъ, откидываясь совсѣмъ назадъ, чтобы сильнѣе сдѣлать гребки, и минутъ черезъ десять гичка съ разбѣга зашабашила и, удержанная крюкомъ, остановилась какъ разъ кормой къ серединѣ рѣшетчатой доски трапа.

— По чаркѣ, молодцы! — отрывисто бросилъ адмиралъ, выскакывая изъ шлюпки.

И, видимо довольный своими гребцами, сдобрилъ свои слова краткимъ комплиментомъ въ видѣ своеобразнаго морского привѣтствія.

— Ради стараться, ваше превосходительство! — отвѣтилъ загребной отъ имени всѣхъ красныхъ, вспотѣвшихъ и тяжело дышавшихъ гребцовъ.

Адмиралъ не поднялся, а взбѣжалъ съ маху мимо фалрепныхъ, по-двое стоявшихъ у фалреповъ на поворотахъ колѣнчатаго высокаго параднаго трапа, и у входа былъ встрѣченъ капитаномъ и вахтеннымъ начальникомъ. Офицеры стояли во фронтѣ на шканцахъ. По другой сторонѣ караулъ отдавалъ честь, держа ружья «на караулъ». Хоръ музыкантовъ игралъ любимый тогда во флотѣ венгерскій маршъ въ честь Кошута.

И, словно бы избѣгая этихъ парадныхъ встрѣчъ, отмѣнить которыя было неудобно, адмиралъ, раскланиваясь, торопливо скрылся лодъ полують, въ свое просторное адмиральское помѣщеніе.

Въ большой свѣтлой каютѣ, служившей приѣмной и столовой, съ проходившей посрединѣ бизань-мачтой, съ балкономъ вокругъ кормы, и убранной хорошо, но далеко безъ кричащей роскоши адмиральскихъ каютъ на современныхъ судахъ, адмирала встрѣтилъ вѣстовой, носящій странную фамилію Суслика, пожилой, рябоватый и серьезный матросъ, съ мѣдной серьгой въ оттопыренномъ ухѣ, въ матросской форменной рубахѣ и босой.

Жилъ онъ безотлучно вѣстовымъ у Воротынцева лѣтъ пятнадцать. Но денегъ у Сусликова не было, и онъ не пользовался своимъ положеніемъ адмиральскаго любимца вѣстового и пьянствовалъ на берегу съ матросами, а съ «баковыми аристократами» не водилъ компаніи.

— Снасть съ меня убрать и трубку, Сусликъ! — не говорилъ, а кричалъ адмиралъ по привычкѣ моряковъ, командовавшихъ на палубѣ.

И онъ нетерпѣливо разстегнулъ и сбросилъ сюртукъ, пойманный на-лету вѣстовымъ, снялъ орденъ и размоталъ шейный черный платокъ.

Въ минуту Сусликъ снялъ съ большихъ ногъ адмирала сапоги, подалъ мягкіе башмаки и старенькій люстриновый «походный» сюртукъ съ золотыми «кондриками» для эполетъ. И тотчасъ же принесъ длинный чубукъ съ янтаремъ, подалъ адмиралу и приложилъ горящій фитиль къ трубкѣ.

— Ловко... Отлично! — произнесъ адмиралъ сквозь бѣлые, крѣпкіе, всѣ до одного зубы, закуривая трубку.

Онъ почувствовалъ себя «дома», въ каютѣ, безъ «снасти» удовлетворенно довольнымъ и, развалившись съ протянутыми ногами въ большомъ плетеномъ креслѣ

у стола, съ наслажденіемъ затягивался изъ трубки крѣпкимъ и вкуснымъ сухумскимъ табакомъ по рублю за око ¹⁾, и по-временамъ насмѣшливая улыбка свѣтилась въ его маленькихъ острыхъ глазахъ.

Вѣстовой хотѣлъ-было уйти, какъ адмиралъ сказалъ:

— Подожди, Сусликъ!

— Есть!—отвѣтилъ Сусликъ и притулился у двери въ спальную.

Адмиралъ молчалъ, покуривая трубку.

— «А то гаванскую сигару, адмиралъ?»—вдругъ проговорилъ онъ, стараясь измѣнить и смягчить свой рѣзкій голосъ, нѣсколько гнусава и протягивая слова, словно передразнивалъ кого-то.

Адмиралъ усмѣхнулся и уже продолжалъ своимъ голосомъ въ добродушно ироническомъ тонѣ:

— И марсалы не подавали за обѣдомъ у его свѣтлости князя Собакина... Да-съ... Высокая государственная особа-съ пріѣхала въ нашъ Севастополь... Первый аристократъ-съ... Разговоръ на дипломатіи... Одна деликатность... Гляди, молъ, моряки, какіе вы грубые и необразованные... И все го-сотерны, го-лафиты... А шампанское послѣ супа пошло... А послѣ пирожнаго тутъ же ротъ полощи... Аглицкая мода... Плюй при публикѣ, а громко сказать неприлично-съ...

— Понялъ, Сусликъ?

— Точно такъ, Максимъ Ивановичъ.

— Такихъ не видалъ, Сусликъ?

— Не доводилось, Максимъ Ивановичъ.

— Завтра покажу. Его свѣтлость и дочка его прі-

¹⁾ Три фунта.

ѣдутъ посмотрѣть корабль, и мы дадимъ завтракать... Да чтобы ты былъ у меня въ полномъ парадѣ... Понялъ?

— Есть!

— Чтобы чистая рубаха... Побрейся и обуйся. Нельзя босому подавать важной дамѣ. Скажутъ: грубая матрозня! — не безъ ироніи вставилъ адмиралъ и прибавилъ:— Да смотри, идолъ, рукой не сморкайся...

— Не оконфузю, Максимъ Ивановичъ! — увѣренно и не безъ горделивости отвѣтилъ Сусликъ.

И въ черноволосой коротко остриженной его головѣ промелькнула мысль:

«Ты-то не оконфузь своимъ языкомъ!»

— Ты у меня вѣстовщина съ башкой! То-то черти играли въ свайку на твоей чортовой рожѣ.

— Не бойсь, по своему матросскому разсудку могу обмозговать и марсалу завтра подамъ къ столу, дарма что по-столичному не подаютъ...

Адмиралъ засмѣялся.

— Смѣтливъ ты, Сусликъ, когда трезвый! — произнесъ онъ.

— Я только отпущенный вами на берегъ занимаюсь виномъ... И рѣдко!—угрюмо и сердито промолвилъ вѣстовой, хорошо зная, какъ основательно онъ «занимается» во время рѣдкихъ отлучекъ на берегъ и какія бывали съ нимъ раздѣлки отъ адмирала, когда онъ, случалось, очень «намарсаливался».

— Ты, Сусликъ, не вороти рожи... Я къ слову...

— Такъ прикажете принести графинъ марсалы, Максимъ Ивановичъ?

— Молодчина! Догадался, башка, попотчивать адмирала. Давай да попроси капитана.

Вѣстовой принесъ графинъ марсалы и двѣ большія рюмки, поставилъ на столъ и пошелъ за капитаномъ.

Адмиралъ налилъ рюмку, быстро выпилъ рюмки три и четвертую началъ уже отхлебывать большими глотками, съ удовольствіемъ смакуя любимое имъ вино.

II.

Осторожно и вкрадчиво, словно котъ, вошелъ въ адмиральскую каюту капитанъ, пожилой, толстый, круглый и сытый брюнетъ съ изряднымъ брюшкомъ, выдающимся изъ-подъ застегнутаго сюртука съ штабъ-офицерскими эполетами капитана 1-го ранга, съ волосатыми пухлыми руками и густыми усами.

Его смуглое, отливавшее рѣзкимъ густымъ румянцемъ, съ крупнымъ горбатымъ носомъ и съ большими, умильными, выпуклыми черными глазами съ поволокой лицо выдавало за типичнаго южанина.

Несмотря на необыкновенно ласковое и даже слащавое выраженіе этого лица, въ немъ было что-то фальшивое. Капитана не терпѣли и прозвали на бакъ «живодеромъ-грекомъ».

Капитанъ, впрочемъ, называлъ себя русскимъ и считалъ болѣе удобнымъ передѣлать свою греческую фамилію «Дмитраки» на Дмитрова и испросилъ объ этомъ разрѣшеніе.

— Чтò прикажете, ваше превосходительство?—спросилъ, приближаясь къ адмиралу, капитанъ почтительно высокимъ мягкимъ теноркомъ и впился въ адмирала своими, полными восторженной преданности, «коварными маслинами», какъ называли его глаза мичманы.

Но прежде капитанъ предусмотрительно взглянулъ на графинъ,—много ли уровень марсалы понизился.

— И что это вы, Христофоръ Константинычъ, словно ученый котъ, меня прельстить хотите... Я хоть и превосходительство, а Максимъ Ивановичъ. Кажется, знаете-съ?—насмѣшливо и раздражительно выпалилъ адмиралъ.—Присядьте... Хотите марсалы? — прибавилъ онъ любезнѣе.

Повидимому, капитанъ нисколько не обидѣлся на смѣшкой адмирала. Напротивъ, пріятно улыбнулся, словно бы остроуміе адмирала ему понравилось.

«Лишняя лестъ не мѣшаетъ, какъ и лишняя ложка масла въ кашѣ», — подумалъ «грекъ», никогда не показывавшій неудовольствія на начальство.

И капитанъ, присаживаясь на стулъ, тѣмъ же льстивымъ тономъ проговорилъ:

— Премного благодаренъ, Максимъ Ивановичъ... А что назвалъ по титулу — извините-съ, Максимъ Ивановичъ... По привычкѣ-съ... Прежній адмиралъ не любилъ, чтобы его называли по имени и отчеству...

— А я не люблю, когда меня титулуютъ-съ... И не благодарите-съ. Хотите или нѣтъ-съ марсалы?

— Выпью-съ рюмку, Максимъ Ивановичъ... Отличное вино.

— Наливайте... Вино натуральное...—И, отхлебнувъ марсалы, прибавилъ:—Завтра у насъ смотръ, Христофоръ Константинычъ.

Капитанъ изумился.

— Главный командиръ?—испуганно спросилъ онъ.

— Эка вы, Христофоръ Константинычъ! Приѣзжай главный командиръ въ Севастополь, давно бы у васъ дрожали поджилки... Къ намъ приѣдетъ въ одиннад-

цать часовъ князь Собакинъ... Катеръ послать съ мичманомъ!

— Его свѣтлость!? — съ какимъ-то сладострастіемъ въ голосъ воскликнулъ облегченно капитанъ... — Почему его свѣтлость пожелалъ осчастливить насъ?

— А такъ-съ. Взялъ да осчастливилъ!.. Захотѣлъ посмотрѣть и съ дочерью... Она пожелала... И насчетъ этого князь въ нѣкоторомъ родѣ-съ стѣснился... Послѣ обѣда... Обѣдъ ничего, только марсалы не подавали-съ... Отвелъ меня къ окну и тихонько спрашиваетъ: «Только удобно ли дочери, адмиралъ?»

— Въ какомъ это смыслѣ, Максимъ Ивановичъ?

— Не сообразили, Христофоръ Константинычъ? А еще командиръ корабля!.. — насмѣшливо спросилъ адмиралъ.

— Не могу сообразить, Максимъ Ивановичъ...

— Поймете, какъ узнаете, что думаетъ князь... А мнѣ досадно, что этотъ брандахлысть, будь ты хоть разминистръ и развельможа, боится везти замужнюю дочь на русскій военный корабль. Аристократка, — скажите пожалуйста!.. Я и спрашиваю, будто не догадываюсь: «Почему-съ сомнѣвается ваша свѣтлость?» А онъ улыбается по придворному — чортъ его знаетъ, какъ понять! — и, наконецъ, съ самой утонченной любезностью прогнусавилъ: «Я слышалъ, милый адмиралъ, что на корабляхъ въ ходу такой морской жаргонъ, что женщина сконфузится... Такъ не лучше ли не брать графиню». Поняли, Христофоръ Константинычъ?

— Какое мнѣніе у его свѣтлости о флотѣ, Максимъ Ивановичъ! — съ чувствомъ прискорбія промолвилъ капитанъ.

— Дурацкое мнѣніе-съ!.. — выкрикнулъ адмиралъ,

обрывая капитана.—Екатерина, не бойсь, не обидѣлась, когда адмиралъ Свиридовъ, рассказывая ей о побѣдѣ, увлекся, сталъ «загибать» и, спохватившись, ахнулъ... Она была умная и ласково сказала: «Не стѣсняйтесь, адмиралъ. Я, говоритъ, морскихъ терминовъ не понимаю!».. А вѣдь на смотру мы барынькѣ о сраженіяхъ рассказывать не будемъ... Да хоть бы услышала съ бака «морской терминъ»... Эка бѣда!.. Не слыхала, что ли, на улицѣ, будь и графиня!.. Вашъ, Христофоръ Константинычъ, князь, — почему-то назвалъ адмиралъ князя капитанскимъ, — не очень-то уменъ... Ты посмотри и увидишь, сконфузимъ ли мы даму, если захотимъ! И я далъ слово, что не сконфузимъ. Поняли?..

— Есть!

— Чтобы завтра во время смотра ни одного «морского термина», Христофоръ Константинычъ! — строго проговорилъ адмиралъ.

— Слушаю-сь...

— Положимъ, на бакѣ хоть топоръ повѣсь — такъ ругаются, особенно боцманы и унтеръ-офицеры!.. Но пусть хоть при дамѣ воздержатся...

— Не посмѣютъ, Максимъ Иванычъ, — съ какой-то внушительною загадочностью попрежнему ласково проговорилъ капитанъ.

— И офицеры чтобы придержали языки... Ни одной команды не могутъ кончить безъ прибавленій... Такъ побольше, знаете ли, характера... На часъ, не больше...

— Помилуйте-сь, Максимъ Иванычъ.

— Что-сь?

— Да ужъ одно посѣщеніе такихъ высокопоставленныхъ особъ, какъ его свѣтлость и ея сіятельство графиня, обрадуетъ господъ офицеровъ и заставитъ

ихъ быть на высотѣ положенія! — не безъ «лирики» проговорилъ капитанъ.

— Что вы вздоръ городите-съ! — рѣзко оборвалъ Максимъ Ивановичъ. — Что-съ? Какая тамъ радость и высота положенія... лакейство-съ!.. Это брехня на офицеровъ... Что-съ? — выкрикивалъ, точно спрашивалъ взбѣшенный адмиралъ, хотя капитанъ не думалъ возражать. — И вы ничего не говорите офицерамъ... Поняли-съ?

— Понялъ, ваше превосходительство!

— Я самъ имъ скажу, что адмиралъ не хотѣлъ бы видѣть подтвержденія глупостей князя и дамы въ обморокъ отъ... отъ морскихъ терминовъ, что ли... Однимъ словомъ... Я попрошу офицеровъ, и они воздержатся... Слышали-съ?

— Слушаю, ваше превосходительство.

— А больше васъ не задерживаю, можете идти-съ!

Капитанъ вышелъ, улепетывая какъ вѣжливый боязливый котъ отъ оскалившей зубы собаки.

«Подлинно собака!» — съ ненавистью подумалъ капитанъ.

Адмиралъ, раскраснѣвшійся и отъ возмущеннаго чувства, и отъ многихъ рюмокъ марсалы, сердито проговорилъ:

— Экая подлая лакейская душа! Думаешь, и ко мнѣ въ душу влѣзешь? Дудки, лукавый грекъ! Адмиралъ раздраженно выпилъ рюмку марсалы и крикнулъ:

— Сусликъ!

— Есть, — отвѣтилъ прибѣжавшій вѣстовой.

— Марсалы на доньшкѣ, а ты не видишь?... А?

— Не будетъ ли вреды, Максимъ Ивановичъ? — заботливо и осторожно промолвилъ Сусликъ.

— Молчи, чортова свайка! На ночь вредно? Какой-нибудь графинчикъ... да еще и «грекосъ» пилъ!— привралъ вѣстовому адмиралъ.— Давно не училъ тебя, гувернера, идола, что ли? Да живо!.. И трубку!

Вѣстовой исчезъ и вернулся съ трубкой и съ графиномъ марсалы, но наполненнымъ до половины только.

III.

Капитанъ призвалъ къ себѣ старшаго офицера Николая Васильевича Курчаваго, рассказалъ о счастья, которое выпало «Султанъ-Махмуду», и обычнымъ своимъ ласковымъ тономъ продолжалъ:

— Такъ ужъ вы присмотрите, дорогой Николай Васильичъ, чтобы смотръ какъ слѣдуетъ... Чтобы паруса горѣли... при постановкѣ и уборкѣ... Орудія чтобы летали... И чтобы ни соринки нигдѣ... Однимъ словомъ... идеальная чистота...

— Все будетъ исправно, Христофоръ Константинычъ!— нетерпѣливо проговорилъ старшій офицеръ.

«Чего размазывать, коварный грекъ!» — подумалъ этотъ блестящій морской офицеръ и любимецъ сева-стопольскихъ дамъ, молодой, красивый и щеголеватый капитанъ-лейтенантъ.

И его жизнерадостное, веселое лицо вдругъ стало напряженнымъ и подавленнымъ.

— Ужъ я знаю, дорогой Николай Васильичъ, что съ такимъ превосходнымъ старшимъ офицеромъ командиръ спокоенъ... Я такъ только для очистки совѣсти напомнилъ...

— Такъ позвольте идти, Христофоръ Константинычъ?..

— Я не задержу васъ, Николай Васильичъ... Куда торопитесь?. Или собираетесь на берегъ... на бульваръ?..

— Какой бульваръ?.. Работы много... Да и смотрѣть завтра.

— Я такъ и полагалъ, что вы не уйдете съ корабля, Николай Васильичъ, хоть вы и жданный кавалеръ нашихъ дамъ,—сказалъ капитанъ, словно бы сочувственно глядя на своего старшаго офицера, имѣвшаго репутацію ловкаго «обольстителя». — Навѣрное, васъ ждуть на бульварѣ! — прибавилъ капитанъ и плутовски прищурилъ глазъ.

— Никто меня не ждетъ, Христофоръ Константинычъ!—небрежно бросилъ Курчавый.

И про себя улыбнулся, какъ вспомнилъ, что супруга пожилого капитана, молодая красавица «гречанка», навѣрно сегодня на бульварѣ и позволила бы ему заговаривать ей зубы.

«А эта ревнивая скотина и не догадывается!»—мысленно проговорилъ старшій офицеръ.

— Ну-съ, отъ поэзіи перейдемъ къ прозѣ-съ, Николай Васильичъ.

— Чтò прикажете?

— Не приказываю, а прошу-съ объявить, что если завтра я услышу во время пребыванія высокихъ гостей хоть одно ругательное слово, то всѣхъ боцмановъ и унтеръ-офицеровъ перепорю-съ, дорогой Николай Васильичъ, по настоящему, безъ снисхожденія. А кто-нибудь изъ нихъ или изъ другихъ нижнихъ чиновъ выругается площаднымъ словомъ, съ того спущу шкуру, пусть въ госпиталѣ отлежится. И пожалуйста, внушите имъ, что пощады не будетъ! — тихо и ласково, словно

бы рѣчь шла о какомъ-нибудь удовольствіи, проговорилъ капитанъ.

Онъ еще былъ первую кампанію на «Султанъ-Махмудъ» и стѣснялся адмирала. Но изысканная жестокость «грека» была извѣстна во флотѣ.

Подобная угроза, передъ исполненіемъ которой онъ не затруднился бы, изумила даже и въ тѣ жестокія времена во флотѣ.

И старшій офицеръ, далеко не отличавшійся гуманностью и какъ всѣ считавшій лучшей воспитательной мѣрой тѣлесныя наказанія матросовъ и «чистку зубовъ», былъ возмущенъ «жестокимъ грекомъ».

Но, сдерживаемый морской дисциплиной, скрывая волненіе, онъ оффиціально-сухимъ тономъ проговорилъ:

— Приказаніе ваше передамъ, но внушать основательность жестокаго наказанія всѣхъ за одного и притомъ за ругань, которая до сихъ поръ не считалась даже проступкомъ и никогда не наказывалась, не считаю возможнымъ по долгу службы. И, пожалуй, наказанные заявятъ претензію адмиралу. Адмиралъ—справедливый человекъ.

«Грекъ» струсилъ.

— Адмиралъ же приказалъ, чтобы ни одного ругательства. Онъ обѣщалъ его свѣтлости, что дочери можно пріѣхать. И какъ же иначе поддержать честь флота, Николай Васильичъ? Но если вы можете заставить боцмановъ не ругаться завтра безъ страха взысканій, то я ничего не имѣю... Я не жестокий командиръ, какимъ меня разславили... Повѣрьте, Николай Васильичъ!—необыкновенно грустнымъ тономъ прибавилъ капитанъ.

И даже «маслины» его будто опечалились.

— Будьте покойны, Христофоръ Константинычъ. Меня послушаютъ.

— Тогда вы магъ и волшебникъ! И какъ я счастливъ, что имѣю такого старшаго офицера, уважаемый Николай Васильчъ. Всегда говорите мнѣ правду. Не стѣсняйтесь. Я люблю правду!

«И какъ прелестная «гречанка» выносить этого подлаго «грека!»—внезапно подумалъ Курчавый.

Онъ вышелъ изъ каюты оживившійся, повеселѣвшій и довольный и оттого, что капитанъ, испугавшись претензи и адмирала, отмѣнилъ свое нелѣпое, неслыханное по жестокости приказаніе, и оттого, что это «лживое животное» навѣрное скоро будетъ рогатымъ.

«Не безпокойся, «грекъ». Я не буду «зѣвать на брасахъ!»»

IV.

Старшій офицеръ собралъ на бакѣ всѣхъ боцмановъ, унтеръ-офицеровъ и старшинъ и, войдя въ тѣсный кружокъ, проговорилъ:

— Слушайте, ребята! Завтра у насъ смотръ. Приѣдетъ петербургскій генераль и съ нимъ дочь, молодая графиня... И такой моды, братцы, что не можетъ услышать браннаго слова... Сейчасъ испугается и... въ слезы!—проговорилъ, смѣясь, Курчавый.

Въ кучкѣ раздался смѣхъ.

— Не видала, значитъ, матросовъ, вашескобродіе!— замѣтилъ одинъ изъ боцмановъ.

— Жаръ-птица объявилась!..—проговорилъ какой-то унтеръ-офицеръ.

— Пужливая, видно, генеральская дочь, вашескобродіе!—насмѣшливо сказалъ кто-то.

— То-то и есть, братцы!—заговорилъ старшій офицеръ.—И генералъ опасается... Думаетъ, какъ на корабль прїѣдетъ, то тутъ и срамъ дочкѣ отъ вашей ругани... Боцмана, молъ, не могутъ даже при дамѣ поберечься... Безпardonные черти!

«Безпardonные черти» добродушно улыбались.

— Однако, нашъ адмиралъ защитилъ васъ, ребята, передъ важнымъ генераломъ.. Привозите, молъ, ваша свѣтлость, боцмана не оконфузятъ!

— Небойсь, довѣрилъ, молодца адмиралъ... Не оконфузимъ, ващескобродіе... Постараемся!—раздались горячіе голоса.

— Такъ завтра, во время смотра, ни одного боцманскаго слова, братцы! Я увѣренъ, что мы покажемъ себя!—съ подкупающей, вызывающей веселостью, проговорилъ статный и привлекательный Кудрявый.

И почему-то онъ въ эту минуту вспомнилъ, какъ сильно и благодарно-трогательно цѣнили эти люди, обреченные на жестокую флотскую муштру, даже небольшое человѣческое отношеніе начальства и какъ много они прощали человѣку только за то, что онъ считалъ и матроса человѣкомъ.

Вспомнилъ Кудрявый, какъ берегли его, тогда мичмана, матросы во время ледяного шторма, вспомнилъ въ эти секунды многое, и вдругъ этотъ блестящій офицеръ сильнѣе почувствовалъ, какъ близки ему матросы, и въ его головѣ пролетѣла мысль, что они точно къ чему-то его обязываютъ и что, собственно говоря, и ему можно было бы поменьше драть и бить матросовъ.

Польщенные довѣріемъ адмирала и старшаго офицера, котораго давно на бакѣ звали «kozyрнымъ» за его морскую лихость и любили за открытій добрый

характеръ,—всѣ, проникнутые добрыми и горделивыми намѣреніями показать себя и не оконфузить, дали старшему офицеру обѣщаніе.

— Взгляни ты на самую пріѣзжую графиню въ родѣ бытто какъ на кварту водки—языкъ и при тебѣ, ваше-скобродіе!—промолвилъ, словно бы подбадривая себя, одинъ изъ унтеръ-офицеровъ, торопливо обѣщавшій, что на смотру онъ «ни гу-гу».

Только старшій боцманъ Кряква раздумчиво молчалъ.

Это былъ сухощавый и крѣпкій старый человекъ, со скорюченными корявыми пальцами лѣвой руки, давно сильно помятой высученнымъ марсъ-фаломъ, и слегка искривленными цѣпкими, жилистыми босыми ногами, со спокойно-лихой посадкой небольшой ладной фигуры настоящаго «морского волка», выдавашаго всякіе виды.

Перешибленный сизоватый носъ и отсутствіе нѣсколькихъ переднихъ зубовъ, слѣды тяжелыхъ карающихъ рукъ, разумѣется, не украшали загорѣлаго, краснаго и грубаго бритаго лица, съ короткою щетинкой сѣдыхъ усовъ и съ плѣщинами на черныхъ клочковатыхъ бровяхъ, подъ которыми свѣтились умные, зоркіе слегка ироническіе темные глаза. Всѣ поврежденія лица имѣли, впрочемъ, свою жестокую исторію, о которой Карпъ Тимоѣичъ Кряква и рассказывалъ кому-нибудь изъ матросовъ, но только на берегу и когда, послѣ безчисленныхъ шкаликровъ, былъ еще въ словоохотливомъ періодѣ воспоминаній, во время которыхъ начальству икалось.

Первый ругатель-художникъ на эскадрѣ, творчество котораго было для черноморскихъ моряковъ классическимъ образцомъ сквернословія, онъ, видимо, сомнѣвался въ исполненіи сослуживцами легкомысленно при-

нятаго на себя обязательства и добросовѣстно не рѣшался давать зарокъ хотя бы на время смотра.

— Надо стараться, вашескобродіе!—сказалъ наконецъ боцманъ поощрительнымъ тономъ. — Развѣ только, ежели не стерпѣть, хучь тишкомъ, чтобы барышня не вмерла съ перепугу, Николай Васильичъ!—предложилъ Кряква, словно бы устраивающій обѣ стороны, компромиссъ.—Она, видно, щуплая и пужливая, ровно какъ борзая сученка, вашескобродіе... Такъ она не услышитъ, ежели тишкомъ...

Всѣ засмѣялись.

Засмѣялся и старшій офицеръ и сказалъ:

— Отъ твоей выдумки барынька умереть, пожалуй, и не умретъ, а въ обморокъ, чего добраго, и упадетъ... А голосъ-то у тебя... самъ знаешь, такой, что и тишкомъ на ютѣ слышно... Такъ ужъ ты, Кряква, постарайся, поддержи.

— Развѣ подлець я, что ли, чтобы изобидѣть барышню, вашескобродіе! И оконфузить нашъ «Султанъ-Махмутъ» передъ княземъ и обезнадежить адмирала и вашескобродіе никакъ не согласно... Во всю мочь буду стараться, но только отъ зарока освободите, Николай Васильевичъ, чтобы совѣсть не зазрела.

— Ну, ладно... ладно... Спасибо, Кряква... И ужъ если не сможешь, такъ заткни ротъ рукой и себя облегчи про-себя... Такъ завтра, братцы, чтобы все было въ исправкѣ—прибавилъ старшій офицеръ и вышелъ изъ кружка.

— Какъ есть «kozyрный»,—сказалъ одинъ унтеръ-офицеръ послѣ ухода Кудряваго.

— «Козырный» и есть!—раздались голоса.

Кучка разошлась.

Каждый унтеръ-офицеръ внушалъ своимъ подчиненнымъ матросамъ приказъ адмирала и старшаго офицера, чтобы во время смотра все было по-хорошему... благородно.

И, разумѣется, унтеръ-офицеръ уже отъ себя прибавлялъ къ этому обѣщанію форменно «начистить рожу» того «сучьяго матроса», который «оконфузитъ» адмирала.

— А еще какая «шлихофка» будетъ отъ капитана, ежели узнаетъ... Только держись, ежели какъ самъ будетъ считать удары. Онъ, видишь, небойсь, какая «греческая Мазепа!»—въ заключеніе прибавлялъ для острастки унтеръ-офицеръ.

Затѣмъ, словно бы отдѣлавшись отъ служебной обязанности по временамъ «играть въ строгое начальство», унтеръ-офицеры мгновенно дѣлались простыми, далеко не страшными людьми и по-товарищески лясничали съ тѣми же матросами, у которыхъ обѣщали «искровянить хайлы», о посѣщеніи петербургскаго важнаго генерала и — главная загвоздка въ томъ-то и есть!—о «щуплой и пужливой» дочкѣ, боявшейся даже и духа матросской ругни. «Въ родѣ какъ помретъ, братцы!»—вышучивали рассказчики графиню. Представлялась она имъ именно такой «щуплой и пужливой», какъ вообразилъ себѣ боцманъ Кряква.

Старый боцманъ никому не внушалъ.

«Сама, молъ, матрозня въ чувствѣ!»

Послѣ спуска флага адмиралъ хоть и былъ красенъ, но далеко еще не «намарсалился». Онъ попросилъ къ себѣ офицеровъ и объяснилъ имъ, почему просить ихъ воздержаться...

— Дама-съ будетъ съ нимъ... Дочь его!—прибавилъ адмиралъ.

Нечего и говорить, что офицеры общались...

А молодой лейтенантъ Адриановъ, интересовавшійся литературой и вдобавокъ влюбчивый какъ воробей, не безъ торжественности проговорилъ, краснѣя какъ маковый цвѣтъ:

— Одно присутствіе женщины, Максимъ Иванычъ, женщины... которая вліяетъ... благотворно... и... и... и...

У лейтенанта «забло». И адмиралъ поспѣшилъ на помощь къ растерявшемуся лейтенанту.

— И прехорошенькая - съ, Аркадій Сергѣичъ... Да-съ! И сложена... и... Однимъ словомъ—есть на что посмотреть... И... шельмоватая-съ... Любитъ, что показать-съ,—сказалъ, смѣясь, адмиралъ.

V.

Высокій и прямой старикъ въ военномъ сюртукѣ съ генераль-адъютантскими эполетами и эффектно одѣтая молодая блестящая женщина ровно въ одиннадцать часовъ вступили на палубу «Султанъ-Махмуда».

Адмиралъ, капитанъ и вахтенный офицеръ приняли почетныхъ гостей у входа. Встрѣча была парадная, какъ полагалось по уставу. Музыка играла маршъ. Команда выстроена была во фронтѣ. На шканцахъ стоялъ караулъ, и офицеры, въ сюртукахъ и въ кортикахъ, вытянулись въ линію. Во главѣ стоялъ красивый старшій офицеръ.

Его свѣтлость, не отнимая руки въ бѣлой замшевой перчаткѣ, отдавалъ честь и подошелъ съ дочерью къ офицерамъ. Адмиралъ представилъ ихъ гостямъ. Князь протянулъ старшему офицеру руку. Пожимая руку Кудряваго, графиня на секунду приостановилась,

бросила на него быстрый любопытный взглядъ и двинулась за отцомъ. Онъ всѣмъ подавалъ руку. То же дѣлала и дочь. Штурманамъ и двумъ врачамъ его свѣтлость руки не подалъ. Графиня любезно пожала имъ руки.

«Молодчага!» — подумалъ Максимъ Ивановичъ, видимо не очень-то довольный «накрахмаленнымъ» видомъ его свѣтлости.

Затѣмъ князь поздоровался съ матросами. Тѣ такъ рывкнули, что князь едва замѣтно поморщился. Обойдя фронтъ по обѣимъ сторонамъ, онъ вмѣстѣ съ молодою высокою и цвѣтущею графиней пошелъ по приглашенію адмирала «заглянуть внизъ, въ палубу».

Между тѣмъ приказано было разойтись.

Матросы видимо были чѣмъ-то удивлены и сдержанно хихикали на бакѣ.

— Вы что, черти, зубы скалите? — вполголоса спросилъ старшій боцманъ одного матроса, подошедшаго покурить.

По «политическимъ» соображеніямъ старшій офицеръ приказалъ Кряквѣ не быть на палубѣ при осмотрѣ, и боцманъ наскоро курилъ трубочку.

— Какъ же, Карпо Тимофеичъ... Щуплая — графиня-то?

— То-то и я полагаю: сученка. А какъ есть форменная сука. Должно, не пужливая! — тихо промолвилъ старшій боцманъ и, сплюнувъ въ кадку, усмѣхнулся.

Послѣ того какъ гости, въ сопровожденіи адмирала, капитана и старшаго офицера, обошли всѣ палубы, заглянули въ пустой лазаретъ и побывали въ каютѣ компаніи, всѣ вернулись наверхъ и поднялись на полують.

— Я въ восхищеніи отъ безукоризненной чистоты и порядка на кораблѣ. И какой бравый видъ у матросовъ! Какая идеальная тишина, любезный адмиралъ! Я вижу больше того, что ожидалъ, любезный адмиралъ!—говорилъ князь утонченно-любезно, протягивая слова, и чуть-чуть въ носъ.—Почту за долгъ лично доложить, когда возвращусь въ Петербургъ,—прибавилъ князь съ особенною аффектаціей серьезной почтительности въ тонѣ, словно бы желая осчастливить этого «маловоспитаннаго моряка», какимъ считалъ князь адмирала.

Адмиралъ не былъ особенно тронутъ комплиментами его свѣтлости, ничего не смыслившаго въ морскомъ дѣлѣ и словно бы удивлявшагося, что на кораблѣ черноморскаго флота чистота и порядокъ. И это снисходительное высокомеріе въ дурацкой манерѣ звать «любезнымъ адмираломъ», и желаніе облагодѣтельствовать своимъ докладомъ, и апломбъ... все это начинало раздражать самолюбиваго адмирала.

«Брандахлыстъ ты и есть. «Почтешъ за долгъ!» А воображаешь: умница»,—подумалъ адмиралъ.

Зато «грекъ», получившій и на свою долю нѣсколько любезныхъ словъ, таялъ и рассыпался въ восторженно-льстивой благодарности.

Тѣмъ временемъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ отца графиня болтала со старшимъ офицеромъ.

Это была брюнетка лѣтъ тридцати, эффектная и красивая, съ надменно приподнятой головой, бойкая и самоувѣренная, словно бы имѣющая право сознать и неотразимость красоты лица, и привлекательность своихъ формъ и роскошнаго сложенія.

Казалось, она хорошо знала, чѣмъ именно привле-

каетъ мужчинъ, и словно бы нечаянно показывала Кудрявому то руки, то ослѣпительную шею и, играя черными, слегка вызывающими и смѣющимися глазами, говорила старшему офицеру:

— У васъ очень мило... Мнѣ понравилось... И какіе вы, господа моряки, любезные...

И, безцеремонно оглядывая красиваго блондина значительнымъ и пристальнымъ и ласковымъ взглядомъ красиваго и холеннаго животнаго, вдругъ съ дерзкой насмѣшливостью проговорила:

— А вы, кажется, имѣете здѣсь репутацію опаснаго... Очень рада видѣть мѣстную знаменитость.

Кудрявый, самолюбиво польщенный, вспыхнулъ и съ напускною серьезностью сказалъ:

— Репутація, графиня, незаслуженная...

— Несовсѣмъ, я думаю... Приходите, — поболтаемъ! — почти приказала она.

Кудрявый, снимая фуражку и наклоняя голову, спросилъ:

— Когда позволите?..

— А сегодня, въ семь часовъ...

Его свѣтлость повелъ безстрастные глаза на дочь.

«Новый капризъ!» — подумалъ онъ и поморщился.

«Проблематическая» репутація единственной дочери, жены извѣстнаго сановника, товарища князя по паже-скому корпусу, давно ужъ была болячкой князя, и ужъ онъ только смущался теперь забвеніемъ «апарансовъ» красавицы-графини.

Его свѣтлость опять взглянулъ на дочь.

Но она не обратила вниманія на значительный, предостерегающій взглядъ отца, который, — графиня хорошо знала, — говорилъ: «Люди смотрятъ!»

— Съ чего прикажете начать, ваша свѣтлость?— слегка аффектированнымъ тономъ младшаго по должности и по чину спросилъ адмиралъ, прикладывая руку къ козырьку своей бѣлой фуражки, слегка сбившейся на затылокъ.

— Я въ вашемъ полномъ распоряженіи, любезный адмиралъ!— съ подавляющей любезностью отвѣтилъ князь и тоже немедленно приложилъ два длинные пальца руки въ перчаткѣ къ большому козырьку фуражки, надвинутой, напротивъ, на лобъ.

— Угодно вашей свѣтлости сперва посмотрѣть артиллерійское ученіе, потомъ парусное?.. Или пожарную тревогу прикажете, ваша свѣтлость?—настойчивѣе спрашивалъ адмиралъ, продолжая играть роль подчиненнаго.

— Такъ покажите мнѣ, любезный адмиралъ, сперва вашихъ молодцовъ-матросовъ артиллеристовъ и затѣмъ лихихъ моряковъ въ парусномъ ученіи... Больше я не злоупотреблю вашей любезностью, адмиралъ.

— Слушаю-съ, ваша свѣтлость.

Адмиралъ позвалъ къ себѣ вахтеннаго офицера и приказалъ:

— Барабанщиковъ.

Старшій офицеръ, слышавшій разговоръ двухъ стариковъ, похожихъ въ эту минуту на «ученыхъ обезьянъ», извинился передъ графиней и бѣгомъ бросился къ компасу, чтобы подсмѣнить вахтеннаго лейтенанта и командовать авраломъ.

И, слегка перегнувшись черезъ поручни полуюта, звучнымъ, красивымъ и особенно радостнымъ голосомъ крикнулъ бѣжавшимъ по палубѣ двумъ барабанщикамъ.

-- Артиллерійскую тревогу!

— Барабанщики съ разбѣга остановились и забили тревожный призывъ.

— Къ орудіямъ!—рявкнулъ съ бака Кряква.

Въ мгновеніе раздался топотъ сотни ногъ по трапамъ и по палубѣ. Ни одного окрика унтеръ-офицеровъ.

Черезъ минуту на кораблѣ царила мертвая тишина. У орудій на палубѣ и внизу, въ батареяхъ, недвижно стояла орудійная прислуга.

VI.

— Гдѣ угодно, ваша свѣтлость, посмотрѣть ученіе? Здѣсь или внизу?

— Пожалуй, здѣсь, адмиралъ.

Пробила дробь, и ученье началось.

Старый артиллеристъ по обыкновенію волновался, но не закипалъ гнѣвомъ и не ругался. Онъ, по счастью, не забывалъ, что на полуютъ его свѣтлость и графиня, которая...

«Пронеси Господи смотри!»—мысленно проговорилъ колченогій капитанъ морской артиллеріи и наконецъ просіялъ. Онъ замѣтилъ, что и гости, и адмиралъ, и «коварный грекъ», и старшій офицеръ видимо были довольны.

Еще бы?

Матросы откатывали орудія въ открытые порты и подкатывали назадъ для примѣрнаго заряжанія словно игрушки и дѣлали свое дѣло безъ суеты, быстро и молча.

— Превосходно... Ве-ли-ко-лѣп-но! — говорилъ его свѣтлость, любуясь ученьемъ и обращаясь къ адмиралу, точно лично онъ—виновникъ торжества.

— Привыкли матросы, ваша свѣтлость!.. И въ море боевыми снарядами недурно палятъ,—отвѣчалъ адмиралъ безъ особой почтительной радости и словно несколько не удивлялся лихости матросовъ.

Но въ душѣ радостно удивлялся, что старшій артиллеристъ изъ вахтеровъ не произнесъ ни одного браннаго слова.

— Удивляетъ меня нашъ Кузьма Ильичъ! Хоть бы свою любимую «цынготную дѣвку» сказалъ!—тихо и весело проговорилъ адмиралъ, подходя къ старшему офицеру.

— Еще какъ окончится ученіе, Максимъ Ивановичъ!.. Зарѣжетъ!.. Особенно передъ графиней!—взволнованно отвѣчалъ старшій офицеръ, не спуская глазъ съ артиллериста, точно хотѣлъ внушить ему не прорваться.

— А эта дамочка-съ, видно, всѣ свои онеры вамъ показала, Николай Васильичъ?—съ улыбкой бросилъ адмиралъ и вернулся къ его свѣтлости и графинѣ, отъ которыхъ не отходилъ капитанъ и восторженно улыбался.

Скоро его свѣтлость просилъ дать отбой, и матросы были отпущены отъ орудій.

— Ну-ка, теперь покажемъ гостямъ, какъ мы ставимъ и убираемъ паруса, Николай Васильичъ?—уже самъ возбужденный при мысли о быстротѣ парусныхъ маневровъ, весело сказалъ адмиралъ старшему офицеру.

И, обратившись къ его свѣтлости, промолвилъ:

— Не угодно ли, графиня и ваша свѣтлость, поближе подойти.

Князь и графиня подошли къ поручнямъ.

Старшій офицеръ, лихой морякъ и знатокъ паруснаго дѣла, возбужденный, съ загорѣвшимися глазами,

забывшій въ эту минуту рѣшительно все кромѣ парусовъ, и, казалось, еще красивѣе, со своимъ вызывающимъ видомъ лица и всей его посадки его стройной фигуры, какъ-то особенно звучно и весело крикнулъ:

— Свистать всѣхъ наверхъ. Паруса ставить!

Боцмана засвистали. Всѣ матросы были на палубѣ, и марсовые бросились къ мачтамъ.

— Къ вантамъ! По марсамъ и салингамъ!—крикнулъ старшій офицеръ.

Сигнальщикъ уже перевернулъ минутную склянку. Матросы взбѣжали по веревочной высокой лѣстницѣ духомъ.

Адмиралъ отошелъ отъ гостей и, поднявъ голову, впился глазами на мачты. Казалось, теперь онъ весь жилъ постановкой парусовъ.

— По реямъ!

Матросы разлетѣлись по реямъ какъ бѣшеные, словно бы по ровному полю.

Еще минута—и весь корабль точно волшебствомъ весь одѣлся парусами.

И адмиралъ, и старшій офицеръ, и боцманъ Кряква только довольно улынулись. Нечего и говорить, что князь дивился быстротѣ маневра.

— Одна минута, вашескобродіе—доложилъ сигнальщикъ старшему офицеру.

— Прелестно... Весь маневръ въ одну минуту... Это волшебство,—проговорилъ князь.

Адмиралъ не опускалъ головы съ верху и зорко поглядывалъ на паруса, все ли до мѣста дотянуто. Не спускалъ глазъ и Кудрявый и не замѣтилъ, что графиня бросала по временамъ на него восхищенные взгляды, словно бы на перваго тенора на сценѣ.

Адмиралъ слышалъ слова князя и не подумалъ отвѣтить.

Точно могли на «Султанъ-Махмудъ» ставить паруса менѣ минуты! Точно матросы не работаютъ какъ черти! — подумалъ адмиралъ, и, конечно, въ голову его и не пришло мысли о томъ, какими жестокими средствами дрессировали матросовъ, чтобы сдѣлать ихъ «чертями».

Вмѣсто адмирала «грекъ», весь сіяющій, благодарилъ его свѣтлость за то, что быстрота такъ понравилась князю и графинѣ, и точно онъ, капитанъ, виновникъ такого торжества.

Черезъ нѣсколько минутъ раздалась команда старшаго офицера «крѣпить» паруса.

Снова побѣжали навверхъ марсовые и стали убирать марсея и брамсели. Внизу въ то же время брались «на гитовы» нижніе паруса.

Попрежнему царила тишина на кораблѣ, и адмиралъ и старшій офицеръ были въ восторгѣ. Уборка парусовъ шла отлично, и ни одного боцманскаго словца не долетало до полюята.

Но вдругъ—на форъ-марсѣ заминка. Уголь марсея не подбирается.

Кудрявый въ ужасѣ взглянулъ на форъ-марсель. Адмиралъ нетерпѣливо крикнулъ.

Въ эту минуту маленькій молодой матросикъ, стоявшій внизу у снасти, смущенно и быстро ее раздергивалъ. Она «заѣла» и не шла.

И, вѣроятно, чтобы понудить веревку, матросикъ чуть слышно умиловлялъ веревку, говоря ей.

Иди, миленькая! Иди, упряменькая!

Но такъ какъ «миленькая» не шла, то матросъ

разсердился и, бѣшено тряся веревку, тихо приговаривалъ:

— Иди, подлая. Иди, такая-сякая... Чтобъ тебѣ, такой-сякой.

Унтеръ-офицеръ услышалъ непотребное слово и, негодующій, чуть слышно проговорилъ матросу:

— Ты что-жъ это, Жученко, такой-сякой, ругаешься? Что я тебѣ приказывалъ, растакон с... с...

Боцманъ подскочилъ къ снасти, раздернулъ ее и сдержанно сердито воркнулъ:

— Чего копались тутъ, такіе-сякіе, словно клопы въ кипяткѣ? Матросъ, а насѣкомая, такая-сякая!

Мачтовый офицеръ въ благородномъ негодованіи воскликнулъ:

— Не ругаться, такіе-сякіе!

Среди тишины до полуюта долетѣли и «морскіе термины». Князь весь съежился. Графиня улыбку и отвернула лицо. Словно бы смертельно оскорбленный, что вышла заминка, какъ сумасшедшій бросился старшій офицеръ внизъ и, не добѣгая до бака, онъ крикнулъ:

— Отчего не раздернули?

— Раздернули!—крикнулъ Кряква.

— Раздернули!?. А еще обѣщали... Постараемся!

И съ устъ старшаго офицера какъ-то незамѣтно сорвалось «крылатое» словечко, и онъ полетѣлъ назадъ.

«Грекъ» замеръ отъ страха. «Все пропало! Его свѣтлость!? Что онъ доложитъ въ Петербургѣ?»—пронеслось въ головѣ капитана.

И онъ уже былъ на бакѣ и, по обыкновенію, мягко проговорилъ:

— Перепорю васъ, такіе-сякіе!..

Князь совсѣмъ сморщился... Графиня сдерживала смѣхъ.

Максимъ Иванычъ, услыхавши всю эту брань, вспылить. Онъ побѣждалъ самъ на бакъ. Но до бака не дошелъ и, увидавши ненавистнаго ему «грека», прошепталъ.

— Разодолжили-съ... Нечего сказать... При дамѣ-съ!..

И позабывшій, что дама въ нѣсколькихъ шагахъ, адмиралъ прибавилъ отъ себя болѣе внушительныя слова.

Только-что взбѣжавши назадъ на полуютъ, адмиралъ вспомнилъ, что сказалъ, и, смущенный, чуть слышно спросилъ старшаго офицера:

— Слышно было?

— Слышно, Максимъ Иванычъ!—угрюмо проговорилъ старшій офицеръ и продолжалъ командовать.

Закрѣпили паруса отлично. Никто изъ гостей и не замѣтилъ заминки на нѣсколько секундъ, которая «зарѣзала» моряковъ.

Марсовыхъ спустили съ марсовъ.

— Я въ восторгѣ, адмиралъ,—проговорилъ съ утонченною любезностью князь.—Парусное ученіе великолѣпно. Благодарю за доставленное наслажденіе, любезный адмиралъ.

Адмиралъ смущенно поклонился.

— Прикажете продолжать ученіе, ваша свѣтлость?

— Къ сожалѣнію, не могу... Обѣщаль смотрѣть сегодня 15-ю армейскую дивизію.

— Быть можетъ, изволите позавтракать, ваша свѣтлость?

Но князь извинялся, что нѣтъ времени, и скоро, любезно простившись со всѣми, направился къ трапу...

— Такъ вечеромъ приходите!—промолвила, весело смѣясь, графиня, протягивая руку Кудрявому.

Проводивши гостей, адмиралъ вошелъ въ свою каюту и, взглянувъ на парадно накрытый столъ и на вѣстового въ полномъ парадѣ, воскликнулъ:

— Ну, и чортъ съ нимъ, если не захотѣлъ завтракать...

И, обращаясь къ вѣстовому, крикнулъ:

— Старый сюртукъ и зови всѣхъ офицеровъ къ столу, Сусликъ! Да башмаки свои можешь снять!

Форменная баба.

(РАЗСКАЗЪ МАТРОСА).

I.

— Это ты, Егорка, про вдову Аришку?—властно спросилъ, подходя къ двумъ матросамъ, притулившимся у борта на ютѣ, молодой, красивый, черноволосый матросъ Александръ Дымновъ, казавшійся еще красивѣе при свѣтѣ полнога мѣсяца, заливавшаго своимъ серебристымъ свѣтомъ и океанъ, и палубу «Голубчика», который подъ всѣми парусами спускался на югъ, направляясь къ Индійскому океану.

— Про нее!—отвѣчалъ, нѣсколько робѣя, бѣлобрысый матросикъ Трофимовъ, котораго Дымновъ называлъ Егоркой.

— Не видалъ ты, значитъ, настоящихъ бабъ, ежели обожаешь Аришку. Какая это баба? Это, прямо говорить, кура, а не баба... Ке-ке-ке... Только и кудахчетъ... да знай норовить съ матроса лишній грошъ за лукъ содрать. Торговка, а не баба... И Іудинская... Съ «крупой» тоже зенками вертитъ... Ей все равно, что смола,

что крупа! ¹⁾ А ежели ты баба флотская, такъ и будь флотской.

— Это ты, Дымновъ, вовсе здря виноватишь Арину. Она баба ласковая!—заступился Егорка, нѣсколько обиженный презрительнымъ отзывомъ о молодой торговкѣ, плѣннвшей, въ числѣ многихъ, и его.

Вдобавокъ двѣ ситцевыя рубахи, подаренныя ею Егоркѣ наканунѣ ухода «Голубчика» въ кругосвѣтное плаваніе, въ значительной мѣрѣ подогрѣвали память о добротѣ и ласкѣ Арины, напоминая вмѣстѣ съ тѣмъ добросовѣстному и благодарному матросу и объ его клятвенномъ обѣщаніи исполнить ея просьбу—привезти ей изъ «дальней» шелковый платокъ съ «жаръ-птицей», какой привозилъ одинъ матросикъ ея конкурренткѣ по базару «бѣлобрысой Дунькѣ», и супирчикъ съ Цайлонъ-острова.

— Мнѣ что твою Аришку виноватить? Я ею не занимался... Начхать мнѣ на такихъ бабъ!—высокомѣрно произнесъ красавецъ-матросъ.—Небойсь, и тебѣ двѣ рубахи подарила, а замѣсто ихъ: «Привези, молъ, Егорка, на память гостинцевъ!» Не тебя одного, простоту, она этими рубахами обещала... Никакой настоящей привѣренности въ ей нѣтъ... Чтѣ Кузьма, чтѣ Архипъ... Только гостинцы бы ей возили... Корыстная душа... А ты и раскисъ: «Аришка да Аришка!..»

— Ты, небойсь, зналъ лучше Аришки?..

— Я-то?—хвастливо переспросилъ Дымновъ.

— Ты-то.

— Передъ той бабой, какую я зналъ, твоя Аришка,

¹⁾ Въ старину матросы звали солдатъ «крупой», а солдаты матросовъ—«смолой».

прямо сказать, ничего не стоитъ... Да такой бабы тебѣ никогда и не узнать...

— Это почему?

— А потому, что моя Нюшка форменная баба, и не по твоей она трусости...

— Въ какихъ это смыслахъ понять?

— А въ такихъ, что изъ-за бабы ты и пятидесяти линьковъ побоишься принять, а не то что въ недѣлю по двѣ сотни!

— Я и такъ до смерти боюсь линьковъ, а то еще изъ-за бабы!.. Вовсе и не стоитъ баба, чтобы изъ-за нея да пороли... И ты чудно что-то обсказываешь, Дымновъ!—испуганно и недоувѣрчиво проговорилъ Егорка, слишкомъ тихій, спокойный и робкій человекъ, чтобы допустить даже въ помыслахъ такую несообразную комбинацію.

— То-то я и говорю, что тебѣ этого не понять!— не безъ снисходительнаго презрѣнія кинулъ красивый брюнетъ.

— Довольно трудно понять... Небойсь, и ты самъ этого не поймешь...

— По-ни-малъ!.. Очень даже хорошо понималъ... Изъ-за самой этой Нюшки меня стращали сквозь строй гонять, а насчетъ порки нечего и говорить... Высыпали довольно даже часто... Всего бывало!

— И ты не бросилъ этой самой бабы?

— Глупый ты, Егорка!.. Бросилъ?.. Я не только не бросилъ, а чѣмъ больше пороли меня изъ-за Нюшки, тѣмъ она мнѣ любѣ становилась... Можешь ты это себѣ въ понятіе взять?.. То-то, не можешь... Потому въ тебѣ никакой отчаянности характера нѣтъ, и никогда ты настояще не былъ приверженъ къ бабѣ...

И Дымновъ хотѣлъ-было отойти, находя, что и то, что онъ сказалъ, было достаточно, чтобы произвести на товарищѣй импонирующее впечатлѣніе, но Егорка, втайнѣ во всемъ завидовавшій Дымнову, хотя и очень расположенный къ нему, проговорилъ:

— А ты, Дымновъ, объясни про форменную бабуну... Расскажи, какъ это все вышло у васъ и по какой-такой причинѣ тебя за нее пороли.

— Напрасно тебѣ это и объяснять. Все равно не поймешь...

— Можетъ и пойму... А ты расскажи.

— Я и самъ зналъ тоже одну такую же занозистую бабенку! — началъ-было другой матросикъ, доселѣ не проронившій слова. — Въ горничныхъ у нашего экипажного служила... Ну, и заноза, я вамъ скажу, братцы!..

— Та-ку-ю!? — перебилъ Дымновъ, взглядывая не безъ презрительнаго изумленія на человѣка, имѣющаго дерзость сравнивать кого-нибудь съ «форменной бабой». — Такою!? Дуракъ ты, Антоновъ, дуракъ и есть!.. Такою!?

— Да ты за что лаешься-то? — спросилъ поклонникъ занозистой горничной.

— А по той причинѣ, что твоей этой самой занозѣ такъ же далеко до *такой*, какъ отсюда до берега! — отвѣтилъ Дымновъ и взмахнулъ рукой на океанъ, катившій свои большія волны, обозначавшіяся во мракѣ ночи сѣдыми верхушками.

— Ты нешто ее знаешь?

— И знать не желаю.

— Такъ какъ же ты можешь объ ей полагать?

— То-то могу.

— Это еще почему?

— А потому, что такой, какъ Нюшка, нѣтъ и быть не можетъ другой. Понялъ?

Въ убѣжденномъ и властномъ тонѣ Дымнова звучала такая восторженность, что оба матроса невольно притихли, словно бы внезапно понявшіе дѣйствительное превосходство той женщины, о которой такъ горячо говоритъ матросъ, несмотря на то, что изъ-за нея его пороли.

— Такъ расскажи намъ про свою Нюшку!— снова попросилъ Егорка.

— Расскажи, Дымновъ, уважь... Должно быть, очень облестительная баба. И прозвище у ней чудное: Нюшка!

Вѣроятно, не столько эти просьбы, сколько потребность поговорить о женщинѣ, вызывавшей сильное чувство, съ молодыми ребятами, которые не осмѣлятся отнестись съ насмѣшкой къ сердечнымъ признаніямъ, заставила матроса согласиться.

— Ужъ такъ и быть, расскажу вамъ про Нюшку, чтобы вы могли хоть слышать, какія на свѣтѣ бываютъ форменныя бабы!— проговорилъ Дымновъ, уже не прежнимъ рѣзкимъ тономъ, а мягкимъ и значительнымъ, словно бы заранѣе стараясь расположить слушателей къ героинѣ своего романа.

И, присѣвши къ борту, Дымновъ покрутилъ усы и началъ:

II.

— Это я прозвалъ ее, братцы, Нюшкой, а звали ее всѣ Анной Гавриловной, потому какъ она во всемъ своемъ паратѣ, при серьгахъ, съ бруслеткой и въ кольцахъ жила въ родѣ бытто экономки у капитана первого

ранга Ухватава. Онъ моимъ экипажнымъ былъ и командовалъ кораблемъ «Нетронью» ¹⁾. Небойсь, слышали?

— Его еще бабьимъ боровомъ звали!—замѣтилъ Егорка.

— Онъ самый и есть. Лысый, чижелый, брюхастый, прямо сказать боровъ, а туда же: на любовь льстился. Не понималъ, что это ему не къ рылу, и по своей дурусти полагалъ, что можно черезъ деньги настоящую приверженность получить. Очень обожалъ экономку. Ничего для нея не жалѣлъ. Рядилъ, какъ паву.

— А изъ какихъ она была?—спросилъ Егорка.

— Писаря Авакумова жена. Тотъ на деньги польстился; сказывали, двѣ тыщи за нее взялъ и отъ правовъ отказался. Ну, и Нюшка изъ антиреса въ экономки пошла... Думала сперва, что очень лестно въ родѣ барыни быть да своего лысаго чорта въ родѣ какъ турецкаго салтана ублажать... И жила она у его такимъ манеромъ годъ, ровно заключенная. Никуда Ухватовъ ее не пускалъ... Страсть ревнивый былъ... И обожалъ ее больше да больше... Все надѣялся, что Нюшка не изъ-за денегъ съ имъ будетъ хороводиться... Но только напрасно... Безъ экономки остался!

Матросъ проговорилъ эту фразу съ злораднымъ торжествомъ. На его красивомъ лицѣ сіяла побѣдоносная улыбка.

— Отбилъ, значить, у экипажнаго?—сочувственно и въ то же время изумленно спросилъ Егорка, проникаясь необыкновеннымъ уваженіемъ къ Дымнову.

Онъ хорошо зналъ, что Дымновъ былъ мастеръ облещивать бабъ и что кронштадтскія торговли, гор-

¹⁾ «Не тронь меня».

ничныя, кухарки и матросскія жены бывали неравнодушны къ красавцу-матросу. И рады были, если онъ обращалъ на нихъ вниманіе. Но отбить полюбовницу отъ самого экипажнаго—это представлялось Егоркѣ чѣмъ-то особенно блестящимъ и смѣлымъ. И чѣмъ менѣе способенъ былъ онъ самъ на такую «отчаянность», тѣмъ сильнѣе восхищался, втайнѣ завидуя ей.

— А ты думалъ, струсилъ? Небойсь, изъ-за Нюшки я бы и чорта не испугался, а не то что экипажнаго командира. Сдѣлай, братецъ, одолженіе! А увидалъ я ее поздней осенью, какъ теперь помню, въ октябрѣ мѣсяцѣ. Назначили меня ординарцемъ къ Ухватову на 13-е число. Ребята, кои раньше ординарцами ходили, предупреждали: «Не пяль, молъ, глазъ на экономку, ежели увидишь, и не отвѣчай ей, ежели что спросить, а то экипажный, коли замѣтитъ или узнаетъ черезъ старую куфарку—это въ родѣ вѣдьмы была приставлена—изобьетъ тебя въ лучшемъ видѣ за то, и велитъ отшлифовать—придерется за что-нибудь! Были, молъ, такія дѣла». «Ладно,—говорю.—Что мнѣ пялить глаза на Ухватовскую полюбовницу. Бабъ что-ли мало про нашего брата!» Явился въ восемь утра къ ему на квартиру—онъ въ офицерскихъ хлигеляхъ жилъ—и дежурю въ передней. Этакъ въ десятомъ часу вышелъ изъ кабинета. Евойный вѣстовой подаль ему пальто—въ экипажъ идти. Посмотрѣлъ это Ухватовъ на меня пронзительно такъ и сказалъ: «Съ мѣста, такой-сякой, никуда не отлучаться, а не то... заporю. Понялъ?»—«Понялъ, вашескобродіе».—«Хорошо понялъ?»—«Точно такъ, вашескобродіе!» И опять смотритъ на меня, разглядываетъ, точно никогда не видалъ. И вижу, глаза злые-презлые. Ушелъ и, уходя, опять на меня обернулся

и опять сердито посмотрѣлъ. Понялъ, видно, боровъ, что я не лыкомъ шить, а матросъ молодой. Опасался, значить, какъ бы экономка не обмолвилась, со скуки, словомъ съ ординарцемъ. Хорошо. Сижу это я себѣ на рундукъ въ прихожей и курить до смерти хочется, а курить боюсь—какъ бы запаху матросской цигарки не оказало. Тихо кругомъ. Вѣстовой комнаты убралъ и ушелъ себѣ на кухню, а я томлюсь, можно сказать, изъ-за того, что покурить нельзя. Наконецъ, не смогъ терпѣть. Вышелъ на парадную лѣстницу, наскоро выкурилъ цигарку, и будто полегчало... Вернулся, сѣлъ на мѣсто, какъ скрипнули изъ комнаты двери, и вошла Нюшка. Вошла, братцы вы мои, и какъ взглянула, ровно бы меня ганшпугомъ ¹⁾ по головѣ сѣздили... Вовсе въ разстройку пришелъ. Всталъ это я и на нее гляжу, а самого въ краску бросило. И даже чудно показалось. Зналъ я довольно много бабъ и ни одну не боялся, а эта словно бы ошарашила.

— Больно хороша была, что-ли?—нетерпѣливо спросилъ Егорка.

— Прямо-таки... пронзительная!—восторженно отвѣтилъ Дымновъ. — Другому, можетъ, она и не хороша была, а для меня во всемъ свѣтѣ лучше не было... Такъ отъ ея взгляда словно меня кипяткомъ обдало. И въ тотъ же секундъ почувялъ я, что тутъ мнѣ крышка изъ-за этой самой экономки... А изъ себя она была, братцы, чернявая и тѣломъ не товаристая, а такъ въ плепорцію... и на ходу легкая-прелегкая, словно кошечка. И моложавая, хоть ей около тридцати было. Однако этихъ годовъ не оказывало. Глядитъ это она

¹⁾ Ганшпугъ—деревянный рычагъ, употребляемый на судахъ.

на меня. А глаза у Ньюшки—какъ уголье, черные-пре-черные... и приманчивые... Видитъ эту мою разстройку и смѣется глазами... Играетъ ими, значитъ...—«Здравствуйте,—говоритъ... Васъ какъ звать, матросикъ?» Пришелъ я немного въ себя и даже въ досаду вошелъ, что я передъ экономкой оказалъ себя такимъ, можно сказать, желторотымъ галченкомъ, и довольно даже грубо отвѣтилъ, что зовутъ меня Александрой—«А по-батюшкѣ какъ? — «Лександра, говорю, Иванычъ».—«Такъ это вы, Лександра Иванычъ, такой опасный мужчина есть, какъ я слышала?!»—«Я самый, говорю, если вамъ вгодно знать!» Смѣется. «Вы, говоритъ, видно, курить ходили. Такъ вы не ходите. Я вамъ сейчасъ хорошихъ папирововъ принесу. Здѣсь покурите».—«Свои, молъ, сигарки люблю. Чужими не занимаюсь». Присѣла на рундукъ такая, я вамъ скажу, форсисто одѣтая. Золотая бруслетка и кольца на бѣлыхъ рукахъ... И отъ нея запахъ хорошій идетъ. Сидитъ этто, посмѣивается, а сама прислушивается, какъ бы кто не вошелъ, ровно куличекъ на болотцѣ. Присидѣла этакъ съ пять минутъ, поднялась и говоритъ: «Однако, прощайте, Лександра Иванычъ. Очень, говоритъ, рада была бы подольше съ вами поговорить, но только за васъ боюсь. Достанется вамъ, ежели Петръ Ильичъ узнаетъ, что я съ вами разговариваю. Онъ у меня, говоритъ, ревнивый въ родѣ паши турецкой. Небось, слышали?»—Сказала и руку подала... А рука у нея бѣлая и, ровно пухъ, мягкая... И такъ она меня въ задоръ взяла, что я за руку ее держу и говорю: «За меня не опасайтесь, Анна Гавриловна... Посидите, ежели сами не боитесь, а я не боюсь. Пусть достанется!»—«Это вы только такъ говорите!»—«А вы, го-

ворю, испытайте, вру я или нѣтъ. Посидите». — «Отчаянный вы однако. Я такихъ люблю!» И снова присѣла... И стала она говорить про скуку жизни своей, какъ вдругъ вскочила и въ комнаты... А въ скорости куфарка у дверей. — «Не видалъ ли, матросикъ, Анны Гавриловны?» — «Не видалъ», говорю. — Ушла вѣдьма... А Нюшка изъ кабинета выглядываетъ и бѣлые зубы скалитъ... — «Жалко мнѣ васъ, Александра Ивановичъ. Попадетъ вамъ изъ-за меня». — «Съ большимъ, говорю, удовольствіемъ изъ-за васъ все приму!» — «Посмотрю, говоритъ, вѣрно ли вы говорите, а пока-что, до свиданія... Очень рада знакомству. Съ вами весело». — «И съ вами, говорю, весело». — «Какъ бы не стало горько... Вы больше и не захотите меня видѣть... я очень даже увѣрена... Петръ Ильичъ жестоко васъ накажетъ!» — «Какъ бы ни наказалъ, а видѣть васъ, Анна Гавриловна, для меня одинъ, можно сказать, восторгъ! Можетъ когда и выйдете на улицу, а я васъ сторожить буду». Назвала грубіяномъ, а глазами облещиваетъ, привораживаетъ будто. И какъ скрылась, словно темно вокругъ стало... Вовсе сразу меня обанкрутила... Ушелъ я въ казармы обѣдать и какъ вернулся, Ухватовъ уже дома и цѣльный день никуда не выходилъ. Однако, послѣ обѣда, когда онъ отдыхалъ, Нюшка показалась на минутку... «Такъ очень хотите меня видѣть?» — спросила она. — «Очень», говорю. — «Такъ я послѣзавтра утромъ въ десять часовъ со двора пойду. Можетъ и увидите!» — Съ тѣмъ и скрылась. А въ восемь часовъ ушелъ я съ ординарцевъ самъ не свой, будто потерянный, изъ-за этой Нюшки... Ну, на слѣдующее утро была раздѣлка. Экипажный зашелъ въ нашу роту, велѣлъ ученье сдѣлать, придрался ко мнѣ и приказалъ дать пятьдесятъ

розогъ. Это братцы, первая была, вспышка за Ньюшку! Однако, и покурить пора!

Съ этими словами Дымновъ всталъ и ушелъ на бакъ.

— Отчаянный этотъ Дымновъ!—проговорилъ Егорка.

— И Ньюшка эта отчаянная!—вымолвилъ Антоновъ.—Я бы съ такой бабой не связался!—прибавилъ онъ.

— То-то я и говорю... Не стоитъ баба того, чтобы изъ-за нея на рожонъ лѣзть...

— Облестила, значить, съ перваго раза... Ну и правду сказать: форменный мужчина, лестный бабамъ... Красивъ шельма... Не даромъ въ Брестѣ французинька за имъ на клиперъ пріѣзжала... Втюрилась...

Черезъ нѣсколько минутъ пришелъ Дымновъ, усѣлся и продолжалъ:

III.

— Отпросился я у фетьфебеля и въ десять былъ у офицерскихъ хлигелей... Въ скорости вышла Ньюшка... Я за ей въ отдаленности иду. Завернула она въ проулокъ... пошла тише. Я къ ней. Поздоровкались. Смѣется. «А вы и въ правду отчаянный... Не боитесь. И наказывали васъ, а вы пришли... Ну, теперь лучше уходите, а то, сохрани Богъ, узнаетъ Ухватовъ, накажутъ васъ больше». И опять меня этими словами только въ задоръ привела. А я не только не ушелъ, а слѣдомъ за ней съ полчаса времени шелъ... Ньюшка обернется, видитъ—я тутъ, и смѣется, а мнѣ и весело... Только у самыхъ хлигелей наткнулся я на экипажнаго. Остановилъ. Въ зубы. «Ты, говоритъ, зачѣмъ не въ казармахъ?» И не далъ ничего обсказать. Тую жъ минуту

велѣлъ идти домой, а черезъ полчаса меня ужъ разложили.. Была здоровая вспышка... Такъ, братцы мои, лупцовалъ онъ меня раза по два въ недѣлю. А разъ даже стращаль, что скрозь строй прогонитъ. Учуйаль, что Нюшка мною занимается. А я терплю... И все думаю, какъ бы мнѣ только увидать Нюшку.

— И видалъ?

— А то какъ же. Всячески услѣживалъ. На черной лѣстницѣ сторожилъ. Мимо оконъ ходилъ. Пропаду, думаю, а Нюшку покорю.. Такъ прошелъ мѣсяць, прошелъ другой... И видючи, сколько изъ-за нея я принялъ мученьевъ, поняла она мою приверженность и велѣла приходить къ ей вечеромъ, на святки. Борова, молъ, дома не будетъ, и вѣстовой со двора уйдетъ, а кухарка будетъ спать. И я, говоритъ, тебѣ сама двери парадныя открою. Постучи. Только помни, говоритъ, ежели Ухватовъ прознаетъ, онъ тебѣ не проститъ. Ежели, говоритъ, не побоишься, значитъ любишь, и я тебя, отчаяннаго, любить стану. Это она испытывала, значитъ. А я въ радости и словъ не найду... Однако, на черной лѣстницѣ облапилъ ее, да въ губы... Жди, молъ, буду. Ну и на другой день вечеромъ: «тутъ-тукъ!» Отворила... И ласковая такая... Ушелъ я отъ нея, ногъ подъ собой не слышу, а на другую ночь опять къ ей... стучусь... Впустила... Боровъ спалъ... Увела меня въ свою боковушку... Ласкаетъ. Путались мы такимъ манеромъ недѣли двѣ, и безъ Нюшки мнѣ ровно не жить... Но только обидно, что она все при боровѣ. Такъ обидно, что въ тоску вошелъ и говорю ей: «брось своего подлеца, а не то я васъ обоихъ прикончу». — «Будто?»... смѣется и еще дразнитъ: «А вотъ, говоритъ, ты уйдешь, я къ борову пойду, его приласкаю. Онъ тоже любитъ

меня!» Ну тутъ я осатанѣлъ; избилъ Нюшку... Не шути, молъ, такъ. Избилъ, а потомъ жалко стало. Прощенія прошу, а она зубы скалитъ. «Никого, говоритъ, не любила, такъ, какъ тебя. И докажу!» говоритъ... И доказала, потому — форменная баба была... Послѣ праздниковъ прибѣжала въ казармы. «Пойдемъ, говоритъ,—я на вольной квартирѣ живу. Ушла я отъ борова. Не могу больше его выносить. Стану, говоритъ, по швейной части заниматься...» И вечеромъ обсказала мнѣ, какъ Ухватовъ капиталомъ ее соблазнялъ, какъ въ ногахъ валялся: «Не уходи, молъ, Аннушка. Люби меня!» А Нюшка все отвергла... Вотъ, братцы, какая она была... Небойсь, такой другой нѣтъ! Вѣрно ли я говорю?

— На рѣдкость баба!—проговорилъ Егорка.

— Привязчивая!—вымолвилъ Антоновъ.

— А экипажный послѣ того, что съ тобой сдѣлалъ?—спросилъ Егорка.

— А подъ Новый годъ приказалъ отодрать меня до безчувствія, за отлучку изъ казармы. Вотъ что онъ сдѣлалъ. Недѣлю послѣ въ госпиталѣ отлеживался. Нюшка приходила... жалѣла... И пропасть бы мнѣ, братцы, вовсе изъ-за Ухатова, да Богъ спасъ. Въ самый Новый годъ произвели его въ адмиралы и послали въ Средиземное море, начальника эскадры смѣнять. Въ скорости онъ и уѣхалъ... И отдышка мнѣ вышла... И сталъ я, братцы, счастливымъ человѣкомъ... Во всей любовной покорности была Нюшка... Такъ годъ мы съ ей прожили... И былъ я ей самый вѣрный человѣкъ...

Дымновъ примолкъ и задумался.

— Какъ же ты ушелъ отъ Нюшки въ дальнюю?

— Изъ-за нея и ушелъ. Самъ просился...

— Почему?..

— А такъ... разстройка между нами вышла!—не хотя отвѣтилъ Дымновъ, не имѣя доблести признаться, что Нюшка черезъ годъ бросила его, влюбившись въ пригожаго мичмана.

Онъ вспомнилъ это и, несмотря на то, что обида еще жила въ его сердцѣ, съ восторженной задумчивостью проговорилъ:

— Да, братцы, форменная была баба!

«Волкъ».

(Изъ далекаго прошлаго).

I.

Однажды, подъ вечеръ воскреснаго дня, баркасъ съ матросами первой вахты присталъ къ лѣвому борту паруснаго корвета «Гонецъ», стоявшаго на севастопольскомъ рейдѣ.

Въ числѣ возвратившихся съ берега, пожилой форъ-марсовой Лаврентій Чекалкинъ, носившій кличку «Волка», поднялся со шлюпки озлобленный, мрачный и блѣдный. Голова его была обмотана тряпицей, пропитанной кровью.

Другой матросъ, тоже пожилой форъ-марсовой Антонъ Руденко, поднялся на палубу, прихрамывая на одну ногу. Вспухшее его лицо было окровавлено. Половина уха была оторвана.

— Это что такое?—сердито спросилъ старшій офицеръ Петръ Петровичъ старшину баркаса.

— Передрались, ваше благородіе.

Быстрый и рѣшительный во всякихъ случаяхъ Петръ Петровичъ крикнулъ боцману Гордѣенку:

— Завтра, до флага, перепороть обоихъ!

— Есть, ваше благородіе! Но...

— Какія тамъ «но»? Я тебѣ «но» пропишу на мордѣ!

— Слушаю, ваше благородіе. Однако, дозволейте перездать порку.

— Почему?

— Волкъ бытто пораненъ ножемъ, а Руденко вовсе измятъ. И ноги, должно-быть, переломъ.

— Были «вдребезги»?

— Выпимши, но при полномъ разсудкѣ, ваше благородіе!

Старшій офицеръ изумился.

Оба матроса были исправные и пріятели.

— И вдругъ такъ изувѣчили другъ друга? Изъ-за чего?

— Не могу знать, ваше благородіе. Должно изъ-за этой самой Оеньки,—со снисходительнымъ презрѣніемъ къ женщинамъ прибавилъ боцманъ.

— Какая такая Оенька?...

— Молодая вдовая матроска.

— Ну такъ что-жь?

— Съ Волкомъ два года путалась и въ одинъ секундъ: «Отваливай! Очертѣлъ, молъ, сразу». Бѣда, какія торопливыя есть матроски!—насмѣшливо промолвилъ боцманъ.

— Такъ, значитъ, Руденко не зѣвалъ на брасахъ... А Волкъ приревновалъ?..

— Не должно... Оенька въ Симферополь уткла. Новый городъ пожелала увидать. Любопытная, видно!—усмѣхнувшись, пояснилъ старый боцманъ.

— Ничего не понимаю!—воскликнулъ Петръ Петровичъ.

— Какъ баба облеститъ—никакого не выйдетъ понятія, ваше благородіе!

— Тоже нашли изъ-за бабы драться! А еще хорошіе матросы! Позови-ка ихъ. сюда!—приказалъ Петръ Петровичъ.

Онъ рѣшительно былъ изумленъ романической исторіей и у кого же? «У пожилого, умнаго Волка, казалось, неспособнаго на такія штуки!»—подумалъ старшій офицеръ, питавшій нѣкоторую слабость къ лихому марсовому.

Ужъ очень хорошо онъ вязалъ «штыкъ-болтъ» на нокъ форъ-марса-реи и вообще былъ «отчаянный» въ работахъ матрось... Первый на «Гонцѣ».

И вдругъ, скажите пожалуйста!

Черезъ минуту оба матроса подошли на ютъ, гдѣ стоялъ старшій офицеръ.

— Такъ какъ же, Волкъ? Обезумѣлъ, что ли, подъ старость?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе! — застѣнчиво промолвилъ Волкъ.

— Хорошъ: «никакъ нѣтъ»! Полюбуйтесь оба на себя. Докторъ сейчасъ осмотритъ. Нечего сказать: старые пѣтухи! А еще пріятели!.. Прежде пьянствовали вмѣстѣ.. А теперь, видно, отсталъ пить?

— Отсталъ, ваше благородіе...

— Ну, говори, Волкъ, чтобы мнѣ знать, какъ васъ выдрать послѣ починки. Изъ-за чего разодрались?

— Такъ, ваше благородіе! Изъ-за разговора.

— Не ври, Волкъ... Изъ-за Оеньки?.. Сказывай!

Волкъ молчалъ.

— Точно такъ, ваше благородіе! Съ позволенія сказать, изъ-за непутящаго вѣдомства и вышла «раздрайка»!—проговорилъ виновато Руденко.

Волкъ только презрительно взглянулъ на пріятеля.
— И ты, Волкъ, изъ-за бабы изувѣчилъ Руденку? А эта злая скотина пырнулъ тебя? Кто зачинщикъ?

— Я, ваше благородіе! — безучастно вымолвилъ Волкъ.

— А ты, вѣрно, подзадорилъ его, подлець? Волкъ зря не начнетъ!—сердито обратился старшій офицеръ къ Руденко.

— Я, ваше благородіе, думалъ, чтобы, какъ слѣдуетъ... Для его старался... Открыть, значитъ, глаза его хотѣлъ... Вижу, Волкъ «здря» въ тоску вошелъ. Я и обсказываю: по той, молъ, причинѣ Оенька отъ его сбѣжала, что не очень-то лестно ей хороводиться съ имъ. Прикидывалась, говорю, бытто обожаетъ... Какъ пить, въ Симферополѣ тую-жъ минуту молодого солдата нашла. Лукавая, ваше благородіе! Вокругъ пальца обводила Волка, а онъ...

— И Волкъ за твои подлыя слова изувѣчилъ тебя, Руденко?

— Точно такъ, ваше благородіе!

— Ты, подлець, какъ разбойникъ... ножемъ? Ну ужъ и отполирую я тебя, мерзавца!

— Не оборонись я ножемъ, не жить бы мнѣ, ваше благородіе! Освирѣпѣлъ изъ-за словъ Волкъ. Извольте взглянуть на морду... И ухо... И нога...

— Мало еще тебѣ. Будешь помнить выволочку... Зачѣмъ лѣзъ съ подлымъ разговоромъ къ Волку?.. Просилъ онъ тебя насчетъ Оеньки?.. Говорилъ, что ли?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе...

«Какой же онъ привязчивый дуракъ!»—подумаль старшій офицеръ, взглядывая на Волка. И, казалось, теперь поняль причину перемѣны Волка въ послѣднее время.

Волку было стыдно и обидно. То, что скрываль онъ отъ всѣхъ, стало предметомъ общаго вниманія. Главное, о Оенькѣ пойдуть разговоры.

— Ступай оба. Докторъ осмотрить!—сказаль Петръ Петровичъ.

И значительно смягченнымъ тономъ прибавиль, обращаясь къ Волку:

— А ты не тронь больше этого подлеца!

— Есть, ваше благородіе!

— Вѣдь до смерти его изобъешь... У тебя кулакъ!.. И угодишь въ арестанты изъ-за мерзавца. Помни, Волкъ.

— Есть, ваше благородіе!

И тонъ голоса Волка, и выраженіе его лица какъ будто говорили, что не стоитъ въ арестанты изъ-за такого человѣка, который своимъ подлымъ разговоромъ довелъ до драки и теперь, какъ «послѣдній матросъ», обсказаль причину старшему офицеру.

— И ты, Волкъ, знаешь... того... Не распускай шкотовъ... Нечего матросу скучать... Плюнь! — почти ласково промолвилъ Петръ Петровичъ.

II.

Черезъ полчаса въ каютъ-компанію вошелъ худощавый и маленькій старый врачъ Никифоръ Ивановичъ. Обыкновенно веселый и легкомысленный «па-

пильонъ», онъ нѣсколько озабоченно сказалъ старшему офицеру:

— Дѣло-то «табакъ», Петръ Петровичъ!

— Больныхъ не любите, такъ и «табакъ», Никифоръ Ивановичъ?—проговорилъ, подсмѣваясь, старшій офицеръ.

Онъ хорошо зналъ, что этотъ «мичманъ», несмотря на его почтенный возрастъ, не любилъ лѣчить больныхъ. Давно уже позабывшій медицинскія книжки, онъ всегда весело говорилъ, что природа свое возьметъ, а не то госпиталь есть, если матросу предназначено въ «чистую», какъ Никифоръ Ивановичъ называлъ смерть.

По счастью для него и, главное, для матросовъ, на корветѣ больныхъ не бывало.

— Да что ихъ любить, Петръ Петровичъ! А Волка нужно бы въ госпиталь!

— Развѣ на корветѣ нельзя зачинить?

— Все можно, а лучше отправить на берегъ. Природа у Волка свое возьметъ, и хирургъ живо обрабатаетъ. Рана глубокая, подъ ухо прошла... Перевязку сдѣлалъ, а теперь пусть дырку чинятъ въ госпиталѣ. Вѣрнѣй-съ. Ну да и я, признаться, давно не занимался хирургіей, Петръ Петровичъ!.. И вообще не любитель лѣкарствъ!—откровенно признался Никифоръ Ивановичъ.

— А Руденко что?

— Отлежится... Дня черезъ три съ Богомъ порите его, Петръ Петровичъ!

— А нога?

— То-то перелома будто нѣтъ. Посмотрю, какъ завтра... И ловко же его изукрасилъ Волкъ! Счастье, что Руденко еще цѣлъ!—весело промолвилъ старенькій докторъ.

Старшій офицеръ послалъ вѣстового сказать на вахтѣ, чтобы подали къ борту «четверку», и сказалъ юному, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ произведенному, смуглолицому, мичману Кирсанову:

— Отвезите, Евгений Николаичъ, вашего любимца въ госпиталь. Да попросите сейчасъ же его осмотрѣть и спросите, нѣтъ ли опасности.

— Слушаю, Петръ Петровичъ!

— И вѣдь съ чего сбрендилъ старый дуракъ! Знаете Евгений Николаичъ?

— Знаю, Петръ Петровичъ. Оттого онъ перемѣнился въ послѣднее время и тосковалъ...

— То-то и удивительно... Волкъ... и... изъ-за какой-то Оеньки!..

— Волкъ не похожъ на другихъ... Онъ по-настоящему любитъ женщину!—краснѣя и взволнованно промолвилъ мичманъ, словно бы обиженный за удивленіе старшаго офицера.

Мичману было двадцать лѣтъ. Ему казалось, что и онъ «по-настоящему любитъ», и навѣки конечно, эту «божественную» Вѣру Владиміровну, къ сожалѣнію жену капитана перваго ранга Перельгина. Онъ знакомъ съ нею три мѣсяца и съ первой же встрѣчи влюбился въ эту хорошенькую блондинку лѣтъ тридцати и тайлъ отъ всѣхъ свою любовь. «Божественная» съ нимъ кокетничала, а онъ благоговѣлъ, по-временамъ втайнѣ желалъ «кондрашки» толстому, короткошеему капитану, раскаивался и вѣрилъ, что г-жа Перельгина — пушкинская Татьяна. Недаромъ же она любила декламировать:

«Но я другому отдана
И буду вѣкъ ему вѣрна».

Вымытый, перевязанный и переодѣтый, съ «отсылкой» (бумагой) въ госпиталь, вышелъ Волкъ на палубу.

Передъ тѣмъ, какъ Волку спускаться въ шлюпку, его окликнулъ старшій офицеръ и сказалъ:

— Скорѣй починись, Волкъ!

— Есть, ваше благородіе!

Вся команда уже въ палубѣ пожелала Волку скорѣй вернуться на корветъ.

Онъ хотѣлъ-было идти на носъ шлюпки, но мичманъ приказалъ матросу сѣсть на сидѣньѣ рядомъ съ нимъ, и «четверка» отвалила.

Вечеръ былъ обаятельный. Звѣзды загорѣлись въ небѣ.

Волкъ задумался.

Это былъ здоровый, крѣпкій человѣкъ, далеко за сорокъ, мускулистый, широкоплечій, мѣшковато одѣтый, спокойно-увѣренный въ своей физической силѣ, привыкшій къ морю и любившій его, съ грубоватымъ, суровымъ лицомъ, съ тѣмъ выраженіемъ искренности, простоты и въ то же время какого-то философски-спокойнаго ума, которымъ отличаются моряки, много выдавшіе видовъ на своемъ вѣку.

Еще недавно его сѣрые глаза свѣтились радостно, и по-временамъ въ его серьезномъ лицѣ появлялась горделиво-торжествующая улыбка счастливаго человѣка. Въ то время онъ и бросилъ пить, вдругъ сдѣлался бережливъ и сталъ мягче характеромъ.

Суровый на видъ, онъ обыкновенно рѣдко сердился, и его трудно было разозлить. Только скалилъ свои крѣпкіе бѣлые зубы и добродушно подсмѣивался. Но когда его охватывалъ гнѣвъ, онъ напоминалъ обозленнаго волка, и всѣ боялись довести матроса до изсту-

пленія. Знали, что могъ избить до смерти, если не удержать силой.

Въ послѣднее время Волкъ сразу измѣнился. Сталъ молчаливъ, угрюмъ и раздражителенъ. По-временамъ долго смотрѣлъ на море, точно думалъ какія-то невеселыя думы, и глаза его были тоскливые, какими прежде не бывали.

Отъ людей старался скрыть тоску, и матросы, любившіе и уважавшіе Волка, только дивились, пока не узнали, что его бросила Оенька, безумная «приверженность» къ которой была извѣстна на корветѣ и всѣхъ изумляла.

— Чудеса! Вовсе втемяшился Волкъ!—говорили тихонько на бакѣ.

Но подсмѣиваться надъ нимъ не смѣли.

Всѣ знали, что Волкъ вообще не любилъ «пакостныхъ» разговоровъ, какъ называлъ онъ циничныя шутки о бабахъ, обычныя на бакѣ, и очень озлился бы за Оеньку. Разъ онъ избилъ до полусмерти одного матроса, сказавшаго при немъ что-то скверное о ней.

И это хорошо помнили на бакѣ.

Шлюпка повернула съ рейда въ корабельную бухту. Море точно дремало. Кругомъ было тихо, тихо... Только часовые съ блокшифовъ, на которыхъ жили арестанты, перекликались протяжными: «слу-шай!»...

Огоньки мигали въ домахъ слободки.

Волкъ глядѣлъ на огоньки... Еще мѣсяць тому назадъ Оенька здѣсь жила...

«Конецъ!»—подумалъ Волкъ, и чувство обиды и боли охватило его, когда онъ опять вспомнилъ «скоро-

палительность» переменяны Оеньки... Была, кажется, приверженна, обѣщала вернуться изъ Симферополя и в другъ такъ «обанкрутила»...

Слова Руденки жалили его сердце, точно змѣя...

— Чтò, братъ, Волкъ... Болитъ голова?—в другъ участливо спросилъ мичманъ.

— Самую малость, ваше благородіе!

— Вѣрно, скоро выпишешься...

— Какъ Богъ, ваше благородіе...

— Экій подлець этотъ Руденко!.. Ужъ ему будетъ!

— И безъ того... избилъ... А полегче бы его пороть, ваше благородіе!.. Заступились бы, ваше благородіе, передъ старшимъ офицеромъ... Зачинщикъ-то я... Я и виноватый!

— И ты еще заступаешься за подлеца?—воскликнулъ мичманъ, тронутый словами Волка.

— А то какъ же, ваше благородіе? Не оборонись онъ и не опарашъ ножемъ, пожалуй быть бы мнѣ убивцемъ... За это въ арестанты.

— Развѣ убилъ бы?

— Въ обезуміи человѣкъ на все пойдеть, ваше благородіе,—необыкновенно просто и убѣжденно сказалъ Волкъ.

«Онъ по-настоящему любитъ», — снова подумалъ мичманъ.

И ему стало обидно, что онъ не только не вызвалъ на дуэль одного лейтенанта, который въ каютъ-компаніи назвалъ «божественную» Вѣру Владиміровну «любительницей походовъ», но промолчалъ и теперь даже разговариваетъ съ лейтенантомъ.

«И какой я подлець въ сравненіи съ Волкомъ!»—мысленно проговорилъ мичманъ.

Онъ нѣсколько минутъ молчалъ, чувствуя себя виноватымъ и восхищенный любовью матроса. И вдругъ порывисто и сердечно проговорилъ, понижая голосъ до шопота:

— Знаешь что, Волкъ?

— Что, ваше благородіе?—чуть слышно отвѣтилъ Волкъ.

— Можетъ, ты захочешь извѣстить Оеньку, что ты въ госпиталѣ... Такъ скажи адресъ. Я напишу.

— Спасибо, ваше благородіе... Не надо!

И при лунномъ свѣтѣ лицо Волка показалось угрюмѣе, когда онъ еще тише прибавилъ:

— Не пріѣдетъ, ваше благородіе!..

— Шабашъ!—крикнулъ мичманъ.

«Четверка» остановилась у пристани.

Юный мичманъ приказалъ гребцамъ ждать его возвращенія и вмѣстѣ съ Волкомъ вышелъ на берегъ.

— Скорѣй поправься и на «конвертъ», Лаврентій Авдѣичъ!—горячо проговорилъ молодой загребной на «четверкѣ».

— Спасибо, братцы! Чуть починять башку — на «конвертъ»!

Мичманъ съ Волкомъ поднимались въ гору. Матросъ шелъ немного сзади, соблюдая дисциплину.

— Иди рядомъ, Волкъ! — наконецъ проговорилъ Кирсановъ.

— Есть, ваше благородіе!

И Волкъ поровнялся съ мичманомъ.

— Отчего, ты думаешь, не пріѣдетъ?.. Только написать... Навѣститъ.

— Не надо, ваше благородіе.

— Недобрая, что ли, она?

— Она!? Руденко все набрехалъ на нее!—возбужденно проговорилъ Волкъ.

— Такъ отчего же она уѣхала?.. Ты такъ привязанъ къ ней. Нарочно зимой на вольную работу ходилъ, чтобы только...

— Не пытайте, ваше благородіе!—перебилъ матросъ. Въ его голосѣ звучала почти-что мольба.

Юный мичманъ сконфузился и смолкъ.

Въ госпиталѣ какъ разъ былъ вечерній осмотръ главнаго доктора, и были всѣ врачи, когда пришелъ мичманъ съ раненымъ.

Хирургъ внимательно осмотрѣлъ рану Волка, ковырялъ ее какимъ-то инструментомъ и велѣлъ фельдшеру помѣстить Волка въ палату.

— Счастливо оставаться, ваше благородіе!—отвѣтилъ Волкъ на ласковое прощаніе мичмана.

И когда матросъ ушелъ, мичманъ спросилъ пожилого рыжеватаго врача:

— Чтò, докторъ, опасна рана?

— Опасна! — умышленно преувеличивая опасность раны, отчеканилъ рѣзко, съ апломбомъ, рыжій врачъ, словно бы недовольный недостаточно почтительнымъ тономъ профана къ жрецу.

— Волкъ умретъ?—испуганно, чуть не со слезами проговорилъ мичманъ.

— Съ чего вы это взяли? Опасна не значитъ смертельна!—внезапно смягчаясь, промолвилъ рыжій врачъ при видѣ испуга мичмана за матроса.—Не волнуйтесь, молодой человѣкъ... Богъ дастъ, выживетъ... Здоровый... А странная фамилія Волкъ...

— Это, докторъ, кличка... А фамилія его Чекалкинъ... Первый матросъ у насъ на корветѣ... И какой

хорошій человѣкъ, если бы знали!... Вы, докторъ, почините его!—умоляюще и краснѣя просилъ мичманъ.

— Постараюсь... А вы первый годъ мичманомъ?—ласково улыбаясь, промолвилъ врачъ.

— Первый... А что?

— Свѣжестью вѣтъ... Пріятно смотрѣть на такого мичмана... Позвольте познакомиться.. Зайдите ко мнѣ какъ-нибудь...

Они назвали фамиліи другъ другу, и оба, повидимому, были довольны новымъ знакомствомъ.

Когда мичманъ вернулся на корветъ и доложилъ старшему офицеру, что сказалъ хирургъ, Петръ Петровичъ поморщился и пошелъ къ капитану доложить о происшествіи.

Въ виду серьезности раны, капитанъ недовольно замѣтилъ, что придется написать начальнику эскадры рапортъ, и прибавилъ:

— А какъ Руденко отлежится, дайте ему триста линьковъ...

— Есть!

— А потомъ подъ судъ... Законопатятъ въ арестанты... Ножомъ пырнуть! Могъ и убить!

Капитанъ помолчалъ и прибавилъ:

— И какъ это Волкъ втемяшился въ какую-то тамъ бабенку-съ!.. Не первогодокъ, кажется... Не понимаю-съ!

— И я не понимаю... Могъ бы понять, что ему сорокъ шесть, а этой Оенькѣ, говорятъ, двадцать пять!

— Конечно, возрастъ основательный... Но... но Волкъ молодецъ и вѣдь не старикъ же, однако!—съ внезапнымъ раздраженіемъ крикнулъ капитанъ.

И старшій офицеръ спохватился, что далъ маху.

Капитану было сорокъ пять, а его женѣ—двадцать.

III.

Волкъ лежалъ на койкѣ рядомъ съ матросомъ Бычковымъ, сломавшимъ себѣ ногу при паденіи съ марса-реи фрегата «Проворный».

На третью ночь послѣ поступленія въ госпиталь, Волкъ не спалъ. Болѣла голова, и тревожили тяжелыя мысли. Не занятый работой, онъ вспоминалъ недавнее время, — и не могъ отъ него оторваться.

И съ какою-то мучительной проясненностью проносились передъ нимъ картины счастья. А теперь?

Волкъ только встряхивалъ головой, словно отгоняя отъ себя тоску.

Припоминалъ, въ чемъ виноватъ былъ передъ Оенькой, и мучился раскаяніемъ.

«Оттого и бросила!» — объяснялъ внезапное рѣшеніе Оеньки этотъ, не понимавшій женщинъ, матросъ. И съ тоской любящаго сердца, потерявшаго на-вѣки Оеньку, прошепталъ:

— Крышка!

— Чего не спишь, Волкъ? Это насчетъ чего крышка? — спросилъ сосѣдъ по койкѣ.

Волкъ не отвѣчалъ.

Но ему вдругъ захотѣлось открыться, выкрикнуть кому-нибудь про боль смятенной души, не дающей покоя.

И, сдерживаясь отъ волненія, проговорилъ:

— А я, братецъ ты мой, думаю: не можетъ этого быть, чтобы бабья душа была вродѣ какъ безпардонная... Сегодня, къ примѣру, ты хорошій, а завтра — подлый человѣкъ, и чтобы духа твоего не было... Такой

загвоздки въ секундъ нѣтъ... Видно, другая какая загвоздка...

— Стоитъ и обмозговывать! Нашелъ, чѣмъ заниматься!—отвѣтилъ Бычковъ, удивленный, что такой степенный и старый матросъ думаетъ о такомъ нестоящемъ предметѣ, какъ бабья душа, да еще ночью, когда спать надо. Но такъ какъ и Бычкову не спалось,—нога ныла,—то онъ тотчасъ же прибавилъ:—Всякая баба безпардонная и есть. Но только мало полного нашего понятія о бабѣ. Отъ нея столько загвоздокъ, что лучше и не думай, по какимъ причинамъ, а бей ее! Оно вѣрнѣй.

Бычковъ, матросъ лѣтъ за тридцать, увѣренно и убѣжденно проговорилъ эти слова и притомъ безъ всякаго озлобленія. Напротивъ! И въ его некрасивомъ, грубомъ лицѣ, и въ тонѣ его голоса было много добродушія.

— За что бить?—спросилъ Волкъ.

И въ его голову пришла мысль: можетъ, не обезкуражила бы его Оенька, если бы онъ ее билъ? Но въ ту же минуту мысль эта исчезла. Сталъ бы онъ ее бить! Да и Оенька въ его глазахъ была особенная. Тронъ только ее!

— А за все, братецъ ты мой! Такая ужъ въ ихъ природа. И которыя лестнѣе, вовсе безпардонныя шельмы! Видалъ ты вчера мою матроску, Волкъ? Провѣдать забѣгала...

— Видалъ.

— Такъ завсегда вертитъ подоломъ, стерва! По глазамъ ейнымъ вижу... И чѣмъ глаза ласковѣй, тѣмъ больше облыжности... Значитъ, ужъ продаетъ меня. Заметаешь, подлая лиса, хвостомъ... Какъ, молъ, ловчѣй обмануть законнаго своего матроса!

Волкъ жадно слушалъ. Это сужденіе Бычкова казалось откровеніемъ. И ревнивыя подозрѣнія невольно закрадывались въ голову Волка.

А Бычковъ среди тишины палаты, нарушаемой храпомъ или какимъ-нибудь словомъ во снѣ, вполголоса продолжалъ:

— Ужъ сколько я дубасилъ свою матроску — все загвоздокъ искалъ.

— И чтò же?

— Зря! Только мужчинское свое зло срывалъ. Бывало, бьешь — клянется... Прибавишь бою — Аришка взвоетъ и сперва поклянется, а потомъ зарокъ дастъ... «Никогда, молъ, не буду... Въ потемнѣннн разсудка, дескать, законъ нарушила... Подлый матросъ, молъ, слабую матроску облестилъ... Такъ по пѣтъ—вѣтромъ надуло... А я, говоритъ, тебя только, законнаго матроса, и обожаю...» И вѣтъ такъ ублажить, что по нашей подлости и повѣришь...

— А вѣры-то нѣтъ?

— Вѣръ подлой! Синяки прошли, она опять за свое. Кровь въ ей бунтуетъ. Никакъ не можетъ. Ну и приверженности ко мнѣ такой нѣтъ, чтобы законъ Аришкѣ въ охотку... Однако—вратъ нечего—добрая матроска и всегда уважить... Пойми-ка эту линію, Волкъ!

Но Волкъ не понималъ, казалось, и возмущенно сказалъ:

— Подлость одна бить такъ бабу.

— То-то и я бросилъ потомъ Аришку. Вижу не выучишь. И нѣтъ во мнѣ прежней обиды. Служи, молъ, такая-сякая, какъ обвѣзанная жена, и мой хлѣбъ жри, и чортъ съ тобой, ежели ты въ родѣ бытто влюбленная... Путайся съ другими... Вотъ, братецъ ты мой,

какъ я полагаю насчетъ загвоздокъ... Плюнь и ша-
башь!

Волкъ былъ возмущенъ и молчалъ.

— А ты, Волкъ, чего не спишь... Какая загвоздка?
или башка болитъ? Съ чего это тебя матросъ ножемъ
пырнулъ?..

— Избилъ его... Не догадайся онъ ножемъ, я бы
его до смерти...

— Пьяный?

— То-то тверезый.

— Такъ чѣмъ же тебя матросъ до точки довелъ?

— А онъ не будь что ни на есть подлюгой!—взвол-
нованно началъ Волкъ, закипая гнѣвомъ.—Нечего ска-
зать, открылъ свою подлую душу... И вѣдь нѣтъ больше
подлости, какъ обезсуживать бабю... Бреши на ее—
всякій повѣритъ. А она, что съ подлецомъ сдѣлаетъ?
Онъ-то разславить... Пакость на ей и останется. Пони-
маемъ ли мы бабю? Намъ только, чтобы себя потѣ-
шить... И ты, Бычковъ, какъ ее понимаешь?

— Да такъ и понимаю. На то и дадена баба.

— Развѣ это правильно, ежели по совѣсти? Можно,
что ли, такъ форменно жить? Вотъ ты Аришкѣ счи-
таешься будто мужемъ. Собаки и есть. По собачьи и
живете... А знаю я одну, такъ она не такая. Позволить
кто-нибудь ее лопматить? Наплюетъ тебѣ въ рожу да
и отъ тебя въ утекъ... Горда. Не то, что прочія...
Ваши всѣ на обманъ. А, главное, Оенька наотмашь
всю причину сказывала. Ничего не боялась.

Голосъ Волка звучалъ восторженно.

— Чудно что-то... Такъ ты изъ-за эстой Оеньки...

— А ты какъ думалъ?

— Ты, значитъ, вродѣ бытто...

Но Волкъ перебилъ:

— Не вродѣ бытто, а форменно приверженъ. Меня она, можетъ, другимъ обернула... Тоже и я до Оеньки вродѣ какъ песъ былъ... А какъ Богъ мнѣ счастья послалъ... Оеньку узналъ, такъ прямо-таки подъ всѣми парусами врѣзамшись на мель... И шабашъ... Понять можешь, Бычковъ?

— Бываетъ, видно... Втемяшится, бытто какъ въ потемнѣннй разсудка человѣкъ...

— Небойсь, не въ потемнѣннй, а въ полномъ разсудкѣ... И жизнь пошла другая. Будемъ мы, молъ, похорошему... Мною не брезговала, понимала, что Волкъ душу ей отдастъ... И какъ это... въ секундъ поворотъ отъ меня... Такъ и сейчасъ не войду въ понятіе... Въ чемъ загвоздка...

Голосъ Волка оборвался.

Невыносимая тоска томила его. Прошла минута-другая въ молчаніи.

Наконецъ Бычковъ сказалъ:

— Такъ, значитъ, этотъ самый матросъ, котораго ты избилъ...

— Чтò матросъ?—грозно перебилъ Волкъ.

Бычковъ испуганно промолвилъ:

— Набрехалъ все про Оеньку...

— А ты полагаешь: она по-собачьи? Сейчасъ меня обнадежила, а завтра съ другимъ?.. Ты про нее подумай! Даромъ, что ты со сломанной ногой... Нешто не понялъ, чтò я обсказалъ?..

— Такъ по какой же причинѣ Оенька вдругъ тебя обанкрутила?

— По какой причинѣ?—переспросилъ Волкъ.

И самъ, терзающійся непониманіемъ, съ какой-то отвагой отчаянія, произнесъ:

— Есть, значитъ, причина. Изъ-за моего подлаго характера бросила...

Волкъ смолкъ.

Въ виду предупрежденія Волка, не спрашивалъ болѣе и Бычковъ и, разумѣется, не смѣлъ сказать своего мнѣнія о Оенькѣ.

А Волкъ чувствовалъ неодолимую потребность убѣдить и Бычкова, и, главное, себя, что Оенька не безпардонная душа.

И онъ проговорилъ:

— Слушай... Я обскажу тебѣ, какая это матроска... Ты увидишь...

— Обсказывай!

Волкъ вздохнулъ и началъ:

IV.

Изъ-за ей — прямо сказать — свѣтъ увидалъ. А ты какъ думалъ, невѣрный матросъ? Не бойсь, всякій жизни ищетъ, а не то, чтобы очень радъ, когда шкуру твою оббиваютъ, словно она барабанная шкура, а больше какъ о ей и не смѣй полагать. По какимъ такимъ причинамъ ты въ родѣ бытто арестантъ?.. И всего у тебя и радостей, что напился на берегу да пьяный облапилъ бабу. Что Машка, что Аксюшка — все равно, а потомъ и айда на корабль. Жди тамъ боя да шлихофки изъ-за всякой малости, ежели строгость самая что ни на есть форменная. И какой ты ни покорный матросъ, и у тебя, можетъ, душа требуетъ отдышки. Чтобы хоть на берегу по-хорошему пожить,

узнать привѣтъ и ласку. Чтобы настоящая душевная баба съ понятіемъ, и могла понимать, какой я приверженный и довѣрчивый... И чтобы она не боялась... и безо всякой облыжности... На совѣсть... Хвостомъ не верти!.. Да только такой бабы, можетъ, и не встрѣтить во всю жизнь... Только въ башкѣ полагаешь, да въ душѣ тоскуешь... А то если и встрѣлъ, а она начхала... Отваливай, молъ!

— И ты такую бабу встрѣлъ, Волкъ? — недовѣрчиво спросилъ Бычковъ.

— Такую самую и встрѣлъ. Поздно только по своимъ годамъ... Не суждено въ разсудкѣ... Привязался какъ смола. Тоже обезумѣлъ старый матросъ. На мертвомъ якорѣ оставаться обнадеживалъ я себя въ ослѣпленности... А замѣсто того—крышка!.. А все-таки обидно, а сердца противъ Феньки нѣтъ... И въ какихъ смыслахъ крышка?.. Не все ли равно? А она не виновата... И не забуду, что изъ-за ейной доброй воли я два года былъ во всей своей формѣ человѣкомъ. Душу получай, молъ, всю. Только бери! И чтобы ей никакой обиды... Понялъ я съ ей, какая приверженность во мнѣ... Бывало съ конверта на берегъ, такъ ногъ подъ собой не слышу, какъ бѣгу въ слободку... Однимъ словомъ, — новый оборотъ жизни... И пить бросилъ... Пойми, вѣдь я кто такой?.. Грубая матрозня и изъ себя въ родѣ старой швабры. А она... обратила на такого вниманіе... И вѣдь я чуть-было отъ судьбы не убѣжалъ...

Волкъ вздохнулъ и примолкъ.

«Простъ ты, Волкъ. Повѣрилъ бабѣ. Лучше бы не встрѣвалъ эстой Феньки!» — подумалъ Бычковъ и спросилъ, заинтересованный разговоромъ:

— Ты почему полагаешь?

— А по той самой причинѣ, что не хотѣлъ тогда идти къ Иванову — боцману съ «Костенкина». Безпремѣнно звалъ приходить въ слободку. — Жонка, молъ, именинница... Пирогъ и ведро водки.

— Какъ же не хотѣлъ на такое угощеніе? — удивился Бычковъ.

— Наканунѣ меня отодрали на «Гонцѣ». Съ берега вернулся въ безпамятномъ видѣ. Такъ я остерегался... Однако, отпросился у старшаго офицера и на именины. Ладно. Вошелъ я это въ ихнюю хибарку... Поздоровкался съ хозяевами и, какъ увидалъ Оеньку, словно тую самую встрѣлъ, что давно зналъ въ мысляхъ... Оконфузился даже и всего только пять шкаликовъ выпилъ... Зашабашилъ. И украдкой взглядываю на матроску... Около нея матрозня... Всякую брехню брешутъ... Видитъ — приваживаетъ. Отсмѣивается, но очень-то не позволяетъ... Такъ и отбреетъ, ежели ужъ очень матросы пристають... А мнѣ и обидно... Какъ она такіе собачьи разговоры позволяетъ?.. «Нехорошо», думаю. А самъ нѣтъ, нѣтъ — да и взгляну... А изъ себя бѣлая, чистая лицомъ и, видно, башковатая. Глаза большіе-пребольшіе, и взглядъ перемѣнчивый... То смѣется, то ласковый, то вдругъ бытто невеселый... Задумается — и опять встряхнетъ головой и смѣется... Вижу: молода, а тоже, видно, на сердцѣ что-то есть... И что больше взглядываю, то жалъчѣе... И всѣ дивуются, что я не жру вина... И сталъ тутъ боцманъ рассказывать, какой я, молъ, отчаянный матросъ и какой я пьяница. Не будь пьянства, былъ бы молъ давно боцманомъ.

— Чего-жъ не пьешь, Волкъ? — вдругъ кинула Оенька?

— Ну, еще больше оконфузился. Отвѣтилъ: «не хочу, молъ». — Пронзительно такъ посмотрѣла и улыбнулась. Видно, поняла, что съ перваго раза ошарашила. И правильно, ошарашила какъ есть, и стыдно передъ ей быть въ пьяномъ видѣ. А матросы хмѣлѣли. И давай къ Оенькѣ пуще приставать. «Упоцѣлуй, молъ, вдовая матроска! Тебя не убудеть!» — Она смѣется и грозитъ: въ ухо. «Свиньи, говоритъ, вы невѣжливые съ вдовой». — А одинъ унтерцеръ облапилъ. Ну, я не стерпѣлъ этого ахальства. Къ унтерцеру, да отдернулъ. — Никто, говорю, не смѣй, матросы, обидѣть бабу! — Всѣ видятъ, что не шутю, и въ шутку обернули. Однако оставили Оеньку. И она взглянула на меня. Вижу — удивилась. А молодой бѣлобрысый марсовый съ «Костенкина», блѣдный и словно командиръ надъ ей, говоритъ: «Хвостомъ не верти, такъ и матросъ не обидитъ». — «Ты мнѣ мужъ что ли?» — это Оенька въ отвѣтъ, и злая и прескучная стала. Отошелъ. Воззрился на Оеньку, а она и не глядитъ на марсоваго.

— Кто-жъ онъ для нея былъ?

— А ты, матросъ, не перебивай... Узнаешь, какой это подлець... Хорошо... Оенька еще посидѣла, пить не пила, а пригубила рюмку, да въ девятомъ часу стала съ хозяевами прощаться. Уходитъ, молъ, пора — поздно. И со мной попрощалась. «Спасибо, говоритъ, Волкъ, что не свинья, какъ прочіе! Буду помнить». И вышла, а съ ей бѣлобрысый увязался. Вышелъ и я слѣдомъ. «На конвертъ, говорю, срокъ». — А я на случай около Оеньки быть, чтобы не обидѣлъ ее этотъ бѣлобрысый. Мало ли нашего брата подлеца съ бабой... да еще съ глаза на глазъ. Въ слободкѣ темень... ни зги... И тучи на небѣ... и ни души. Только часовые съ города перекликаются...

Глухая слободка ночью... Небойсь, знаешь, какія подлости тамъ бываютъ? А глазъ у меня зоркій. Вижу, какъ Оенька съ матросомъ идутъ въ городъ. А я за ими. И вдругъ между ими разговоръ.

И чѣмъ дальше—громче, въ разстройку. Слышу, матроска отчекрыжила:

— Больше не согласна... Отваливай!..

А бѣлобрысый вскричалъ:

— Это какъ же, подлая? Давно ли говорила, что любовь тебѣ...

— Ну и что-жъ? Мало ли, что говорила, и кому говорила... Хочу—любовь, хочу—нѣтъ. Я въ своей волѣ...

— Такъ ты такъ? Думаешь, смѣешь?..

— Испугалась что ли?..

— Видно другого нашла?

— А хоть бы нашла? Тебѣ какое дѣло... Я не обвѣзанная...

Тутъ матросъ обругалъ Оеньку послѣднимъ словомъ и сталъ драться. «Подлецъ... не смѣй»,—отчаянно крикнула Оенька. А я уже подскочилъ и давай бить этого подлца. До смерти бы избилъ, да Оенька меня въ разсудокъ привела. «Брось!»—говорить. И пошла. А я за ей. Провожу, молъ, до людной улицы. Идемъ—молчимъ. Слышу—плачетъ, тихо, ровно забиженный ребенокъ... И такъ мнѣ стало ее жалко, что и не обскзать. Вышли это мы на Большую улицу, а она во всѣ глаза смотрить на меня... видно удивленная... И говорить: «А я полагала, что ты заступился изъ-за своей мужчинской подлости... Вижу ты, Волкъ, первый матросъ, что не надругался надо мной какъ надъ послѣдней тварью... Дай тебѣ Богъ всего хорошаго... Ты, можетъ, и меня заставилъ на себя взглянуть, какая я

есть»... И такъ это мнѣ было лестно, что она поняла обо мнѣ. Вѣдь до какого понятія о мужчинскомъ сословіи довели матроску. Нечего сказать, вовсе какъ звѣри были съ ей. И такая стала она мнѣ родная, такая свѣтлая, и такъ жалко ее, что и не обсказать. Сразу оказалось, какой она человѣкъ. Въ ту-ю-жъ минуту сердцемъ почувалъ ея смятенную душу, тоску и отчаянность въ разговорѣ съ матросами. Бытто и въ самомъ дѣлѣ безпардонная. А какая она безпардонная? Она обиженная и другой жизни хотѣла, а не то, что... Сразу безпардонность ейная прошла, какъ съ ею добромъ. «Иди, говоритъ, Волкъ, на свой конвертъ, а то опоздаешь и наказаніе изъ-за меня получишь. И то защитилъ, добрый человѣкъ!» А у меня и словъ нѣтъ. Не смѣю оказать себя и даже спросить не осмѣливаюсь, можно ли когда повидать. А она мнѣ: «Можетъ, и захочешь меня провѣдать когда?» И такъ, братецъ ты мой, словно виноватая, тишкомъ проговорила.

— Такъ зайдешь?—спрашиваетъ.—Съ полной, говорю, радостью, Федосья... А какъ по батюшки?—спрашиваю.

— Оенькой зови... Какая я Федосья!—И объяснила, что вродѣ куфарки у артиллерійской офицерши и сказала домъ. И, прощамшись, кинула: «А ты, Волкъ, не думай, что я болтала тому матросу... Такъ, зря, отъ отчаянности».

Ушелъ я на Графскую пристань и совѣмъ по другому бытто понимаю, какая есть на свѣтѣ жизнь. Нанялъ яликъ — и на конвертъ. На завтра выпороли за опозданіе на полчаса. Лупцуйте, молъ! А я бытто безо всякаго вниманія. И вовсе другимъ сталъ. И Оенька на умѣ. Вотъ поди-жъ ты! — словно бы оправдываясь, прибавилъ Волкъ.

Минута, другая прошла въ молчаніи.

— А что дальше? Сказывай, Волкъ... И по какой причинѣ раздрайка? Чудна что-то твоя Оенька!—проговорилъ Бычковъ.

— Небойсь, не видалъ такой?

— То-то не видалъ...

— Такъ ты слушай и пойми ея безпокойную душу...

И Волкъ продолжалъ:

V.

— Въ скорости пошелъ къ ей. Посидѣлъ. Чаемъ угостила. Балакаемъ. И такая понятливая ко всему—всеѣмъ не бабій въ ей разумъ. Сталъ чаще ходить—сказываю про всякое понятіе мое, и о томъ, какъ матросу нудно на свѣтѣ, и какъ не по правдѣ люди живутъ, и какъ обидно простому человѣку... Вижу—слушаетъ, не скучаетъ. И простая со мной. А мнѣ,—хоть не уходи съ кухни... Поняла, значитъ, что я вовсе привязамшись, и не гонить... Зоветъ, а обнадежить себя не рѣшаюсь. Не къ рылу, молъ. Однако, какъ кампанію кончили, перебрались въ казармы поздней осенью—пришелъ къ Оенькѣ и сдержничалъ—открылся. Не обезсудь, говорю, за мою приверженность по гробъ жизни. И Оенька на это: такой не видала, говоритъ, приверженности, и ты мнѣ любовь, говоритъ... Однако въ законъ не согласилась.

— Отчего?

— По своей гордости... вотъ отчего... Не хочу, говоритъ, быть обвязанной и ни твоей, ни своей воли рѣшиться... И обманывать тебя не стану.

— Оставила Оенька мѣсто и наняли мы комнату въ

слободкѣ. Стала бѣлье стирать. Не хотѣла, чтобы я одинъ для нея старался... Жалѣла. И никакой въ ей корысти не было... Не льстилась на деньги... И жили мы душа въ душу такъ два года... Заботливая обо мнѣ была — придешь, бывало, съ конверта или изъ караула — точно въ раю... И щекотливая была... Не любила, если я приревную... Ты, говоритъ, вѣрь моей совѣсти... Не думай, какая прежде я была... Я, говоритъ, въ разсудокъ пришла. Чтò было — было. Лучше и не вспоминать. И самой стыдно... И помни: Станешь ты мнѣ чужой,—скажу. Обидно тебѣ будетъ—а правды не скрою.. А я вѣрю Оенькѣ и въ полномъ довѣрїи и изо всѣхъ силъ стараюсь, чтобы ей было хорошо... Чѣмъ-нибудь потѣшишь. Одно слово, при ей вродѣ крѣпостного... И чѣмъ дольше, тѣмъ сильнѣе моя приверженность... И опять въ законъ прошу...

— Подожди,—говоритъ...

— Обнадеживаю я себя, и счастьемъ своему краю не знаю. Только бытто обидно, что Богъ ребенка не даетъ. Такъ прошло два года. И сталъ я замѣчать, что Оенька нѣтъ, нѣтъ да и заскучить. И приду, бывало, съ конверта—я обсказываю, чтò было, — она ужъ не въ охотку слушаетъ. Обнимешь—она чаще отстранять стала. И страшно сдѣлалось. Думаю—не та Оенька, и обо мнѣ не заботливая... Подозрѣвать сталъ — мука одна. Молчу — скрываю, только приду и сердце свое срываю. То куда ходила, то отчего ѣсть не приготовлено, то отчего безъ дѣла сидишь... Жду — лаской отвѣтитъ, проститъ грубость, догадается, отчего сердце кипитъ во мнѣ, а она мнѣ: «Ты что съ попреками... Я не жена, слава Богу... Я сама по себѣ»... Обвязала голову платкомъ, да и ушла... Вернулась и глаза заплаканы.

А я самъ не свой... Въ полной разстройкѣ души. Кажется, кожу съ себя готовъ снять, и меня же въ родѣ бытто подлеца поняла... Чтобы попрекать? За что?

— А ты, Волкъ, оттасталъ бы Оеньку за косу. Нешто нельзя сказать бабѣ, чтобы сполняла свое дѣло?.. — возбужденно проговорилъ Бычковъ.

— Оеньку да за косу?.. И какой ты, матросъ, дуракъ! Самъ - то только и понимаешь, когда тебя по уху...

— Такъ ты что же?.. Самъ же и виниться сталъ передъ ей?..

— То-то и повинился. И со всей покорностью, глупая башка. Безъ Оеньки мнѣ жизнь, что въ родѣ могилы. Пойми ты, ежели въ тебѣ настоящая душа... Вѣдь приверженность не сапоги. Снялъ и шабашъ!..

— Ну, ладно... Обсказывай!.. Тоже и ты, я скажу, чудной!..

— Замирились... Простила... И послѣ говоритъ: «Незадачливая я... Только тебя мучаю и себя разстраиваю... Ты обо мнѣ лучше полагаешь, чѣмъ я есть... Бѣдный ты мой, бѣдный Волкъ!.. Видно, не умѣю я цѣнить твою ко мнѣ любовь... Обиженная отъ Бога природой!..» Такъ прошелъ мѣсяць... Я—дуракъ—опять успокоился... Вижу, не брезгаетъ мною... А что-то въ ей безпокойное — дума какая-то... Не объясняетъ... А ужъ прежней ласковой и веселой Оеньки нѣтъ... То скучная, то вдругъ приникнетъ ко мнѣ и приласкаетъ... И я радъ... Думаю: обойдется... И какъ-то разъ говоритъ: «Уѣду отъ тебя, Волкъ, въ отлучку на нѣсколько дней... Къ сродственникамъ, въ Симферополь хочу»... Попрощались. Уѣхала... Обѣщала дать вѣсточку, какъ

вдругъ черезъ два дня отписала: «Не жди меня больше, Волкъ. За все добро и приверженность много благодарна. Но нѣтъ во мнѣ прежней любви... Прости, если виновата, за зло, и не поминай безталанную Оеньку»...

Волкъ смолкъ. Казалось, долгій разказъ не успокоилъ его. Онъ попрежнему не понималъ причины этой внезапной переменны, и не сомнѣвался, что и Бычковъ думалъ о Оенькѣ то, что говорилъ и Руденко.

Онъ не вѣрилъ и отгонялъ подозрѣнія... Но когда его глазамъ мучительно грезилась пригожая Оенька, такая же ласковая и порывистая, въ объятіяхъ молодого солдата въ Симферополь, въ голову Волка невольно закрадывалась мысль, что Оенька безпardonная душа.

VI.

Прошло двѣ недѣли.

Волкъ поправился и явился на корветъ.

Матросы обрадовались Волку. Старшій офицеръ потребовалъ его въ каюту и шутливо спросилъ:

— Совсѣмъ починили тебя?

— Точно такъ, ваше благородіе.

— И больше не «скучишь» изъ-за бабы?..

Волкъ смущенно молчалъ.

— Не стоитъ, братецъ... Понялъ?

— Есть, ваше благородіе!

— Особенно въ твоихъ годахъ. Молодые не очень-то любятъ пожилыхъ. Слышалъ объ этомъ?

— Точно такъ, слышалъ, ваше благородіе,—угрюмо отвѣтилъ Волкъ и весь побагровѣлъ.

Петръ Петровичъ не сомнѣвался, что утѣшилъ матроса, и отпустилъ его.

А Волкъ далеко не успокоился и былъ попрежнему молчаливъ и угрюмъ. И всѣ дивились, что башковатый матросъ могъ такъ долго тосковать изъ-за бабы. Даже мичманъ Кирсановъ, который уже забылъ госпожу Перелыгину и «по-настоящему любилъ» госпожу Дышлову, не съ прежнимъ уваженіемъ и симпатіей смотрѣлъ на Волка. Онъ слышалъ кое-что о Оенькѣ и теперь считалъ Волка порядочнымъ дуракомъ. Можно любить по-настоящему хорошую женщину, а не какую-нибудь... Развѣ можно любить женщину, которая не заслуживаетъ уваженія... Вотъ хоть бы онъ... Убѣдился, что госпожа Перелыгина далеко не пушкинская Татьяна, и... наказалъ ее своимъ забвеніемъ... Госпожа Дышлова, та... вполнѣ понимаетъ, что такое настоящая любовь...

И мичманъ какъ-то завелъ разговоръ съ Волкомъ на эту тему, но встрѣтилъ такой иронически холодный взглядъ матроса, что лишилъ его своего расположенія и больше съ нимъ уже не разговаривалъ.

«Рѣшительно, онъ — грубая скотина, не понимаетъ сочувственнаго человѣческаго отношенія!», не безъ нѣкоторой горечи подумалъ мичманъ и уже начиналъ раздѣлять мнѣніе каютъ-компаніи насчетъ того, что бить и драть матроса обязательно нужно и для службы полезно.

Вскорѣ «Гонецъ» пошелъ въ крейсерство къ кавказскимъ берегамъ.

У Анапы быстро разыгрался штормъ. Просвистали спускать стены.

На форъ-марсѣ вышла какая-то заминка. Тамъ

былъ мичманъ Кирсановъ. Былъ и Волкъ. Когда послѣ спуска реи всѣ спустились, мачтовый офицеръ сталъ ругать Волка. Мичманъ ни слова не сказалъ въ защиту лихого матроса. Нето не хотѣлъ противорѣчить лейтенанту, нето не принялъ къ сердцу несправедливости. «И то всего обругали! Стоитъ ли изъ-за этого вступаться?»

И тѣмъ не менѣе мичману стало неловко, когда онъ встрѣтилъ взглядъ прежняго своего фаворита. И сколько было въ этомъ взглядѣ недоумѣнія и укора. Вѣдь мичманъ видѣлъ, что Волкъ не виноватъ...

А вѣдь онъ думалъ, что мичманъ доберъ къ матросамъ и справедливъ...

«Гдѣ же правда на свѣтѣ?» — подумалъ Волкъ и ничего не отвѣтилъ на ругань лейтенанта.

И въ этотъ штормовой день Волкъ работалъ за двоихъ, и его какъ всегда посылали дѣлать опасное дѣло. И онъ казался еще хладнокровнѣе и угрюмѣе.

А штормъ усиливался. Показалась течь. Откачивали во всѣ помпы. Вода прибывала. Корветъ трещалъ по всѣмъ своимъ старымъ швамъ. У матросовъ закрадывалась мысль о гибели. Только Волкъ, казалось, былъ равнодушенъ.

«На что теперь мнѣ жизнь?» — пробѣгала въ его головѣ мысль, неразрывно съ мыслью о Фенькѣ. Но онъ все таки наваливался во всю силу на помпу.

Къ вечеру штормъ сталъ стихать, и «Гонецъ» вбѣжалъ въ Анапу.

Когда затихла погода, командиръ возвратился въ Севастополь и вошелъ въ докъ, чтобы починиться послѣ шторма. «Гонецъ» порядочно-таки расшатало.

VII.

Въ первое же воскресенье первую вахту отпустили на берегъ.

И только-что Волкъ вышелъ на Графскую пристань, какъ увидалъ Оеньку:

Блѣдная, исхудавшая, стояла она около него.

— Къ тебѣ вернулась, если не забылъ Оеньку.. Небойсь, состарилась?

Волкъ не находилъ словъ и крѣпко сжималъ своей мозольной, шаршавой рукой маленькую руку. Глаза его сіяли восторженнымъ счастьемъ.

— Идемъ, Оенька... Такъ не брезгуешь мною?

— Глупый... Я ужъ двѣ недѣли тебя жду...

Голосъ ея звучалъ лаской. И глаза улыбались.

— И знай... Никого я не знала въ Симферополѣ.. И снова къ тебѣ потянуло... Безъ тебя соскучилась... Больше не буду тебя мучить. Узнала, какъ тебя изъ-за меня ранили.

Волкъ сіялъ.

Черезъ недѣлю они повѣнчались.

Прошелъ годъ и началась война. И Волкъ на четвертомъ бастионѣ часто встрѣчалъ свою храбрую матроску, носившую мужу булки, ѣду и гостинцы, несмотря на то, что пули и ядра свистали надъ ней. Встрѣчалъ и, забывая о близости смерти, глядѣлъ на нее такими счастливыми глазами, что Оенька только ласково улыбалась, угощая мужа, и спрашивала о дѣлахъ бастиона.

Оба уцѣлѣли. Ужасъ войны окончательно сблизилъ ихъ. Нечего и прибавлять, что Волкъ попрежнему былъ «подвахтеннымъ» у Оеньки.

Нилычъ.

I.

Познакомился я съ отставнымъ боцманомъ Нилычемъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ маленькомъ захолустномъ городишкѣ Черниговской губерніи, гдѣ я прожилъ лѣто и часть осени.

На другой же день послѣ пріѣзда я поднялся рано и вышелъ на обвитую дикимъ виноградомъ террасу подышать чуднымъ, полнымъ свѣжести, воздухомъ ранняго утра.

И этотъ живительный воздухъ, и это высокое бирюзовое небо, и душистый ароматъ блестящихъ рососою цвѣтовъ въ окаймленныхъ яркою зеленью клумбахъ по срединѣ и по бокамъ небольшого дворика, и тѣнистый садъ рядомъ съ созрѣвающими ранними вишнями и сливами и зеленѣющими яблоками и дулями, и небольшая бахча за плетнемъ, на которомъ, словно бы въ нерѣшительности стоялъ павлинь, то складывая, то распуская свой, сверкающій переливами яркихъ цвѣтовъ, хвостъ,—все это казалось восхитительнымъ послѣ Петербурга и его окрестностей.

На дворѣ и вокругъ царила мертвая тишина.

Все спало.

Вдругъ раздался легкій скрипъ, и изъ сарая, напротивъ террасы, показался невысокаго роста, сердитый, казалось, старикъ, съ коротко стриженной бѣлой какъ лунь головою, безъ бороды и усовъ, съ загорѣлымъ побурѣвшимъ и изрытымъ морщинами лицомъ, въ толстой холцевой рубахѣ съ разстегнутымъ воротомъ, открывавшимъ волосатую грудь, и въ такихъ же штанахъ. Жилы большія его ноги были босы.

Хромая и слегка волоча лѣвую ногу, онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и, обратившись лицомъ на востокъ, перекрестился нѣсколько разъ и прочиталъ наскоро «Отче нашъ». Затѣмъ усѣлся на обрубокъ у сарая и закурилъ маленькую трубчонку, прижавъ предварительно корявымъ пальцемъ табакъ въ трубкѣ.

Въ воздухѣ потянуло острымъ запахомъ махорки.

Старикъ откашлялся, и лицо его казалось не такимъ сердитымъ.

— Дрыхнешь, шельма! — проговорилъ онъ вдругъ недовольнымъ, слегка пониженнымъ голосомъ, полуоборачивая свою круглую, крѣпко посаженную въ плечахъ голову къ полуотвореннымъ воротамъ сарая.— Вотъ я тебя, подлеца, шугану!—прибавилъ старикъ.

И въ ту же минуту изъ сарая вышла, потягиваясь и выгибая рыжую спину, кудластая неказистаго вида старая дворняга, тощая, съ подтянутымъ брюхомъ и, повидимому, такая же угрюмая, какъ и старикъ.

Она подошла къ нему, лицомъ рно вильнула хвостомъ, лѣниво лизнула руку и подняла свою умную клочковатую морду на старика, словно бы понимая, что предстоитъ выслушать воркотню, и чѣмъ скорѣе это окончится, тѣмъ лучше.

— Мало, видно, спалъ, рыжій дьяволъ! На дворѣ утро, а ты дрыхнешь, а? Это какъ по-твоему правильно, лодырь ты этакій?—спрашивалъ старикъ ворчливымъ тономъ.

Онъ остановился, словно бы ожидая отвѣта, и, затянувшись, выпустилъ дымъ.

Собака опять лѣниво вильнула хвостомъ и виновато оскулилась, не очень догадываясь, вѣроятно, по тону старика, что ей не предстоитъ опасности, и что старикъ только представляется сердитымъ.

А онъ ворчливо продолжалъ:

— По настоящему тебя, собачьяго сына, слѣдовало бы отодрать, коли ты не слушаешь приказаніевъ... Я всталъ, а онъ бока отлеживаетъ... Какой баринъ выискался... скажите пожалуйста! Ты у меня проспи-ка еще разъ. Небойсь, попробуешь ремня, Кудластый!—внушительно заключилъ старикъ,

И, видимо считая дѣловой разговоръ съ «Кудластымъ» законченнымъ, онъ, вдругъ рѣзко мѣняя тонъ на болѣе ласковый, проговорилъ тихимъ голосомъ челоуѣка, дѣлающаго конфиденціальное и значительное сообщеніе:

— А, знаешь, Кудлашка, ночью жильцы къ «Уксусу» пріѣхали....

Онъ махнулъ головой на домъ и прибавилъ:

— Можетъ, тебѣ перепадать будетъ... Отъѣшься. У нихъ, не бойсь, каждый день варить пищу будутъ... Изъ Петербурга... Не уксусные!

Очевидно, старикъ называлъ «уксусомъ» хозяйку дома, пожилую вдову чиновника, помѣщавшуюся въ двухъ комнатахъ, отдѣленныхъ отъ сданныхъ намъ, и съ отдѣльнымъ ходомъ. Прозвище это, какъ скоро

оказалось, вполне соответствовало характеру этой дамы.

Мнѣ показалось, что, послѣ послѣднихъ словъ старика, Кудластый оживленнѣе замахалъ хвостомъ, потому ли, что понялъ, въ чемъ дѣло, или потому, что выговоръ былъ конченъ. И онъ отошелъ отъ своего хозяина и сѣлъ невдалекѣ на заднія лапы, настороживъ уши и нюхая воздухъ.

Тѣмъ временемъ старикъ выбилъ трубочку, сунулъ ее въ карманъ штановъ и вынулъ оттуда осколокъ зеркальца и небольшой сапожный ножъ. Повѣсивши зеркальце на гвоздь, вбитый въ ворота сарая, онъ пошелъ туда и, вернувшись съ мыльной водой въ жестянкѣ отъ сардинокъ, намылилъ себѣ щеки, подбородокъ и верхнюю губу и сталъ бриться.

Послѣ этой, едва ли пріятной, операціи, старикъ, собравши всѣ свои туалетныя принадлежности, скрылся въ сарай и чрезъ минуту вышелъ оттуда уже въ выцвѣтшемъ измызганномъ картузѣ, надѣтомъ слегка на затылокъ.

— Валимъ, Кудлашка, купаться!

И съ этими словами онъ, несмотря на хромоту и старость, бодро и довольно быстро направился черезъ дворъ, ступая босыми ногами по твердому песку между клумбами, и вышелъ на улицу въ сопровожденіи Кудластаго.

Скоро они вернулись.

Послѣ купанья старикъ казался еще бодрѣе. И мокрый Кудластый находился, повидимому, въ болѣе пріятномъ настроеніи, вызвавшемъ во мнѣ подозрительныя мысли о томъ, что онъ дорогой чѣмъ-нибудь да поживился и, быть можетъ, даже воровскимъ образомъ.

— Ишь вѣдь идолы дрыхнуть!—воркнулъ старикъ проходя между клумбъ... Ни птицѣ корму, ни... Ну и лодыри!

Онъ пустилъ по направленію къ кухнѣ болѣе сильное ругательство и скрылся въ сараѣ.

II.

Въ седьмомъ часу появился на дворѣ Карпо, невысокій, статный молодой парень, служившій у хозяйки въ работникахъ, а вслѣдъ затѣмъ молодая заспанная хохлушка Анцыпа подала мнѣ самоваръ.

— Кто это живетъ въ сараѣ?—спросилъ я ее.

— Да Нилычъ старикъ съ собакой.

— Онъ что же дворникъ?

— Да нѣтъ же. Такъ живетъ... Полтину въ мѣсяць платитъ барынѣ за сарай...

— Чѣмъ же онъ занимается?

— А Богъ его знаетъ... Когда дрова гдѣ рубить... Когда что...

— Онъ не здѣшній?

— Нѣтъ... Пришелъ прошлымъ годомъ сюда изъ Россіи да и живетъ. Сердитый старикъ!—прибавила Анцыпа своимъ пѣвучимъ голосомъ.

— Чѣмъ же онъ сердитый?

— Ни съ кѣмъ не знается, не разговариваетъ, а только ругается!

Въ эту минуту появился Карпо съ кувшиномъ молока и съ булками и сказалъ:

— Вы это про Нилыча?.. Нестоющій старикъ!.. Злой... Вотъ увидите, какъ мы его дразнить будемъ... такъ бѣда какой станетъ...

— А зачѣмъ же вы его дразните?..

— Да такъ... Больше дивчины его дразнятъ... Потѣха! Онъ побѣжитъ за ними съ палкой, а онѣ попрячутся. Гдѣ ему хрому старикѣ догнать... Ну онъ вернется къ сараю и ругается!

И Карпо весело разсмѣялся, щуря красивые черные лукавые глаза и скаля свои крѣпкіе, сверкающіе бѣлизной, зубы.

— И барыня его не любитъ,—продолжалъ Карпо, стоя на ступенькахъ террасы и поглядывая на свои новые высокіе сапоги,—въ кухню не допускаетъ. Не велитъ кипятку давать... Такъ онъ у жидовъ беретъ... Тѣ даютъ.

Пока мы разговаривали, Кудластый осторожно приблизился къ самой террасѣ, взглядывая на меня своими умными глазами.

Я хотѣлъ-было бросить ему кусокъ бѣлки, какъ Карпо быстрымъ движеніемъ ноги назадъ хватилъ собаку сапогомъ. Собака взвизгнула и понеслась къ сараю.

— Какъ вамъ не стыдно, Карпо! — проговорилъ я строго.

— Развѣ такимъ безстыжимъ стыдно! — раздался негодующій голосъ Нилыча, показавшагося изъ сарая— Я тебѣ форменно искровяню морду, подлецу! Чтò тебѣ сдѣлала собака?

И, видимо, озлившійся Нилычъ грозно помахалъ кулакомъ.

Карпо струсилъ. Но, не желая показать этого передо мной, отвѣтилъ Нилычу:

— А ты, мазепа, зачѣмъ пускаешь собаку? Барыня не приказываетъ ей шлѣться.

И, нѣсколько сконфуженный, ушелъ. Ушла и Анцыпа, бросивъ со смѣхомъ:

— Экій дурный старикъ!

Нѣсколько времени спустя, когда Кудластый выглянулъ изъ сарая, я позвалъ собаку. Кудластый прибѣжалъ на зовъ, но остановился въ очень почтительномъ разстоянїи отъ террасы. Я сталъ кидать ему куски булки и бубликовъ, которые онъ ловилъ налету съ большимъ мастерствомъ и проглатывалъ съ удовольствїемъ.

Изъ щели сарая выглядывала сѣдая голова Нилыча.

Онъ, казалось, любовался ловкостью собаки и былъ доволенъ, что ей уже начало «перепадать». Скоро, однако, Кудластый былъ отозванъ Нилычемъ, вѣроятно, не желавшимъ, чтобы Кудластый съ перваго же знакомства компрометировалъ себя назойливымъ попрошайствомъ и не оставилъ насъ совсѣмъ безъ булокъ.

Еще болѣе заинтересовалъ меня Нилычъ, когда въ одиннадцать часовъ, во время палящей жары, отъ которой я скрывался на террасѣ, въ сарай прошелъ торопливой походкой, пугливо озираясь на кухню, маленькій, блѣднолицый мальчикъ-еврей, одѣтый въ какія-то лохмотья.

Онъ оставался въ сараѣ болѣе часа и вышелъ оттуда въ сопровожденїи Нилыча. Тотъ проводилъ мальчика до воротъ и ласково проговорилъ:

— Завтра опять приходи, Абрамка! Ты жиденокъ башковый! Скоро науку эту произойдешь. Молодца Абрамка!

Съ этими словами старикъ потрепалъ мальчика по спинѣ и ушелъ въ сарай, крикнувъ. Кудластому, лежавшему на припекѣ:

— Иди, глупый, въ сарай. Тамъ въ холодкѣ поспимъ!

Подъ вечеръ, увидавъ Карпо, я спросилъ его объ еврейскѣхъ мальчикѣхъ, что приходилъ къ Нилычу.

— Ницаго жиденка гдѣ-то нашель и прикармливаетъ хлѣбомъ да лукомъ... И учить его.

— Чему?

— Сапоги шить.

И, помолчавъ, прибавилъ не безъ презрительной усмѣшки:

— Жиденокъ да собака, вотъ и вся его компанія... Хотѣлъ жиденка въ сарай помѣстить, да барыня не пустила... Одно слово, вродѣ некрещенаго!..

Я рѣшилъ на слѣдующее утро сдѣлать визитъ Нилычу.

III.

Когда я вышелъ на террасу, было уже шесть часовъ.

Нилыча у сарая не было, и я, подойдя къ сараю, постучался.

Кудластый заворчалъ.

— Цыцъ, дуракъ! — прикрикнулъ на него Нилычъ и ворчливо проговорилъ: «Чего нужно?»

— Это я... жилецъ... Нужно поговорить съ вами...

Нилычъ вышелъ самъ и пригласилъ меня войти.

Меня поразила чистота и порядокъ, бывшіе въ той части сарая, гдѣ помѣщался старикъ.

Постель была на козлахъ и аккуратно застлана старенькимъ одѣяльцемъ. На подушкѣ — опрятная ситцевая наволочка. На двухъ полкахъ аккуратно были разставлены: чугунный котелокъ, двѣ сковородки, чайникъ съ отбитымъ носкомъ, нѣсколько жестянокъ, сапожный ножъ, бритва и шило. Въ сторонѣ, на гвоз-

дяхъ въ полномъ порядкѣ былъ развѣшанъ гардеробъ Нилыча: старое суконное пальтецо, штаны и довольно ветхій полушубокъ, картузь и высокіе сапоги. Табуретка являлась единственной мебелью. Недалеко отъ кровати висѣлъ на бичевѣ глиняный кувшинъ, очевидно, приспособленный для умыванья, такъ какъ около висѣло полотенце и на полкѣ лежалъ кусокъ сѣраго мыла.

Чистая настилка изъ соломы находилась въ углу. На нее тотчасъ же по моемъ приходѣ и улегся Кудластый, сообразившій, что я явился безъ какихъ-либо дурныхъ намѣреній.

— Здравствуйте, Нилычъ!..—проговорилъ я.

— Здравія желаю... вашескобродіе!—отвѣтилъ Нилычъ и нѣсколько выпятилъ по старой привычкѣ грудь.

— А у васъ хорошо здѣсь.

— Ничего себѣ... Главная причина: прохладно, вашескобродіе.

Онъ придвинулъ табуретку. Когда я сѣлъ, онъ продолжалъ стоять.

— Садитесь и вы, Нилычъ. Удобнѣе разговаривать. Нилычъ опустился на кровать.

Тогда я обратился къ нему за совѣтомъ, гдѣ купить дровъ и просилъ нарубить ихъ.

— Вы, кажется, занимаетесь этимъ?

— Очень даже занимаюсь!—оживленно проговорилъ онъ.—И со всѣмъ моимъ удовольствіемъ буду рубить вамъ дрова, а то безъ работы нудно, вашескобродіе. Даромъ, что мнѣ восьмой десятокъ пошелъ и нога хромлетъ, а я еще... слава Тебѣ Господи... на полную ослабку еще не пошелъ. А дрова вы сами на базарѣ купите... Встаньте пораньше да и идите...

Я просилъ Нилыча купить мнѣ дровъ. Онъ согласился и обѣщалъ ихъ купить черезъ знакомаго еврея, «чтобы не дорого»...

— А то здѣсь, вашескобродіе, даромъ что хохлы, а тоже дерутъ... А жидъ этотъ совѣстливый, даромъ, что жидъ. И знаетъ, гдѣ дешево купить. Они на этотъ счетъ умны...

И послѣ паузы раздумчиво произнесъ:

— А я такъ по своему разсудку полагаю, вашескобродіе, что всякіе бываютъ и жидаы и крещеные. Людей-то я на своемъ вѣку повидалъ-таки. Взять, примѣрно, здѣшнюю хозяйку. Тоже крещеная и барыней прозывается, а сама хуже самой что ни на есть послѣдней жидовки. И опять же: другая жидовка отъ бѣдности душу продастъ дьяволу, а эта изъ корысти... Все ей мало... И такой, съ позволенья сказать, укусъ, что и не приведи Богъ... Скаредная... Всякаго бы ей обсчитать да объегорить. А послушать—такъ одно слово соловей... Облестить, значить, хочеть.. И вы, вашескобродіе, опаску имѣйте...

— Да мнѣ какія съ ней дѣла? Заплатилъ за квартиру и шабашъ.

— Она выищеть... Сутяжная дама. Тоже въ прошломъ году жильцы изъ Кіева лѣтомъ жили, такъ судились съ ней...

— А вы, Нилычъ, давно здѣсь?

— Второй годъ, вашескобродіе...

— Издалека?

— Изъ Ростова на Дону.

— Тамошній?

— Никакъ нѣтъ. Я вологодскій... Только люблю теплыя мѣста и чтобы воздухъ привольный... Вотъ и

сюда пришелъ тепла искать и способной работы, да ноги поврежденіе вышло.

— Какъ такъ?

— Глупый хохоль телѣгой переѣхалъ. Не видалъ, что человекъ спитъ около дороги. Ему, вишь, дороги мало... Однако, испугался... Трешницу давалъ... Я изругалъ хохла. «У меня, молъ, нога не продажная». Бези меня, говорю, въ больницу. Четыре мѣсяца ногу выправляли, однако, настояще не выправили. Дохтуръ обсказывалъ, что кость стара, нѣтъ ей сросту. Такимъ манеромъ я и хромъ сталъ... Только, ежели по совѣсти говорить, такъ по своей же винѣ—неожиданно прибавилъ Нилычъ, и въ его маленькихъ, острыхъ глазахъ появилось выраженіе нѣкоторой смущенности.

— Въ чемъ же была ваша вина, Нилычъ?

— Сорокоушку натошакъ выпилъ, вашескобродіе.

Я начиналъ понимать.

— Сорокоушка, ежели ее выпить съ разсудкомъ, такъ—прямо сказать—нестоющее дѣло. И двѣ и три безо всякаго вреда можно принять,—не безъ нѣкоторой горделивости продолжалъ Нилычъ.—Я, слава Богу, знаю свою плепорцію! А главная причина, что натошакъ!—снова повторилъ старикъ, словно бы оправдываясь, что одна сорокоушка могла на него подѣйствовать.—И замѣсто того, чтобы послѣ итти домой и запить чаемъ да закусить хлѣбомъ, я, вашескобродіе, пошелъ за городъ побродить въ лѣску на вольномъ воздухѣ... А отъ жары — сами изволите знать — въ ослабку человекъ входитъ... Я и присѣлъ около дороги... И хоть былъ въ полномъ понятіи, а заснулъ... Тутъ-то телѣга и переѣхала ногу!—заклучилъ Нилычъ.

Слушая его объясненіе, я взглядывалъ на старика

и нисколько не сомнѣвался, что вся бѣда произошла только отъ того, что водка была выпита «натоцакъ» — до того крѣпка была его приземистая фигура и дышало здоровьемъ его морщинистое, загорѣлое лицо. Особенно много жизненности было въ его небольшихъ темныхъ глазахъ. И зубы были всѣ цѣлы, крѣпкіе и бѣлые.

— Вы здѣсь и останетесь, Нилычъ?

— Никакъ нѣтъ, вашескобродіе... Только до осени...

— А потомъ?

— Къ теплу. Въ Севастополь хочу пробраться зимовать. Почитай, что всю Рассею перебродилъ отъ Архангельскаго до Ленкорань города, а въ Крыму не бывалъ... Обсказываютъ: хорошо тамъ... Вотъ и лестно посмотрѣть. А я охотникъ, вашескобродіе, до новыхъ мѣстовъ, даромъ, что старъ. Дома у меня нѣтъ, одинъ какъ перстъ — Кудластый вотъ только вродѣ бытто товарища—я и ищу привольныхъ мѣстовъ, пока не найду постояннаго... въ землѣ. Люблю, пока кости носятъ, побродяжить... Вотъ только нога прежняго ходу не даетъ... А прежде былъ ходъ... Можно сказать, хорошій ходъ!

— Вы вѣрно въ солдатахъ служили, Нилычъ?

— Обознались, вашескобродіе. Я крупной *) не былъ!—пренебрежительно бросилъ старикъ, словно бы недовольный, что я его принялъ за солдата.—Я во флотѣ служилъ...

— Во флотѣ? — обрадованно перебилъ я. И мнѣ показалось теперь страннымъ, какъ это я сразу не

*) Въ старину матросы насмѣшливо звали солдатъ «крупой, а солдаты, въ свою очередь, звали матросовъ—«смолой».

призналъ въ Нилычѣ бывшаго матроса и по его слегка согнутымъ ногамъ отъ привычки ходить по качающейся палубѣ, и по манерѣ носить картузъ на затылкѣ, и по чистотѣ и по порядку въ его жилищѣ, и по отношенію его къ сорокоушкамъ, и—главное—по тѣмъ ругательнымъ прилагательнымъ, которыми онъ уснащалъ свои рѣчи.

И мнѣ сталъ еще милѣе этотъ одинокій оброшенный старикъ, котораго считали злымъ, и который между тѣмъ, самъ полунищій, «прикармливалъ жиденка» и такъ горячо заступался за Кудластаго. Всѣ эти черты необыкновенно дѣятельной любви подъ суровой оболочкой хорошо мнѣ были извѣстны въ матросахъ, вблизи которыхъ я провелъ молодые годы во время кругосвѣтнаго плаванія.

— То-то, во флотѣ. Двадцать пять лѣтъ отслужилъ. Два раза вокругъ свѣта ходилъ. Десять лѣтъ въ боцманахъ былъ... Извольте знать, какое это званіе: боцманъ!—горделиво прибавилъ Нилычъ.

— Какъ не знать. Я самъ бывшій флотскій офицеръ!..—сказалъ я и сердечно пожалъ руку Нилыча.

Старикъ обрадовался и оживился.

Онъ назвалъ нѣсколько знакомыхъ мнѣ фамилій бывшихъ капитановъ и старшихъ офицеровъ, съ которыми служилъ, и перечислялъ суда, на которыхъ плавалъ. То все были деревянные паровыя суда, уже давно не существующія. Съ тѣхъ поръ, какъ Нилычъ вышелъ въ отставку, флотъ совершенно измѣнился.

Особенно интересовался Нилычъ бывшимъ командиромъ «Голубчика», на которомъ Нилычъ боцманомъ совершилъ послѣднее свое плаваніе и вышелъ затѣмъ въ отставку.

— Такого командира я за всю свою службу не видалъ, вашескобродіе! — почти-что восторженно говорилъ Нилычъ...—Почитай что одинъ во всемъ флотѣ былъ... по добротѣ къ матросу... Вездѣ тогда наказывали по всей строгости линьками—тогда еще ихъ царской отмѣны не было!—а голубь-то нашъ Василій Федорычъ ни одного человѣка линьками не наказалъ и офицеровъ просилъ не наказывать... Понималъ матроскую совѣсть, не бойсь... Умница былъ... И намъ, боцманамъ, приказывалъ ни драться, ни ругаться...

— Что-жъ, вы исполняли приказъ командира?

— То-то не очень... Сами изволите знать, вашескобродіе, что боцману никакъ невозможно, чтобы при случаѣ не вдарить и не изругаться... И если боцманъ иной разъ «смажетъ» не »здря», а съ разсудкомъ, то матросъ не обидится... И на меня не обижались, вашескобродіе... И зато у насъ на «Голубчикѣ» и былъ порядокъ!..

Я невольно улыбнулся, слушая эти знакомыя мнѣ рѣчи боцмановъ стараго времени насчетъ «смазыванія» и «ругани» для «порядка», и живо представилъ себѣ, какимъ лихимъ былъ боцманомъ Нилычъ тридцать лѣтъ тому назадъ... Не даромъ онъ и теперь сохранялъ въ себѣ необыкновенную живучесть.

— Да, вашескобродіе, — продолжалъ старыи боцманъ,—часто я вспоминаю Василія Федорыча. Съ нимъ на «Голубчикѣ» мы жили, какъ у Христа за пазухой... Ну и берегъ же онъ матросика... Службы требовалъ, а зря не нудилъ... И былъ онъ командиръ, можно сказать, во всей формѣ!.. Дѣло свое понималъ до тонкости, можно сказать. И показалъ себя, когда мы на каменьяхъ бились въ Китайскомъ морѣ... Вызволилъ

насъ тогда отъ погибели. Распорядился! А въ тѣ поры мы такъ и думали, что всѣмъ намъ крышка!... Небойсь, давно въ адмиралы вышелъ Василій Федорычъ!..

Нилычъ былъ нѣсколько удивленъ и даже обиженъ, когда я сказалъ, что Василій Федоровичъ вышелъ въ отставку и не адмиралъ.

— Видно, не польстился?

— Не польстился. У себя въ деревнѣ живетъ.

— Въ Новгородской губерніи.

— Кажется. А вы, Нилычъ, почему знаете?

— Да вѣдь Василій Федорычъ, какъ я вышелъ въ отставку, къ себѣ въ деревню вродѣ бытто управляющаго звалъ. «Живи, говоритъ, Нилычъ при постоянномъ мѣстѣ. Положу, говоритъ, тебѣ жалованье и будешь ты на хорошемъ харчѣ». Однако, я не согласился...

— Почему?

— По свѣту побродить хотѣлось, вашескобродіе... Такъ я и Василию Федорычу доложилъ. Ну, онъ наградилъ меня деньгами и велѣлъ безпремѣнно явиться въ деревню къ нему, если, говоритъ «пропадать станешь. Пріютъ, говоритъ, ты завсегда у меня найдешь. Помни!..» Не надѣялся онъ на меня, вашескобродіе!— прибавилъ неожиданно Нилычъ.

— Отчего?

— Водкой занимался, когда съѣзжалъ на берегъ, вашескобродіе!

IV.

Я пригласилъ Нилыча на террасу пить чай.

— Какъ бы хозяйка не заскулила, вашескобродіе!..— деликатно замѣтилъ Нилычъ, видимо оберегая меня отъ «уксуса».

— А пусть скулитъ!—засмѣялся я...—Идемте, Нилычъ. И Кудластаго берите... Ему будетъ перепадать...

— Стоящій песъ, вашескобродіе! — замѣтилъ Нилычъ и окликнулъ Кудластаго.

Нечего и говорить, что Карпо и Анцыпа были весьма удивлены, когда увидѣли за столомъ со мной Нилыча и собаку, улетававшую неподалеку отъ меня булку. Еще болѣе удивилась Анцыпа, когда я приказалъ ей отпустить Нилычу горячее и кусокъ мяса, объявивъ, что Нилычъ нанятъ мною сторожемъ.

Она ушла, и скоро мы услышали, какъ «заскулила» хозяйка.

Съ этого утра мы подружились съ Нилычемъ. Онъ исполнялъ разныя хозяйственныя порученія, пилилъ дрова и отстаивалъ мои интересы, если находилъ, что меня хотятъ «объегорить».

Съ нимъ и съ Кудластымъ мы совершали прогулки и ходили на рѣку ловить рыбу.

А въ дивные южные вечера, особенно прелестные, когда мѣсяцъ глядѣлъ, по выраженію Нилыча, «во всю рожу» и заливалъ все серебристымъ свѣтомъ, мы нерѣдко сиживали съ Нилычемъ въ саду или на террасѣ. И старикъ, по моей просьбѣ, рассказывалъ что-нибудь изъ своей, богатой воспоминаніями, жизни.

Понижая свой громкій голосъ чуть не до шепота, словно бы боясь потревожить тишину чуднаго вечера, онъ рассказывалъ о добрыхъ и злыхъ капитанахъ, съ которыми служилъ, о жизни своей въ нянькахъ, о плаваніяхъ, о томъ, какъ онъ чуть-было не пропалъ на чужой «американской» сторонѣ, и я съ удовольствіемъ слушалъ его рассказы.

Осенью мы разстались съ Нилычемъ. Онъ отпра-

вился искать тепла въ Севастополь. Я возвратился въ Петербургъ.

Годъ тому назадъ я снова видѣлъ Нилыча, и, конечно, съ Кудластымъ, въ Ялтѣ.

Онъ глядѣлъ еще молодцомъ и собирался побывать въ Батумѣ.

Въ нянькахъ.

(изъ разказовъ нилыча).

I.

— Да... Всего довелось повидать и во всякихъ, можно сказать, званіяхъ состоять за время службы, вашескобродіе. Сами служили во флотѣ и изволите знать, что въ старину не было положенія, чтобы казенный чело-вѣкъ разбиралъ. «Хочешь, не хочешь»—не спрашивали, а ежели командиръ или старшій офицеръ призоветъ и, къ примѣру сказать, велитъ на свиньѣ верхомъ ѣхать, такъ, не бойсь, поѣдешь въ лучшемъ видѣ. Еще какъ поѣдешь-то! Вродѣ бытто гусара. Потому тогда къ порядку приучивали шлифовкой, чтобы матросъ все понималъ и все сполнял въ одинъ секундъ. Теперь она изничтожена... Свиноватилъ — судись. А прежде, когда я поступилъ на службу, шлифовка была форменная... А дозвольте, вашескобродіе, малость трубченки покурить! — неожиданно оборвалъ Нилычъ свой разказъ.

— Пожалуйста, курите, Нилычъ.

— Съ трубкой и разговоръ бытто поспособнѣй. Махорка горло прочищаетъ и для внутренности, сказываютъ, полезно,—объяснилъ Нилычъ, набивая трубку.

Онъ закурилъ, съ наслажденіемъ затаился и, откашлявшись продолжалъ:

— Такимъ-то родомъ попалъ я изъ рулевыхъ въ няньки, вашескобродіе. Семь мѣсяцевъ находился въ этой должности. Самая трудная и щекотливая была эта должность, ежели на совѣсть сказать.

— Почему?

— А потому, что около ребенка надо много разсудка въ себѣ имѣть, вашескобродіе. И не забудь его, и чтобы онъ тебя слушалъ и въ понятіе входилъ. Опять же: родители—ихъ опасайся! Ребенокъ нашкодилъ или ежели зашибся—все ты у матери виновать... И такая разъ бѣда вышла, что и не дай Богъ...

— Вы, Нилычъ, въ Кронштадтѣ въ нянькахъ служили?

— Никакъ нѣтъ, вашескобродіе.

— А гдѣ-жь?

— Въ морѣ.

— Какъ въ морѣ?—воскликнулъ я, удивленный.

— А на компанейскомъ транспортѣ «Алеутъ». На немъ мы въ Ситху разный припасъ изъ Кронштадта отвозили. А командиромъ транспорта былъ капитанъ-лейтенантъ Иванъ Степанычъ Вѣткинъ... Можетъ слышали? Отправлялся онъ, значить, на службу въ Сѣверную Американскую Кампанію на пять лѣтъ и взялъ съ собою свою барыню, сыночка этакъ годовъ семи и молодую няньку... Хорошо. Вышли это мы изъ Кронштадта осенью и черезъ мѣсяць добрались до англійскаго города Порцмута. Противные вѣтра все были—

потому мы такъ долго и шли. Тогда, вашескобродіе, вѣдь все подѣ парусами... Паровыхъ судовъ еще и званія не было. Въ Порцмутѣ маленько оправились— въ Нѣмецкомъ морѣ довольно-таки трепануло насъ и катеръ сорвало въ море—запаслись свѣжей провизіей, налили цистерны свѣжей водой и погуляли на берегу... Такъ дѣнь черезъ пять собирались уходить, какъ вдругъ нянька капитанская пропала. Отпустили, значить, ее въ англичанскомъ городѣ погулять на два часа и для вѣрности съ ей капитанскаго вѣстового послали, но только онъ одинъ явился, а нянька не явилась. Доложилъ, что нянька сбѣжала... И была-жъ вѣстовому шлифовка, вашескобродіе! Три дня въ понятіе не входилъ... А какъ ему было усторожить няньку? Фукнула отъ него въ проулокъ и была такова. Только передъ тѣмъ сказала: «Кланяйся, говоритъ, Егорка, барынѣ».

— Отчего-жъ она сбѣжала?

— Крѣпостная была. Видно, не хватило силъ терпѣнія, вашескобродіе... До предѣла отчаянности дошла. А съ виду вовсе покорная была... терпѣла... Только, бывало, выйдетъ ночью на палубу, глядитъ на море, а сама плачетъ... Примѣчалъ я это не разъ, когда на ночныхъ вахтахъ на руль стоялъ. И жалко ее было... Барыня-то ейная Леванида Петровна, прямо, съ позволенія сказать, вѣдьма была, вашескобродіе, даромъ что молодая и изъ себя очень даже видная. Красоту-то Богъ ей далъ, а доброты къ простому человѣку нисколько не отпустилъ... Донимала всячески няньку. Она, значить, и упользовалась случаемъ и осталась на чужой сторонѣ. Тогда еще про объявку воли не слышать было. Мы за годъ до Крымской войны въ плаванье

ушли... Послали одного мичмана искать няньку, только онъ ее не сыскалъ... Гдѣ ее сыщешь въ большомъ городѣ?.. Однако, объявку о ней капитанъ концырю подалъ, чтобы вернули ее. Такъ больше, чтобы утихомирить супругу, потому—подавай, не подавай объявки, а у этихъ самыхъ англичанъ нѣтъ положенія, чтобы выдать бѣглаго человѣка, ежели онъ ничего худого не сдѣлалъ. Живи себѣ—сдѣлай одолженіе!.. Вышли мы изъ Порцмута въ океанъ, а наша-то капитанша злая, презлая безъ няньки... Выйдетъ это она на верхъ, качки не боялась, сядетъ въ кресло соломенное, что для ей на ютѣ ставили, сидитъ да за сынишкой приглядываетъ. А мальченка шаловливый и шустрый былъ. Извѣстно, на мѣстѣ долго не постоитъ, все-то ему высмотрѣть хочется, все-то ему любопытно... Онъ вертится около матери да смотришь и убѣжитъ, по транспорту носится... Ей и безпокойно за сынишку... «Какъ бы грѣхомъ за бортъ не упалъ... А шли мы съ попутнымъ вѣтромъ ходко... «Алеутъ» хорошо садилъ... Ну, извѣстно, матери и страшно за свое дитя... А «Алеутъ» накренившись... Океанъ-то съ подвѣтреннаго борта и вовсе близокъ... Кликнетъ она къ себѣ сынишку, распушитъ, когда и за ухо оттаскаетъ, не велитъ отходить отъ себя, а онъ присмирѣетъ на минуту около матери, а потомъ—смотришь—ровно жеребчикъ несется по палубѣ... Прошло такъ дня три, что капитанша сама за няньку при сынѣ была... Наконецъ, на четвертый день вышла это она послѣ чаю на ютѣ къ мужу и говоритъ ему: «Такъ молъ и такъ, а мнѣ не вмоготу одной справиться»... А ей, вашескобродіе, и справляться-то не съ чѣмъ было... Знай себѣ въ креслѣ сидитъ да съ офицерами пустяя лясы точить!—вста-

вилъ Нилычъ, видимо не одобрявшій пустыхъ лясъ.— «Назначь ты мнѣ, говоритъ, Иванъ Степанычъ, какого-нибудь расторопнаго и умнаго матроса, чтобы онъ за Володей смотрѣлъ, безотлучно при немъ находился и за него отвѣчалъ!» — «Ладно, назначу» — это ей въ отвѣтъ капитанъ — «но только, говоритъ, ты здѣсь, Леванида, не мѣшай пожалуйста... Здѣсь, говоритъ, вахтенному офицеру мѣсто, а ты иди въ каюту или къ своему креслу, а я сейчасъ пришлю къ тебѣ матроса!» А я стою у штурвала подъ ютомъ, слышу ихъ разговоръ и самъ про себя думаю: «Не скусно будетъ тому матросу, коего командиръ въ няньки назначить. И капитанша вѣдмистая, ну и командиръ тоже былъ человѣкъ безъ правильнаго разсудка... Шаловатый какой-то, и съ имъ не узнать, съ какой онъ ноги всталъ и за что отшлифуетъ... Это самые нудные командиры, съ которыми неизвѣстно, ждать ли по уху или добраго слова... Вовсе «здряные» люди, вашескобродіе! И «здря» накажутъ, и «здря» вину пропустятъ... Другой командиръ и строжѣй, но ты съ имъ по крайней мѣрѣ знаешь, за что онъ тебя изругаетъ, за что начиститъ морду, за что велитъ отодрать... А съ этимъ самымъ Иванъ Степанычемъ въ неизвѣстности... Поди-ка приспособься къ нему!—Думаю я такимъ манеромъ, какъ вдругъ капитанъ меня окликнулъ и призываетъ: «Какъ съ вахты смѣнишься, явись ко мнѣ, Лоховъ!»—«Есть» отвѣчаю и тую-жъ минуту понялъ, что безпремѣнно это онъ меня въ няньки назначить... И въ большую тоску впалъ я тогда, вашескобродіе, что изъ рулевыхъ меня въ няньки и къ этой самой вѣдмѣ подъ начальство... Однако, тоскуй не тоскуй, а ничего не подѣлаешь... Смѣнился съ вахты и въ капитанскую каюту...

«Доложи, молъ, Егорка». Вошелъ. Капитанша обсмотрѣла меня и что-то по-французскому сказала капитану.—Ну, думаю, шабашъ. Въ нянькахъ! И тую-жъ минуту капитанъ сказалъ: «Какъ отобѣдаешь, явись къ барынѣ. Я тебя, говоритъ, назначаю въ родъ бытто няньки къ моему сыну. И никакой другой службы не будешь знать, окромя того, чтобы за молодымъ баринимъ ходить и быть при немъ постоянно и безотлучно, какъ только онъ изъ каюты выйдетъ. Понялъ?» — «Понялъ, вашескобродіе!»—отвѣчаю. А Леванида эта самая такую ласковой кошкой прикинулась, что и не обсказать. Глаза словно бы у горлицы. Лицо доброе, предоброе. И голосъ обходительный. И все она, чортова курица, голубчикомъ величаетъ. «Ты, говоритъ, голубчикъ матросикъ, хорошенько за Володенькой смотри. Ничему дурному, голубчикъ, не учи. Мы, говоритъ, тебя, голубчикъ, зато наградимъ!..» Однако пора и передышку сдѣлать и покурить, вашескобродіе!

II.

— Ну, и донимала же она этого самаго «голубчика!» И то не такъ, и это не такъ. И зачѣмъ Володенька бѣгаетъ много и зачѣмъ не бѣгаетъ. И по какой-такой причинѣ синякъ у него оказался. И почему куртка разорвана... Скулить, душу выматываетъ, вашескобродіе, и чтобы ты слушалъ и молчалъ... А я и безъ того молчалъ.—Нечего, молъ съ бабой связываться. Отскулить—уйду. И мальчика учила все ей докладывать про меня.. Какъ-то зашибся онъ, маленько изъ носа кровь пошла—къ матери побѣжалъ, реветъ ревя. Та тую-жъ минуту меня капитану обвиноватила. «Не

смотреть, молъ, матросъ, за ребенкомъ, одного его оставляетъ. Не слушается, говоритъ, твоихъ приказаніевъ». Подзадориваетъ, значитъ. А капитанъ и безъ того въ разстройкѣ былъ. Вижу я это и докладываю, что барчука не оставлялъ и завсегда при немъ, а что зашибся онъ, упамши на палубѣ.—«Молчать! Запорю подлеца!..» закричалъ капитанъ. Однако, всего двадцать пять линьковъ велѣлъ всыпать... Послѣ этого сталъ мой барчукъ въ понятіе входить... Берегъ, значитъ, свою няньку... Сердцемъ жалостливъ былъ... Зашибется—смолчитъ, матери не жалуется... И жили мы съ имъ дружно. Заберемся, бывало, на бакъ подальше отъ глазъ капитанши и проводимъ тамъ время. Я ему сказки сказываю, игрушки мастерю, всячески занимаю его — онъ и радъ. И матросы съ имъ занимались, любили капитанскаго сынишку. Ну, извѣстно, на бакъ всякій разговоръ промежъ матросовъ бываетъ... Сами изволите знать, вашескобродіе, что матросику тамъ только и отвести душу... Барчукъ, значитъ, и слушалъ да умишкомъ своимъ малымъ раскидывалъ, и почувяла ребячья душа правду и жалость.

Нилычъ на минутку въ раздумьи примолкъ...

И затѣмъ, усмѣхнувшись, продолжалъ:

— А между тѣмъ изъ-за этого самаго мнѣ новая шлифовка была, вашескобродіе!

— Какъ такъ?

— Опять же вѣдьма-барыня. Вѣстовой капитанскій Егорка мнѣ послѣ объяснилъ, какъ она настраивала капитана. Порчу, молъ, мальчика. Дурному его научаю. На бакъ все держу его «Мальчикъ, говоритъ, ругаться выучился и матросскія слова говоритъ. Я ему наказывала на моихъ глазахъ съ мальчикомъ быть, а онъ

не слушается...» Однимъ словомъ такъ наговорила, что капитана въ разстройку привела, и онъ велѣлъ мнѣ отпустить пятьдесятъ линьковъ до подъему флага... Спасибо еще унтеръ офицерамъ, легко били да и старшій офицеръ будто не глядѣлъ, потому что не за настоящую службу наказывали, а такъ себѣ за мальченка... Не серьезное, молъ дѣло. Къ подъему флагу вышелъ барчукъ и манить на бакъ. Пришли. Онъ за мачту манить. Пришли за мачту. Тогда онъ вдругъ бросился ко мнѣ, цѣлуетъ и говоритъ: «Я выросту большой, никогда не буду матросовъ наказывать. Никогда. И я не виноватъ, что тебя наказали. Я и мамѣ говорилъ, что не буду наказывать!» И самъ весь дрожитъ... и на глазахъ слезы. Жалѣлъ, значить, меня. И такъ меня эта ласка въ тѣ поры тронула, вашескобродіе, что и злость моя затихла противъ капитана и его супруги... Однако съ той поры на бакѣ мы больше не проклажались, все болѣе на шканцахъ время проводили... Доплыли мы такимъ манеромъ до экватора и заштилевали. Паруса обвисли... Покачиваемся себѣ на мертвой зыби и ни съ мѣста... Жара немогущая... Ровно бы дышать нечѣмъ... Пробыли мы въ такомъ положеніи дѣнь десять и сколько еще штиливать, скоро ли выберемся изъ этихъ безвѣтряныхъ мѣстъ — неизвѣстно было. Штурманъ сказывалъ, что теченіемъ много, много если на двѣ, на три мили впередъ подастъ... Нудно всѣмъ было, вашескобродіе... Всѣ заскучали. Надоѣло и моему барчуку глядѣть, какъ летучая рыбка на солнышкѣ блещетъ, выскакивая изъ воды, какъ китъ фонтанъ пускаетъ, да акулье у борта шнырять подлое, все ждетъ, не будетъ ли поживы. И бѣлые альбатросы прискучили... И жара доняла...

Только вечеромъ, какъ солнце закатится, и передохнуть отъ нея можно... Ночь хоть и жаркая, а все же легче... Такъ три недѣли маялись, вашескобродіе... И еще слава Богу, что мало. Сказываютъ, бытто по мѣсяцамъ штилевали, и многіе отъ цынги помирали... Потому-то акулье и держится въ этихъ мѣстахъ. И у насъ на «Алеутъ» шесть человѣкъ было въ цынгѣ... однако, живы остались. Какъ выбрались мы изъ штилевой полосы, и задулъ вѣтерокъ—обрадовались... И приказалъ капитанъ держать курць на мысѣ на Надежный... *) Вотъ въ этотъ то самый день и случилась бѣда, вашескобродіе...

Около террасы, гдѣ мы сидѣли съ Нилычемъ, слышался шорохъ. Нилычъ насторожился.

— Кто здѣсь?—спросилъ я.

— Я, баринъ!—отвѣчала своимъ пѣвучимъ голосомъ Акцына.—Нилыча слушаю.

Нилычъ благодушно усмѣхнулся. Дескать, пускай ее слушаетъ. И продолжалъ:

— Успросился я въ то утро увольнить меня отъ барчука по той причинѣ, что стирать его бѣлье было надо... Капитанша уволила, но только приказала, чтобы поскорѣй справлялся... Ей, молъ, некогда... Еще бы!.. Съ мичманами лясничать надо было по случаю того, что Богъ вѣтру послалъ... И сама она по тому же случаю, видно, расфуфырилась и въ себя пришла... А то вовсе было раскисла, какъ подъ экваторомъ штилевали... Ну, выстиралъ я съ раннего утра бѣльишко, повѣсилъ на просушку, затѣмъ выкаталъ, отнесъ въ каюту и пошелъ послѣ того трубченку покурить и съ ребятами на бакѣ полясничать, вмѣстѣ порадоваться,

*) Мысъ Добрай Надежды.

что опять ходу взяли... И славно такъ «Алеутъ» шелъ... Ровно лебедь бѣлая подъ всѣми парусами съ легкимъ брамсельнымъ вѣтромъ узловъ по пяти, по шести въ часъ отмахивалъ. Поглядѣлъ я на ютъ, а капитанша на креслѣ... Около офицеры... А капитанъ у поручней стоитъ... О чемъ то со старшимъ штурманомъ разговариваетъ... И веселый такой—тоже радуется, что «Алеутъ» забралъ ходу и съ волны на волну вскакиваетъ... А мальченка моего что-то не видать... Пора, молъ, мнѣ къ ему, а то барыня заскулитъ... Побѣжалъ я на ютъ и... обомлѣлъ... Гляжу, мой то барчукъ залѣзъ на бортъ и хочетъ пробраться на вельботъ, что висѣлъ на «боканцахъ». «Ахъ, ты подлая! Такъ то ты смотришь за сыномъ!» Увидала она меня, повернула голову, побѣлѣла вся и замерла въ страхъ... А корму поддало, и барчукъ тую-жъ минуту сорвался и пропалъ изъ глазъ... упалъ, значитъ, въ море... Мать закричала не своимъ голосомъ... Никогда не забыть мнѣ, вашескобродіе, этого крика... Ну я перекрестился и за бортъ... мальченку вызволять...

— Спасли паныча, Нилычъ?—раздался изъ-за террасы, полный тревоги голосъ Акцины.

— А ты, хохлушка, не перебивай, коли хочешь слушать—недовольно крикнулъ Нилычъ.

И, повидимому, нарочно сдѣлавъ длинную паузу, продолжалъ:

— Вынырнулъ изъ воды, гляжу на слѣдъ за кормой, вижу барахтается барчукъ... Я къ ему по саженкамъ изо всей мочи наваливаюсь... Плавать я былъ здоровъ, вашескобродіе... И голосъ подаю: не бойся, молъ, Володя... Крикнулъ и онъ... отчаянно такъ... Обезсиливалъ, видно... И въ самый разъ я доплылъ до

мальченка... ужъ тонуть началъ бѣдняга... Ну, схватилъ я его за волосы, встряхнулъ какъ щенка, держу одной рукой и назадъ... А ужъ «Алеутъ» далеко отъ насъ въ «дрейфу» легъ, и на встрѣчу намъ баркасъ идетъ. И пока онъ шелъ, страшно было, вашескобродіе... Акулы боялся... Увидитъ, думаю, подлая, и тутъ намъ съ барчукомъ и крышка... Утромъ еще акулъ-рыбу видѣлъ... Плыла за транспортомъ такая большущая, а при ей вродѣ быто адъютанты двѣ маленькихъ рыбки, лоцманами прозываются... И чтобы не увидала она, взялъ да и легъ на спину и барчука на грудь посадилъ, обнадёживаю... Скоро баркасъ подошелъ, а на емъ капитанъ... Самъ принялъ сынишку и плачетъ... Ну, вернулись на транспортъ, снялись съ «дрейфы» и айда дальше...

Старикъ замолчалъ и закурилъ трубку.

— А что же капитанша благодарила васъ?..—спросилъ я.

— Благодарила... И когда въ Ситху пришли, за мою службу въ нянькахъ рубль дала!..—не безъ ироніи сказалъ Нилычъ и прибавилъ:—Однако, и спать пора, вашескобродіе... Довольно наговорилъ вамъ... Въ другой разъ расскажу, какъ мы на конвертѣ «Копчикѣ» чуть всѣ не потопли... Идемъ, Кудластый!..

Кудластый вскочилъ на ноги, но, казалось, итти ему съ террасы не хотѣлось.

Я упросилъ Нилыча напитокъ чаю и просилъ Акцыну скорѣй подать самоваръ.

На этотъ разъ Акцына собрала на столъ очень скоро и съ особенною внимательностью пододвинула Нилычу блюдо съ холодными дикими утками.

Влестящій капитанъ.

I.

Быль девятый часъ сентябрьскаго утра.

Тулонскій рейдъ точно млѣлъ въ мертвомъ штилѣ. Солнце еще не томило жгучими лучами.

Капитанъ «Витязя», стоявшаго рядомъ съ флагманскимъ кораблемъ французской эскадры, только что принялъ обычные утренніе рапорты и, оставшись на мостикѣ, радостно, почти-что влюбленно любовался своимъ красавцемъ-корветомъ, съ изящными линиями обводовъ, стройнымъ, съ высокимъ рангоутомъ, бѣлоснѣжною трубой и сверкавшею бѣлизной палубой.

Капитанъ-лейтенантъ Ракитинъ, молодой морякъ, впервые назначенный командиромъ, еще переживалъ медовые мѣсяцы власти и командованія однимъ изъ лучшихъ судовъ балтійскаго флота и щеголялъ безукоризненнымъ порядкомъ, умопомрачительной чистотой «Витязя» и «идеальной» быстротой работъ на немъ.

И «Витязь» приводилъ въ восторгъ даже иностранныхъ моряковъ,

То было время обновленія и во флотѣ. Только-что были отмѣнены тѣлесныя наказанія. Капитанъ умѣлъ и безъ жестокости властвовать командой, и его «молодцы», какъ онъ называлъ матросовъ, рвались на работахъ изо всѣхъ силъ, рискуя изъ-за «идеальной» быстроты на ученіяхъ увѣчьями и даже жизнью, ради самолюбиваго щегольства и желанія отличиться блестящаго капитана. И онъ былъ доволенъ «молодцами». Они не осрамятъ «Витязя».

Щеголевато одѣтый, весь въ бѣломъ, стройный и хорошо сложенный блондинъ лѣтъ подъ тридцать, красивый, съ самоувѣреннымъ лицомъ, съ шелковистыми свѣтло-русыми усами и бакенбардами, Ракитинъ взялъ бинокль и смотрѣлъ на флагманскій французскій корабль. И торжествующая побѣдоносная улыбка играла на его лицѣ.

Онъ отвелъ бинокль и, щуря голубые глаза, кинулъ, обращаясь къ вахтенному офицеру, мичману Лазунскому:

— У французовъ вѣрно сегодня парусное ученье.

— И у насъ будетъ, Владиміръ Николаичъ? — почтительно и весело спросилъ мичманъ.

— Конечно.

— Опять французы «опрохвостятся», Владиміръ Николаичъ! — возбужденно проговорилъ мичманъ.

И его юное, безбородое и жизнерадостное лицо свѣтилось счастливой улыбкой побѣдителя.

Но Ракитину, щепетильно оберегающему свое капитанское достоинство, вдругъ показалось, что мичманъ фамильяренъ, вступая съ капитаномъ въ разговоры. И Ракитинъ оборвалъ мичмана, проговоривъ рѣзкимъ тономъ:

— Сигнальщикъ пусть не спускаетъ глазъ съ крюйсъ-брамъ-стенъги адмирала!

— Есть, смотритъ!—мгновенно дѣлаясь серьезнымъ, отвѣчалъ мичманъ.

— И вы посматривайте. Не прозѣвайте сигнала.

— Есть! Не прозѣваемъ! — еще серьезнѣе, тономъ служебной афектаціи, отвѣтилъ нѣсколько обиженный мичманъ.

И несмотря на то, что сигнальщикъ не спускалъ подзорной трубы съ адмиральскаго корабля, мичманъ крикнулъ ему:

— Хорошенько смотри на адмирала!

«Зря кричишь!» — подумалъ сигнальщикъ и крикнулъ:

— Есть! Смотрю!

Капитанъ не сходилъ съ мостика и то и дѣло взглядывалъ на флагманскій корабль, по югу котораго расхаживалъ невысокій худощавый адмиралъ, горбоносый, съ сѣдой эспаньолкой, въ темносинемъ длинномъ форменномъ сюртукѣ, съ отложными воротничками бѣло-снѣжной сорочки, необыкновенно любезный и вѣжливый старикъ-орлеанистъ, хоть и служилъ при Наполеонѣ третьемъ.

Ракитинъ нетерпѣливо теребилъ бѣлорусую жидкую бакенбарду въ ожиданіи торжества «Витязя». Еще бы! Не разъ уже «Витязь» возбуждалъ профессиональную зависть и національную досаду иностранныхъ моряковъ и тѣшилъ самолюбіе русскаго блестящаго капитана.

Когда «Витязю» приходилось стоять въ какомъ-нибудь рейдѣ съ французской или англійской эскадрой, Ракитинъ, соблюдая любезность международнаго этикета, по сигналу иностраннаго адмирала, дѣлалъ на

«Витязѣ» тѣ же ученія, какія дѣлались и на чужихъ эскадрахъ. И большей частью русскій корветъ оставался побѣдителемъ. Всѣ на «Витязѣ» радовались. Даже докторъ и батюшка торжествовали, что на корветѣ ставили и убирали паруса минутой или полминутой раньше французовъ или англичанъ.

II.

— Сигналъ! — крикнулъ во весь свой голосъ сигнальщикъ.

На крюйсъ-брамъ-стенгѣ флагманскаго корабля «Terrible» взвились три комочка и у верхушки развернулись сигнальными флагами: «поставить всѣ паруса».

Въ ту же секунду на всѣхъ судахъ французской эскадры поднялись отвѣтные сигналы, и среди тишины рейда раздались командныя французскія слова.

— Свистать всѣхъ наверхъ! Паруса ставить! — неестественно громко и взволнованно крикнулъ мичманъ, срываясь съ голоса, которымъ старался напрасно ба- сить.

Засвистали дудки. Прозвучали голоса боцмановъ и унтеръ-офицеровъ.

Словно испуганное стадо бросились матросы къ своимъ мѣстамъ. Офицеры стремглавъ выбѣгали изъ каютъ-компаніи и неслись къ мачтамъ. Старшій пожилой штурманъ рысцой побѣжалъ на мостикъ, а младшій тѣмъ же аллюромъ пронесся за нимъ и взялъ въ руки минутную склянку, чтобы усчитать время маневра.

Старшій офицеръ «Витязя», Василій Леонтьевичъ, маленькій, кругленькій, толстенькій и свѣжій какъ огу-

рецъ, лейтенантъ, лѣтъ за тридцать, уже взбѣжалъ на мостикъ и разставилъ свои короткія ноги, подавшись всѣмъ своимъ корпусомъ черезъ поручни.

Все стихло.

— Марсовыя къ вантамъ! По марсамъ и по салингамъ!—громко, весело, задорно и точно грозя кому-то вызовомъ, скомандовалъ густымъ и сочнымъ баритономъ Василиій Леонтьевичъ.

Съ этой командой онъ бросилъ взглядъ быстрыхъ и острыхъ, какъ у мышатъ, карихъ глазъ на «француза»: побѣжали ли тамъ по вантамъ.

Нѣтъ еще! Слава Богу!

А марсовыя «Витязя» уже ринулись какъ бѣшеные по натянутымъ вантинамъ. Лишь мелькали голыя пятки. Одни уже были на марсахъ, другіе бѣжали выше—на салинги, когда французскіе матросы еще только добѣгали до марсовъ.

И шустрый живчикъ «Волчокъ», какъ называли на бакѣ Василю Леонтьевича, нетерпѣливѣе и громче крикнулъ:

— По реямъ!

Бѣлыя рубахи разбѣжались по марса и брамъ-реямъ, придерживаясь рукой за «выстрѣлы» (въ родѣ перекладки поверхъ реи) для баланса, съ такой смѣлой быстротой, словно бы они бѣжали по полу, а не по круглымъ поперечнымъ деревьямъ — реямъ, которыя своими серединами висѣли на страшной высотѣ надъ палубой, а ноками (концами)—надъ моремъ.

Матросы точно и не думали, что малѣйшая неосторожность—и сорвешься, чтобы размозжить голову о палубу или нырнуть съ высоты въ море и не вынырнуть на свѣтъ Божій.

— Отдавай!.. Пошелъ шкоты! Съ марсовъ и салинговъ долой!

Голосъ старшаго офицера звучалъ нервнѣе и нетерпѣливѣе.

Капитанъ, не спускавшій глазъ съ рей, едва сдерживался отъ нетерпѣнія и самолюбиваго волненія. Ему казалось, что вотъ-вотъ—и позоръ. «Витязь» не обгонитъ французовъ...

— Сколько минутъ? — вздрагивавшимъ голосомъ крикнулъ онъ.

— Двѣ съ половиной! — отвѣтилъ младшій штурманъ.

«И чего эти подлецы копаются!» — думалъ Ракигинъ, словно бы забывая съ какою быстротою и съ какою смѣлою удалюю дѣлали матросы свое трудное и опасное дѣло.

— Василій Леонтьичъ! Скоро ли!? — съ упрекомъ воскликнулъ капитанъ.

Старшій офицеръ пожалъ плечами.

— И безъ того люди рвутся! — отвѣтилъ Василій Леонтьевичъ.

Еще минута, безконечная минута...

И «Витязь» сверху донизу и съ боковъ и впереди по бугшприту одѣлся парусиною и походилъ на гигантскую птицу съ опущенными крыльями.

Попрежнему на корветѣ царила тишина.

Минуту спустя поставлены были паруса и на судахъ французской эскадры.

Но торжество капитана было неполное.

Онъ сердился. Самолюбіе блестящаго капитана было уязвлено.

Еще бы!

Сегодня на «Витязъ» поставили не съ обычной сказочной быстротой, приводившей въ изумленіе моряковъ, а на сорокъ секундъ позже, и «Витязь» опередилъ французовъ только на минуту.

— Прикажите команду во фронтъ, Василій Леонтьевичъ.

— Есть!

Черезъ минуту матросы стояли во фронтъ.

Быстрой и рѣшительной походкой, приподнявъ голову, подошелъ Ракитинъ къ срединѣ фронта. Всѣ глаза были устремлены на капитана. Въ напряженныхъ взглядахъ матросовъ была подавленность. Нѣсколько секундъ Ракитинъ молчалъ, остановивъ прищуренные серьезные глаза на одномъ матросѣ, стоявшемъ противъ него. И молодой марсовый еще больше и бессмысленнѣе выпячивалъ глаза на капитана.

— Не ожидалъ отъ васъ, ребята! Подгадили сегодня. Копались!—проговорилъ капитанъ строго и торжественно мрачно.

И матросы словно бы почувствовали себя виноватыми. Лица стали еще напряженнѣе. Эффектъ вполнѣ удовлетворилъ капитана, и онъ, ужъ смягчая голосъ, продолжалъ:

— Смотри!.. Впредь не осрамитесь и меня не осрамите передъ французами. Увѣренъ... Вы вѣдь у меня молодцы...

— Рады стараться, вашескобродіе! — облегченно и весело рявкнули матросы.

Капитанъ велѣлъ разойтись, успокоенный, что «молодцы» не осрамятъ его и цѣнятъ слова капитана.

III.

Матросы считали Ракитина «молодчагой» по флотской части командиромъ.

Обрадованные «отдышкой» послѣ прежняго капитана, типичнаго «мордобоя», съ расточительностью наказывавшаго людей линьками, матросы находили, что новый командиръ хоть и донимаетъ службой и спѣшкой куда больше «мордобоя», но зато «доберъ». Дрался рѣдко и «съ разсудкомъ», зря въ штрафные не переводилъ «для всыпки», не очень уважалъ, чтобы офицеры занимались сильнымъ «боемъ» и не взыскивалъ за пьянство на берегу.

Они, почти не знавшіе отдыха и работавшіе какъ бѣшеные, въ самомъ дѣлѣ повѣрили, что «подгадили» изъ-за сорока секундъ и мало стараются, чтобы не осрамить капитана и не осрамиться передъ «французомъ».

И старый боцманъ Терентьичъ, самъ взвинченный словами капитана, возбужденно говорилъ на бакѣ матросамъ:

— Ужо постарайтесь, черти! Не осрамите капитана передъ французомъ, дьяволы! Другой по формѣ вышибъ бы всѣмъ марсовымъ зубы, а капитанъ — «молодцы, молъ!» Небойсь при «мордобоѣ» лупцовали бы ваши спины и не была бы у меня цѣла морда, если бы онъ распалился за что-нибудь... Еще счастье, что за секундъ не взыскивалъ...

Многіе марсовыя успокаивали боцмана.

— Не бойся, Терентьичъ. Постараемся!

— Строгъ на спѣшку, а добрымъ словомъ...

— Обнадежилъ, значитъ... Молодцы, молъ.

— И не зудилъ... Не осрами—и шабашъ.

— Покажемъ, братцы, какъ закрѣпимъ паруса.

— То-то покажемъ!—подхватили многіе голоса.

И громче и возбужденнѣе прозвучалъ голосъ молодого, краснощекаго и жизнерадостнаго марсоваго Никѣева съ большими ласковыми черными глазами.

IV.

Въ то же время капитанъ говорилъ въ своей каютѣ старшему офицеру:

— Надѣюсь, Василій Леонтьичъ, мы утремъ носъ французамъ при уборкѣ парусовъ... Не подгадимъ. Прикажете, сигару?

— Благодарю... я папироску... Чѣмъ же подгадили, Владиміръ Николаичъ? Развѣ что на сорокъ секундъ позже закрѣпили... Не велико опозданіе...

— Не велико, а могло его не быть, Василій Леонтьичъ... И не должно быть... У насъ команда—молодцы! Съ ними можно и безъ порки.... Умѣй только понимать психологію русскаго матроса... Я, славу Богу, знаю его!—самоувѣренно произнесъ Ракигинъ.

— Золотой народъ! — горячо проговорилъ Василій Леонтьевичъ. И виновато прибавилъ: — Иногда и ударишь... привычка... Но если за дѣло—не обижаются.

— А все лучше бы господамъ офицерамъ полегче... Того и гляди еще въ *Колоколъ* попадемъ... Неловко...

Шпилька была направлена въ старшаго офицера.

Онъ понялъ, но ничего не сказалъ.

— Кто это могъ сообщить про бывшаго командира «Витязя»... Читали?

— Читалъ... А кто сообщилъ и не думалъ.

— Пожалуй, младшій механикъ Носовъ отличился. Тоже либералъ этотъ сынокъ старшаго писаря! — съ презрительнымъ высокоомѣриемъ проговорилъ Ракитинъ. И, поморщившись, продолжалъ:—Въ каютъ-компани онъ проповѣдуетъ глупости... Какой-то механикъ, а тоже... Вы, Василій Леонтьичъ, не очень-то позволяйте этому механишкѣ... Мы на военномъ суднѣ... Чтобы онъ и не думалъ заниматься обличительной литературой... Живо сплавлю! — прибавилъ капитанъ, съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ подчеркивая о своей власти «сплавить».

Василій Леонтьевичъ далеко не уважалъ этого «безшабашнаго карьериста», какимъ считалъ Ракитина. Онъ возмущался и его требованіями какой-то сказочной быстроты и его высокоомѣриемъ, и хвастовствомъ, что можетъ офицера сплавить, и самомнѣніемъ челоуѣка, воображающаго, что онъ одинъ сдѣлалъ «Витязь» такимъ образцовымъ судномъ,—и пролазничествомъ, и нахальствомъ...

«Ишь задается хлыщъ! И мнѣ еще ни за что дѣлаетъ выговоры!» — подумалъ старшій офицеръ. Онъ вспыхнулъ и, сдерживая себя суровой школой дисциплины, оффиціально сухо отвѣтилъ:

— Андрей Петровичъ Носовъ, — нарочно назвалъ старшій офицеръ механика по имени и отчеству, — не говорилъ въ каютъ-компани возбуждательныхъ рѣчей, за которыя я былъ бы въ правѣ его остановить. А что онъ говоритъ въ своей каютѣ или на берегу, до этого мнѣ нѣтъ дѣла. Я старшій офицеръ, а не сыщикъ-съ! И если вамъ угодно не позволить ему писать, коли Андрей Петровичъ пишетъ, то извольте ему приказать или прикажите мнѣ передать ваше приказаніе...

Блестящій капитанъ дорожилъ Василиемъ Леонтьевичемъ, какъ отличнымъ старшимъ офицеромъ, понялъ свою безтактность передъ нимъ и въ первое мгновеніе былъ огорошенъ словами Василя Леонтьевича, казалось, недалекаго и покладливаго служаки.

Тѣмъ было досаднѣе Ракитину, что онъ не смѣлъ оборвать старшаго офицера, который такъ настойчиво противорѣчилъ капитану и отказался исполнить его приказаніе, выраженное въ формѣ совѣта.

И Василій Леонтьевичъ, видимо не желавшій сближенія съ Ракитинымъ съ перваго же дня его командирства, вызывалъ въ капитанѣ теперь злобное чувство мелкой самолюбивой душонки.

Струсившій служебнаго разрыва, Ракитинъ и не показалъ вида неудовольствія. Напротивъ, словно бы удивленный, онъ самымъ любезнымъ товарищескимъ тономъ, желая очаровать старшаго офицера, проговорилъ:

— Да что вы, Василій Леонтьичъ?.. Извините, если я васъ безъ намѣренія обидѣлъ... Я и не думалъ дѣлать вамъ замѣчанія... И не имѣю повода... На дняхъ слышалъ съ мостика черезъ открытый люкъ каютъ-компаніи слова механика, и мнѣ показалось... Васъ вѣрно не было... Я вѣдь знаю, что вы не допустите чего-нибудь предосудительнаго... Точно я не знаю, какой вы идеальный старшій офицеръ и незамѣнимый помощникъ, Василій Леонтьичъ!

«Экій подлецъ! Безъ всякихъ правилъ»,—подумалъ Василій Леонтьевичъ.

И, самъ честный человѣкъ, имѣвшій правила, отъ которыхъ не отступалъ, онъ смягчился отъ комплиментовъ и извиненія блестящаго капитана.

— Я въ частномъ разговорѣ, по-товарищески, высказалъ вамъ, Василій Леонтьичъ,—говорилъ капитанъ еще мягче и вкрадчивѣе,—свое мнѣніе о механикѣ.

Пустивъ душистымъ дымкомъ хорошей гаваны, продолжалъ:

— Между нами говоря, не люблю я штурмановъ, механиковъ и артиллеристовъ... Порядочные-таки хамы...

И сколько презрѣнія къ этимъ паріямъ флота было въ тонѣ Ракитина и сколько увѣренности, что старшій офицеръ вполнѣ съ нимъ согласенъ!

Хотя и Василій Леонтьевичъ не былъ лишенъ кастоваго предразсудка, но далеко не былъ такимъ ненавистникомъ офицеровъ корпусовъ, какъ Ракитинъ.

И старшій офицеръ сказалъ:

— Наши штурмана, механики и артиллеристъ достойные офицеры, Владиміръ Николаичъ!

— Еще бы были у меня лодыри!..

— И вполнѣ порядочные люди... А если не особенно показные... не свѣтскіе... Такъ вѣдь это, я думаю, не порокъ, Владиміръ Николаичъ!—проговорилъ Василій Леонтьевичъ.

— Очень радъ слышать такой отзывъ... Значить наши... пріятное исключеніе...

Наступило молчаніе.

Старшій офицеръ поднялся съ кресла и спросилъ;

— Я вамъ больше не нуженъ, Владиміръ Николаичъ?

— Нѣтъ, Василій Леонтьичъ...

Когда Василій Леонтьевичъ вышелъ изъ каюты, Ракитинъ ненавидѣлъ своего старшаго офицера.

V.

На флангманскомъ кораблѣ поднятъ былъ сигналъ: «убрать паруса».

Матросы «Витязя» превзошли ожиданія даже Ракитина.

Они уже кончали крѣпить марселя и брамселя, когда французскіе матросы еще только расходились по реямъ.

— Экія бабы!—произнесъ съ веселой улыбкой капитанъ и сталъ смотрѣть на реи «Витязя».

Марсовыя точно волшебствомъ забирали мякоть подобранныхъ парусовъ марселей и связывали ихъ сеньями (бичевами), упираясь ногами на «перты»—веревки, протянутыя вдоль рей.

Обѣщавшіе не «осрамить» капитана, марсовыя, съ возбужденными, вспотѣвшими и раскраснѣвшимися лицами, торопились, словно обезумѣвшіе, для которыхъ мгновеніе — сокровище. Казалось, въ эти секунды они не знали чувства самосохраненія и забыли, что тонкіе веревочные «перты», качавшіеся отъ движенія сильныхъ и цѣпкихъ ногъ, были опасной опорой, требующей осторожности и владѣнія нервами.

А восхищенный капитанъ, предчувствовавшій торжество побѣды, только любовался, какъ бѣшено рвутся и «идеально» крѣпятъ марселя «молодцы», покачивающіеся на высотѣ рей.

Старшій офицеръ, напротивъ, взволнованный, съ тревогой смотрѣлъ наверхъ. Бѣшенная торопливость марсовыхъ возбуждала опасенія, и совѣсть его была спокойна. И онъ взволнованно крикнулъ:

— Марсовые! Осторожнѣе! Крѣпче держись, братцы! Ракинъ метнулъ на старшаго офицера злой взглядъ и насмѣшливо кинулъ ему:

— Марсовы не бабы, Василій Леонтьичъ!

— Люди, Владиміръ Николаичъ! — значительно и возбужденно отвѣтилъ онъ.

— Знаю-съ, что люди! — надменно сказалъ капитанъ, краснѣя отъ негодованія, что его учатъ.

И только что онъ это сказалъ, какъ передъ его глазами съ гротъ-марса-реи сорвался человѣкъ.

Что-то бѣлое ударилось о ванты, отбросилось вбокъ и звучно шлепнулось о палубу.

Ни крика, ни стона.

Работавшіе на шканцахъ матросы ахнули и отвернулись отъ недвижнаго человѣка, вокругъ котораго палуба окрасилась кровью.

Голова была разможжена, но красивое молодое лицо марсоваго Никѣева уцѣлѣло. Большіе черные глаза выкатились, померкнувшіе въ застывшемъ взглядѣ ужаса.

Многіе торопливо перекрестились.

Гротъ-марсовыя невольно взглянули внизъ и снова стали вязать сезни.

Безумный пылъ исчезъ. Явилось вдругъ чувство самохраненія.

— Въ лазаретъ человѣка! — скомандовалъ старшій офицеръ.

Голосъ его дрогнулъ. Василій Леонтьевичъ не смотрѣлъ на убитаго.

Боцманъ Никитичъ уже прикрылъ разможженную голову, и двое шканечныхъ отнесли Никѣева внизъ. Матросы отводили глаза отъ убитаго, крестились и

снова трекали снасти. Офицеры поторанливали. Прибѣжалъ блѣдный и испуганный судовой врачъ. Какой-то старый баковый матросъ, забулдыга и пьяница Копчиковъ, крѣпившій кливеръ, промолвилъ вполголоса:

— Тоже, спѣшка. Вотъ и спѣшка!

— Молчать!—окрикнулъ первый лейтенантъ, распоряжавшійся на бакѣ.

Работы горѣли.

— Марсовыя съ марсовъ и салинговъ долой!—скомандовалъ Василій Леонтьевичъ.

Въ его командѣ не было прежняго возбужденія. Убитый не выходилъ изъ его головы.

«Витязь» былъ побѣдителемъ.

Еще на французской эскадрѣ не были убраны паруса, а «Витязь» красовался съ оголенными мачтами. Снасти были убраны.

Несмотря на торжество русскаго корвета, на палубѣ стояла зловѣщая тишина только-что бывшаго несчастья.

Потрясенные матросы притихли и угрюмо молчали, стоя у своихъ снастей.

Только забулдыга Копчиковъ тихо говорилъ съ иронической ноткой въ сипломъ пропитомъ голосѣ двумъ товарищамъ:

— А вы рвись, такіе-сякіе... Подыхай изъ-за секунда!.. Зато молодцы! А ему начхать, что Егорка расшибся... Ты погляди, что ему... Это не «Волчокъ»... У того душа!

Дѣйствительно, блестящій капитанъ былъ подъ впечатлѣніемъ торжества.

Напрасно онъ старался принять озабоченный видъ. Въ его еще торжествующемъ лицѣ было лишь выра-

женіе досады, когда онъ произнесъ, обращаясь къ старшему офицеру:

— Экій неосторожный матросъ...

И не получивъ отвѣта, спросилъ:

— Кто сорвался, Василій Леонтьичъ?

— Егоръ Никѣевъ... Уже второе несчастье въ теченіе мѣсяца!—взволнованно-сердито проговорилъ старшій офицеръ...

И скомандовалъ:—Подвахтенные внизъ!

Капитанъ, раздраженный и еще выше поднявшій голову, ушелъ въ каюту.

Разговаривая между собой, офицеры спускались въ каютъ-компанію.

Мичманъ Лазунскій вскочилъ на мостикъ, вступая на вахту.

Разстроенный и грустный, словно бы желая подѣлиться съ кѣмъ-нибудь тяжелымъ настроеніемъ, онъ сказалъ старшему офицеру:

— И если бы вы знали, Василій Леонтьичъ, какой былъ славный Никѣевъ!

— Знаю. Всякаго было бы жаль. Человѣкъ!—раздумчиво и серьезно промолвилъ Василій Леонтьевичъ.

— Еще бы... Конечно всякаго, Василій Леонтьичъ...

И, мгновенно вспыхивая, чуть не со слезами въ голосъ, точно боялся, что Василій Леонтьевичъ можетъ дурно подумать о мичманѣ, Лазунскій торопливо и застѣнчиво прибавилъ:

— Вы не подумайте обо мнѣ, Василій Леонтьичъ, будто я...

— Что вы, что вы, Борисъ Алексѣичъ?.. Я думаю... я увѣренъ, что вы славный юный мичманъ... Такимъ и останьтесь, когда будете капитаномъ!—ласково ска-

залъ Василій Леонтьевичъ... И, уходя, прибавилъ:—Панихида будетъ въ одиннадцать... Дайте знать капитану въ одиннадцать... И половину вахтенныхъ отпустите внизъ...

— Есть, Василій Леонтьичъ!—отвѣтилъ мичманъ.

А глаза его говорили:

«И какой добрый этотъ Василій Леонтьевичъ».

VI.

Черезъ полчаса старшій офицеръ прошелъ въ лазаретъ. У двери стояла толпа, ожидая очереди. Въ маленькой каютѣ лазарета толпились матросы, пришедшіе взглянуть на покойника и, перекрестившись, поцѣловать его лобъ.

Уже обмытый и одѣтый въ чистые штаны и рубаху, съ парусинными башмаками, онъ лежалъ на койкѣ. Голова покоилась на подушкахъ. Глаза были закрыты, и уже мертвенно пожелтѣвшее лицо казалось спокойнымъ, съ тѣмъ выраженіемъ какого-то важнаго недоумѣнія, которое часто бываетъ у покойниковъ. Образной читалъ псалтырь.

Василій Леонтьевичъ постоялъ минуту—другую, не спуская глазъ съ покойника, потомъ перекрестился, поклонился ему и вышелъ, испытывая тяжелое чувство виноватости.

— Послать ко мнѣ въ каюту боцмана!—приказалъ вѣстовому Василій Леонтьевичъ.

Черезъ минуту Никитичъ вошелъ въ каюту старшаго офицера.

Василій Леонтьевичъ велѣлъ покойника перенести

въ палубу передъ образомъ и сказалъ, что панихиды будутъ два раза въ день, а черезъ день его похоронятъ на французскомъ кладбищѣ.

— Чтобы взводъ провожалъ, и можетъ идти на похороны кто пожелаетъ.

— Есть, ваше благородіе...

— Да вотъ еще что, Кирилловъ... Узнай, изъ какой деревни покойный Никѣевъ и живы ли у него родители?..

— Никого у его въ живыхъ, ваше благородіе...

— Такъ, можетъ, близкіе кто у него на родинѣ?..

— Точно такъ, ваше благородіе, и по той причинѣ дозвольте разрѣшить...

— Что?

— Собственныя вещи Никѣева отправить на родину. Покойникъ безпремѣнно наказывалъ своему земляку Иванову... Ежели, говоритъ, случаемъ расшибусь, отпиши въ Кронштадтъ и безъ промедленія отправь вещи...

— Хорошо. Я отправлю. А какія вещи?..

— По малости бабьи гостинцы, ваше благородіе! На платьѣ штучка, два колечка, платокъ и сорокъ франковъ... Покойный не занимался виномъ, ваше благородіе.

— Ладно. Принеси мнѣ. И адресъ дай.

— Очень благодарны, ваше благородіе... Душевный былъ матросикъ. Простой. Вся команда жалѣетъ... Горячъ былъ на работѣ. Изъ-за горячности и сорвался. Хвасталъ не осрамить капитана. И не осрамилъ, ваше благородіе!

— А кому же послать... Кто она?..

— Въ законный бракъ съ ей собирался, ваше бла-

городіе, какъ «Витязь» вернется. Той самой невѣсть и копилъ гостинцы. Пригвоздила, значитъ, покойнаго Егорку эта въ родѣ не то, съ позволенія сказать, въ родѣ дѣвицы, матросская дочка. И сама пригвоздимшись... Три года съ имъ зналась какъ мужняя жена... И часто отписывала ему... Только и была близкая ему.

— А отчего Никѣвъ, такой молодець, думаль, что убьется?..

— Такъ, зря болталъ, а вышло бытто чуюль судьбу, ваше благородіе... Азартный былъ сердцемъ. А капитанъ еще давече приказывалъ не подгадить... И лестно такъ... Никѣвъ и распалился... И дозвольте, ваше благородіе, еще доложить...

— Чтѣ?.. говори!

— Очень эта спѣшка самая можетъ извести команду... Такъ попросили бы командира... Онъ доберь... Дастъ ослабку, ваше благородіе...

Василій Леонтьевичъ сморщился и обѣщаль поговорить.

Послѣ похоронъ матроса старшій офицеръ осторожно поговорилъ съ капитаномъ... и разговоръ кончился тѣмъ, что Василій Леонтьевичъ на другой же день списался съ корвета и уѣхаль въ Россію.

Гибель Ястреба.

РАЗСКАЗЪ СТАРАГО МАТРОСА.

I.

— Небойсь, въ тѣ поры Бога-то мы вспомнили, вашескобродіе! Еще какъ вспомнили-то! Ужъ на что старшій офицеръ былъ у насъ отчаянный: никакого страха не имѣлъ и только, бывало, ругался да намъ зубы полировалъ,—въ старину, сами изволите знать, полировка была форменная! — а и онъ на тотъ разъ вдругъ въ понятіе вошелъ. «Братцы, молъ, голубчики любезные!» Совсѣмъ по другому заговорилъ; понялъ, значить, что смерть не то, что безотвѣтнаго матроса по зубамъ съѣздить: она сама въ лучшемъ видѣ тебя съѣздитъ, сколько ты форцу на себя ни напускай. И всѣ мы вовсе были обезнадежены тогда; прямо сказать, въ отчаянность пришли; такъ и полагали, что всѣмъ намъ будетъ крышка въ этомъ самомъ Нѣмецкомъ морѣ. Довольно даже подлое это море, вашескобродіе! Завсегда, сказываютъ, на немъ погода. Волна какая-то шальная, безо всякой правильности бросается и мо-

таетъ судно во всѣ стороны. Оттого и качка тамъ самая что ни на есть нудная. Крѣпкаго человѣка и того обезкуражить. И видалъ я, по своему матросскому званію, всякіе моря и окіяны, а хуже этого моря нѣтъ морей... Однако Господь внялъ матросскимъ молитвамъ—матросская-то молитва шибче до Бога доходитъ!—и вызволилъ. Многіе которые и живы остались... Ну, да и командиръ-то нашъ, Левонтій Ѳедорычъ Бѣлобородовъ — можетъ, изволили слышать, вашескобродіе? — башковатый и добрый человѣкъ былъ... Показалъ тогда себя... Не стерпѣлъ гибели «Ястреба», царство ему небесное!

И Иванычъ, съ которымъ мы жаркимъ лѣтнимъ днемъ сидѣли въ тѣнистомъ, прохладномъ саду, въ имѣніи моего пріятеля, бывшаго моряка, гдѣ старый матросъ былъ ночнымъ сторожемъ,—обнажилъ бѣлую, какъ лунь, голову и истово осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ.

— А случилась гибель нашему «Ястребу» въ проливѣ, вашескобродіе! — продолжалъ Иванычъ. — Мелистый проливъ... много этихъ самыхъ мелей да каменьевъ. И берега обманные, низкіе. Запоматывалъ, какъ проливу названіе... Память-то старая, вашескобродіе! Въ родѣ бытто Рака прозывается...

— Скагеракъ,—подсказалъ я.

— Онъ самый и есть... Шли это мы по немъ глубокой осенью подъ зарифленными парусами, а день былъ пасмурный... солнышку и званія не было... и погода свѣжая... а къ вечеру и послѣдній рифъ взяли для безопасности, потому какъ вѣтеръ во всю силу входитъ началъ, и волны вовсе освирѣпли, ровно сбѣсились... Воютъ воемъ и на «Ястребъ» набрасываются.

Однако, «конвертъ»-то нашъ крѣпкій былъ, лѣтомъ только что выстроенъ и отправленъ былъ изъ Кронштадта въ «дальнюю» на три года, — поскрипываетъ себѣ, мотаясь, какъ угорѣлый, на волнахъ. И ничего онѣ съ имъ подѣлать не могутъ, какъ ни стараются. Только брызгами насъ обдаютъ... Ну—и то сказать—рулевые были исправные, не зѣвали... Знали, что за зѣвки не похвалятъ... Хорошо. Просвистали это брать койки... Пошли, значитъ, мы, подвахтенные, внизъ, подвѣсили койки и рады были послѣ труднаго дня заснуть до полуночи. Ну, извѣстно, уставшій человѣкъ легъ—и готовъ. Долго ли спать, обсказать не могу, вашескобродіе, но только вдругъ меня подбросило, и я чуть не вылетѣлъ изъ койки. Слышу страшный трескъ. «Ястребъ» задрожалъ и остановился. И тую-жъ минуту всѣ повскакали съ коекъ. А ужъ боцманъ сверху кричитъ въ люкъ не своимъ голосомъ: «Пошелъ всѣ наверхъ!» А мы и безъ того торопимся одѣться и наверхъ бѣжать — потому всѣ въ страхѣ. Поняли, что на мель встали. Выскочилъ это я, какъ полоумный, наверхъ, къ своему мѣсту—я марсовымъ служилъ—гляжу—одна страсть! Ночь темная, кругомъ море гудитъ, а вѣтеръ такъ и реветъ въ снастяхъ. А командиръ самъ ужъ въ рупоръ командуетъ: «Марсовые, къ вантамъ. Паруса крѣпить!» И голосъ у его успокоительный, ровно бы никакой бѣды и нѣтъ... Очень много было твердости въ Левонтѣ Федорычѣ, вашескобродіе. И дока по флотской части былъ, и доберъ былъ къ матросу. Зря не забижалъ, и если наказывалъ, то съ разсудкомъ... А было много и такихъ, что безо всякаго разсудка нашего брата въ тоску вгоняли... Было, вашескобродіе!—раздумчиво прибавилъ старикъ.

Онъ примолкъ, вздохнулъ, словно бы сожалѣя о тѣхъ людяхъ, которые вгоняютъ въ тоску, и продолжалъ:

— Полѣзли мы, марсовые, наверхъ... Разошлись по реямъ и изо всѣхъ силъ стараемся, чтобы скорѣй закрѣпить свой парусъ... Спустились внизъ... А ужъ изъ орудіи палаятъ... Сигналъ о бѣдствіи, значитъ, даемъ. И матросики ужъ на всѣхъ помпахъ стоятъ, воду откачиваютъ изъ трюмовъ... А она все больше да больше прибываетъ... А «Ястребъ» нашъ такъ и бьется, такъ и бьется о камень... Жутко было, вашескобродіе!.. Однако, все еще надежда есть, что откачаемъ воду и до утра продержимся, а тамъ, можетъ, и берегъ близко,—какъ-нибудь спасемся... Ну, и налегаемъ на помпы... И холоду не чувствуемъ. И капитанъ подбадриваетъ: «Не робѣй, говоритъ, молодцы!» Такъ надѣялись мы до утра, вашескобродіе; а какъ разсвѣло, то поняли, что намъ крышка. Вода ужъ подъ верхнюю палубу подошла, и черезъ корму ходятъ волны. А буря не унимается, и кругомъ ничего не видно... Однѣ волны бунтуютъ, кружатся, и въ нихъ — смерть. А изъ орудіи еще палаятъ... послѣдніе заряды разстрѣливаютъ, потому внизъ, подъ палубу, уже нѣтъ ходу. А капитанъ и вахтенный, и штурманъ — все стоятъ на мостикѣ. Левонтій Федорычъ блѣдный какъ смерть и за эту ночь совсѣмъ постарѣлъ... Смотритъ съ тоской. И всѣ мы съ тоской смотримъ. Бросили помпы и стали было готовить на случай къ спуску гребныя суда и вязать плотъ... Куда тебѣ!.. Вода хлынула изъ люковъ и стала заливать переднюю палубу... Волны захлестывали... Всѣ люди столпились на носу, потому какъ «Ястребъ» передней частью на камняхъ сидѣлъ, то и

выше онъ былъ, а какъ стало покрывать водой и верхнюю палубу, полѣзли всѣ на ванты, держимся другъ около дружки и кои и на марсы забрались, чтобы смерть не достала... А она тутъ-какъ-тутъ изъ воды смотритъ... Въ отчаянности ждемъ мы, что вотъ-вотъ «Ястребъ» сломается, и мы потопнемъ... И батюшка намъ отходную сталъ читать... къ смерти, значитъ, готовить... Но не успѣлъ онъ окончить, какъ его смыло волной, и онъ скрылся въ морѣ... И многихъ, кои не успѣвали забраться на ванты, смывало, и они на нашихъ глазахъ погибали. Жутко было смотрѣть, и всякій думалъ, что и ему не долго ждать. И кои молились, кои плакали, кои отъ страха сидѣли ровно ополоумѣвшіе, съ выпученными глазами. Два матросика съ отчаянности сами въ воду бросились, чтобы не томиться зря... Великое мученіе послалъ тогда Господь... Давно это было, а какъ вспомнишь, и то все жутко... Иной разъ приснится, какъ это мы бѣдовали, такъ въ холодномъ поту проснешься. Нѣсколько человѣкъ хоть и живы остались, а разсудка навсегда рѣшились. И какихъ только страстей не пришлось тогда увидеть, вашескобродіе!.. Опасная эта флотская служба... Нѣтъ такой другой. На сухой пути ты по крайности можешь распорядиться собой, а ежели кругомъ вода?.. Я такъ полагаю, что по своей волѣ ни одинъ русскій человѣкъ не пошелъ бы въ матросы. То ли дѣло на землѣ!.. И тебѣ травка, и тебѣ лѣсъ, и тебѣ поле, и тебѣ цвѣтики... Небойсь, хорошо! Вотъ мы съ вами тутъ сидимъ, вашескобродіе, и чувствуемъ землю-матушку. Духъ-то какой отъ цвѣтовъ идетъ... И птаха-то какъ заливается, Бога хвалить... И комаръ жужжитъ... И вонъ онъ муравей-то работяга со-

ломинку несетъ... Одно слово — благодать! — говорилъ Иванычъ.

И его маленькіе, все еще живые, лучистые глаза любовно смотрѣли вокругъ. И его морщинистое, сухое, отдававшее желтизной лицо было полно умиленія...

Онъ досталъ изъ кармана широкихъ парусинныхъ штановъ маленькую трубку, набилъ ее махоркой и, съ наслажденіемъ сдѣлавъ нѣсколько затяжекъ, продолжалъ:

— А взять теперь море?.. Одинъ въ немъ обманъ.

— То-есть, какъ обманъ?—спросилъ я, не совсѣмъ понимая, что хотѣлъ сказать Иванычъ.

— А такъ, обманъ, какъ бываетъ въ лукавомъ человѣкѣ... въ родѣ здѣшняго управляющаго! — понижая голосъ, вдругъ добавилъ старикъ. — Небойсь, я его наскрозь вижу, даромъ, что лукавъ... Сдѣлай, братецъ, одолженіе!

И только-что умиленное лицо Иваныча приняло сердитое выраженіе, и глаза заискрились... Видно было, что у Иваныча были какіе-то непріятные счеты съ управляющимъ.

— Иной разъ море ласковое такое, льстивое... не шелохнется, — а повѣрь-ка ему! И опять же: каждую минуту жди отъ него, прямо-таки сказать, подлости, вашескобродіе!.. Каждую минуту имѣй опаску! Еще прежде, въ старину, когда деревянныя суда были, все еще обнадеженность могла быть въ случаѣ бѣды; а теперь, когда пошли эти броненосцы хваленые, попади-ка на камень, такъ и выскочить на палубу не успѣешь какъ ужъ на днѣ.

Иванычъ еще нѣсколько времени продолжалъ бранить броненосцы, называя ихъ неповоротливыми чере-

пахами, и только послѣ моего деликатнаго напомина-
нiя продолжалъ свой разговоръ.

II.

— Сидѣли мы такъ на вантахъ день, холодные, голодные... Рядомъ со мной первогодокъ сидѣлъ, землячокъ изъ одной деревни, Акимка Костриковъ,—такъ тотъ совсѣмъ духомъ упалъ... Плачетъ, какъ дитѣ... А былъ онъ паренекъ хорошій, душевный такой, только по флотской части трудно въ понятiе входилъ, и попадало ему и отъ старшаго офицера и отъ боцмана часто-таки, и очень даже довольно накладывали ему въ кису. И много онъ терпѣлъ и жаловался, бывало, на матросскую службу, и по дому скучалъ, по землѣ, значить. Ну; утѣшаю я землячка, говорю: «Еще, Богъ дастъ, какой-нибудь корабль купеческiй мимо проходить будетъ, — не бойсь, подастъ помощь... подойдетъ... И буря, говорю, стихать стала. И «Ястребъ» не такъ бьетъ о камень... Еще, пожалуй, продержится!» И какъ только я обнадежилъ его такимъ манеромъ, гляжу и взаправду на горизонтѣ парусокъ бѣлѣтъ и идетъ курцомъ на насъ... Увидали судно и другiе и вдругъ, словно бы по командѣ, всѣ закричали «уру», до трехъ разъ... Отъ радости, значить. Глядимъ всѣ обнадеженные на парусъ, платками машемъ, флагами... чтобъ замѣтили... Акимка просто-таки обезумѣлъ... То плачетъ, то смѣется, и самъ весь дрожитъ, посинѣлый отъ холода... А векорости обозначился бригъ... Жарить подъ всѣми парусами прямо на насъ... И флагъ аглицкiй развѣвается. Тутъ всѣ опять уру прокричали... Видятъ — спасенiе близко... крестятся... А капитанъ съ

гротъ-марса кричитъ — онъ туда съ мостика перебрался, потому какъ мостикъ ужъ былъ подь водой: — «Поздравляю, ребята! Помощь близка!» И всѣ опять уру... да такую громкую и радостную, что и сказать нельзя... И опять всѣ стали махать шапками... Вотъ ужъ бригъ совсѣмъ близко и спустился къ «Ястребу». Видно было и каптейна ихняго и матросовъ... Всѣ мы замерли отъ радости... Ждемъ: вотъ съ брига спустятъ шлюпки... Ужъ капитанъ нашъ что-то по-ихнему на бригъ кричитъ... «Подходи, молъ, ближе! Спасай насъ!..» Такъ что жъ бы вы думали, вашескобродіе, сдѣлалъ этотъ гличанинъ?.. Прогонѣлъ въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ насъ и... только его подлеца и видѣли!... Повернулъ и пошелъ далѣе и скоро пропалъ изъ глазъ... Мы всѣ только ахнули... И еслибъ только могъ слышать каптейнъ, какими проклятіями мы его провожали, и какъ мы ругали эту собаку!.. Какая собака?.. Хуже... Звѣрь самый лютый—и тотъ жалость имѣетъ къ своему брату; а этотъ... Бываютъ же на свѣтѣ такіе злодѣи, вашескобродіе! Не помочь погибающему... Какъ только Богъ терпитъ такихъ дьяволовъ!.. И какъ этотъ самый каптейнъ потомъ на свѣтѣ жилъ?.. И какъ это матросы гличане не взбунтовались тогда противъ него и не заставили его помочь такимъ же людямъ, какъ и они сами?.. Гдѣ совѣсть у людей!?

Иванычъ смолкъ, полный негодующаго недоумѣнія, видимо и на старости лѣтъ, послѣ долгаго житейскаго опыта, сохранившій вѣру въ человѣческую совѣсть и до сихъ поръ удивлявшійся, что ея иногда не бываетъ.

— И, знаете ли, вашескобродіе, что я полагаю насчетъ этихъ самыхъ гличанъ, что тогда бросили насъ на гибель?—проговорилъ, наконецъ, онъ.

— Что?

— А то, что совѣсть ихъ потомъ замучила. Безъ этого никакъ невозможно, вашескобродіе. Потому какой ты ни будь отчаянный человѣкъ, а придетъ время,— совѣсть объявится. «Такъ молъ и такъ... Честь имѣю явиться!..» И, можетъ, эти самые гличане мѣста себѣ потомъ не находили, какъ вспоминали насъ погибающихъ... А каптейнъ, можетъ, ночей не спалъ... Все передъ имъ матросики съ погибающаго корабля стояли... Если котораго человѣка Богъ не накажетъ, того совѣсть накажетъ... Это вѣрно!—убѣжденно промолвилъ Иванычъ и примолкъ, погружившись въ раздумье.

III.

— Ну, рассказывайте, Иванычъ, дальше! — попросилъ я черезъ нѣсколько минутъ.

— А дальше была, вашескобродіе, одна мука. Обезнадежили мы совсѣмъ. Думали: если не потопнемъ, все равно, голодною смертью помремъ. И шлюпокъ не было: всѣ смыло, только капитанскій вельботъ какимъ-то чудомъ уцѣлѣлъ. Да гдѣ ему въ такую погоду выгрести?.. Вѣтеръ хоть и стихалъ, а все же волненіе было большое. Однако, капитанъ крикнулъ охотниковъ: кто, значитъ, желаетъ ѣхать на вельботѣ, чтобы добраться до берега и просить помощи? А берегъ, какъ потомъ оказалось, былъ этакъ миляхъ въ трехъ. Охотниковъ пожелало много, но только изъ нихъ выбрали самыхъ крѣпкихъ семь человѣкъ подъ начальствомъ молодого мичмана... Кое-какъ спустили шлюпку... Отвалила и въ скорости скрылась изъ глазъ... Мы такъ и полагали, что потонула. Наступила ночь. Ясная была,

мѣсячная ночь. И не дай Богъ никому провести такой ночи! Чего, чего не было! Отъ голода да отъ жажды многіе кричали въ бреду какъ изступленные и бросались въ море. И озвѣрѣніе какое-то на многихъ нашло... Всякій хотѣлъ повыше забраться и пихалъ одинъ другого. А мой Акимка вовсе закоченѣлъ. Жметъ бѣдный ко мнѣ, еле держится за вантину и съ открытыми глазами вовсе безумныя слова безъ умолку говоритъ. Все говоритъ, говоритъ про деревню, какъ тамъ хорошо, лошадь зоветъ... и все это словно видитъ передъ собой... Просто жалостно было слушать. Вижу, парень совсѣмъ пропадаетъ. И жалко его стало. И взялъ я его за руку—я матросъ сильный былъ, вашескобродіе!—и потащилъ его наверхъ, на марсъ. Еле дотащилъ. А тамъ, вашескобродіе, матросы догадались и другъ на дружкѣ для тепла лежали... Такъ въ родѣ какъ бы складъ бревенъ. Ну, положилъ и я его на грудь и самъ на него легъ. Все ему теплѣе станетъ. И сталъ онъ понемногу отходить... бредить бросилъ и заснулъ.

— А вы, Иванычъ, заснули?

— Никакъ нѣтъ, вашескобродіе... Сна не было и очень ѣсть хотѣлось... И главное, жажда... Такъ, кажется, за глотокъ воды все бы отдалъ... Однако, терпѣлъ, потому еще во мнѣ сила была. Но только ужъ смерти покойно ждалъ. Думаю: другіе умираютъ... Чѣмъ же я лучше? Придетъ чередъ, свалюсь въ море... А жить все же хотѣлось.

А тутъ же на марсѣ, около меня рядомъ лежалъ нашъ же форъ-марсовой Егоровъ. Пьяница онъ былъ отчаянный и въ пьяномъ видѣ на руку нечистъ. И здорово его наказывали за пьянство, и били, и пороли; а онъ все свое: какъ попадетъ на берегъ—мертвецки

напъется. А такъ человѣкъ башковатый, веселый и сердцемъ простъ. И форменный матросъ былъ. Онъ и говоритъ мнѣ:

«А знаешь, Иванычъ, отчего мнѣ помирать не хочется?»

«Отчего?»—спрашиваю.

«Оттого»,—говоритъ, «что я свинья... Деньги пропивалъ, а на дочку хоть бы грошъ. А дочка у меня безъ матери, безпризорная сирота, и у кумы живетъ. А кума сама еле съ хлѣба на квасъ перебивается. И все мнѣ теперь махонькая Дунька на умѣ. Кто пожалѣетъ ее, если отецъ не пожалѣлъ? Пропадетъ вѣдь!»

«Найдутся»,—говорю, «добрые люди, пожалѣютъ!»

«Едва ли, если отецъ родной... И знаешь, Иванычъ... Если бы я спасся какимъ чудомъ, пить бы бросилъ и всѣ деньги посылалъ бы дочкѣ!»—Вотъ вѣдь, вашескобродіе, когда спохватился: когда смерть на носу была.

— Что-жъ онъ живъ остался?—спросилъ я.

— Живъ... И посейчасъ въ Кронштадтѣ живетъ.

— Ну, а зарокъ свой сдержалъ?

— Еще какъ сдержалъ, вашескобродіе! Просто дивился я: откуда характеръ у него взялся?.. Дочка вовсе другимъ человѣкомъ отца сдѣлала... Ну, и потрясеніе, значитъ... на «Ястребѣ»... Егоровъ послѣ этого долго въ госпиталѣ въ Кронштадтѣ лежалъ въ поврежденіи разсудка... черезъ шесть мѣсяцевъ только на поправку пошелъ.

— Ну, рассказывайте, Иванычъ, какъ же вы спаслись?

— А черезъ этотъ самый вельботъ... Спасибо матросикамъ: не оробѣли, и мичманъ, что съ ими по-

ѣхалъ, не оробѣлъ... Выгребли, выбросились на берегъ и оповѣстили.. А мы этого и не думали въ тѣ поры. Никакой надежды на вельботъ не имѣли... Такъ разсчитывали, что погибъ, и ждемъ смерти... Прошла такъ вторая ночь... Разсвѣло... Море затихло, и солнышко свѣтитъ... А мы всѣ какъ приговоренные... Нѣтъ даже силы, чтобъ на обломкахъ спастись... И я началъ подаваться.. Ослабъ... И жажда замучила... И только слышимъ мы, вѣшескобродіе, что капитанъ не своимъ голосомъ закричалъ насчетъ питья, и насчетъ того, что онъ людей до смерти довелъ... Кричитъ бѣдный Левонтій Федорычъ да и шабашъ! Тоже, значитъ, въ потрясеніи былъ. И многіе которые кричали, охали и стонали и призывали смерть. И не обсказать, какъ тяжело было слухать, вѣшескобродіе, эти стоны да крики. Вспомнишь какъ, и то жутко станеть... Хорошо. Кричалъ это такимъ манеромъ капитанъ примѣрно съ часъ или съ два и затихъ... И вдругъ опять капитана крикъ, жалобный такой. «Простите, братцы!» И вижу я—онъ съ гротъ-марса внизъ головой... Бросился, значитъ... и его волна въ море унесла... Окровавленный весь былъ, сказывали потомъ матросы, кои съ гротъ-марса видѣли... Царство ему небесное, голубчику!.. Доберъ былъ!

Иванычъ перекрестился и продолжалъ:

— И вскорости послѣ того, какъ бросился капитанъ, вижу я парусъ на горизонтѣ. Думаю—обманъ глазъ... Многимъ въ тѣ дни все паруса мерещились,—однако, нѣтъ... всѣ увидали, и скоро шкунка обозначилась... Идетъ на насъ... Опять мы закричали «уру», только «ура» эта самая едва слышная была... Силы не было по настоящему крикнуть. При послѣднемъ изды-

ханіи почти всѣ находились и звали смерть, какъ вмѣсто этого жизнь пришла... Шкунка подошла борть-о-борть... Повышли оттуда шведы и стали насъ какъ замерзшихъ птицъ снимать, да на шкунку таскать... А я, вашескобродіе, отъ радости такъ-таки и заплакалъ. Слова сказать не могу, а плачу. И сняли съ насъ мокрую одежду, завернули въ одѣяла и положили на палубу. И сталъ докторъ ихній съ фершаломъ обходить насъ и давали намъ по капелькѣ рому, а потомъ горячаго супу. По самой малости давали, а то помногу нельзя, говорятъ... И вскорости доставили насъ благополучно на берегъ и размѣстили по домамъ въ ихнемъ маленькомъ городкѣ; и оправлялись мы тамъ съ недѣлю, пока не отправили насъ, вашескобродіе, въ Кронштадтъ... Только многихъ не досчитались... Было всѣхъ насъ на «Ястребѣ» 175 человекъ, а осталось сто...

— А что съ «Ястребомъ» стало?

— Потонулъ. Вскорости, какъ насъ съ него сняли, поднялся вѣтеръ и къ ночи заревѣлъ. Вотъ въ ту ночь «Ястребъ» и потонулъ. Ужъ утромъ его и званія не было... Только одни обломки рыбаки видѣли...

Иванычъ умолкъ и сталъ набивать трубку.

Въ эту минуту въ концѣ аллеи показался владѣлецъ имѣнія, Петръ Петровичъ, высокій, худой, бодрый еще старикъ.

При приближеніи его Иванычъ всталъ.

— Садись, Иванычъ... садись!—приказалъ ему отставной морякъ.

И, обращаясь ко мнѣ, спросилъ:

— О чемъ это вы съ Иванычемъ бесѣдовали?

— Онъ о гибели «Ястреба» рассказывалъ...

— Да... Ужасные были дни... Никогда не забыть ихъ!—задумчиво проговорилъ Петръ Петровичъ.

— Вы тоже были тогда на «Ястребѣ?»

— Былъ. Мичманомъ тогда былъ. Съ тѣхъ поръ мы и пріатели съ Иванычемъ... Съ тѣхъ поръ я и узналъ, какой это человѣкъ... Онъ, конечно, не рассказывалъ вамъ, какъ тогда многихъ спасъ отъ смерти?

— Нѣтъ! Про себя ничего не говорилъ...

— Ну, конечно. Узнаю Иваныча. Онъ и меня спасъ... Я едва держался на вантахъ, а онъ меня послѣ земляка своего тоже на марсъ стащилъ... Да и не одного меня, а многихъ... Ты чего же объ этомъ не рассказалъ гостю, а?—добродушно усмѣхаясь, спросилъ Петръ Петровичъ Иваныча.

— Чего всякіе пустяки рассказывать, вашескобродіе!—отвѣчалъ Иванычъ.

И съ этими словами поднялся и заковылялъ по аллеѣ.

Ледяной штормъ.

Посвящается А. В. Вергежскому.

I.

Яйла «курила» и сверкала подъ блескомъ южнаго солнца своими бѣлоснѣжными гребнями, расщелинами и склонами.

Срывая и крутя алмазную пыль, порывы горнаго вѣтра налетали съ бѣшеной силой все чаще и чаще и такъ пронизывали своимъ ледянымъ дыханіемъ, что напоминали близость не Чернаго моря, а Ледовитаго океана.

Вѣтеръ дулъ и съ горъ, и съ моря и, казалось, съ самаго неба, подернутаго бирюзой, по которому величаво и словно бы лѣнливо поднималось ослѣпительное солнце, появившись изъ-за горъ.

Надъ ними неслись нѣжно-бѣлыя перистыя облачка, а на противоположномъ горизонтѣ, надъ моремъ, надвигались черныя, тяжелыя и нависшія тучи и точно грозили приближеніемъ шторма.

И чюя его, бакланы и чайки тревожно, короткими

концами, носились низко надъ волнами, какъ будто скользя по нимъ.

Бѣлыя какъ снѣгъ чайки словно бы предостерегали другъ друга своимъ грустнымъ крикомъ, похожимъ на плачь обиженного ребенка.

Въ маленькой открытой гавани Ялты, у набережной, трепыхались, прыгая на своихъ якорькахъ, зимовавшія каботажныя суденышки.

Этотъ десятокъ маленькихъ бригантинокъ и шкунокъ допотопной конструкціи не внушалъ большого довѣрія. Повидимому, не особенно довѣряютъ имъ и господа шкипера — изъ отставныхъ боцмановъ военнаго флота, или «изъ грековъ», — и не плаваютъ на своихъ «каботажахъ» въ зимнюю пору, когда Черное море задаетъ «форменные трепки», отъ которыхъ не спасетъ моряковъ даже заступничество св. Николая Мирликійскаго. Да и тихое, оно на долгое время заволакивается такимъ густымъ туманомъ, что здѣшніе шкипера, умѣющіе плавать только «на глазъ», вблизи знакомыхъ береговъ, и не имѣющіе понятія о прокладкѣ курса по картѣ и о компасѣ, знаютъ, что легко вмѣсто Θεодосіи попасть въ Одессу, а то и въ Константинополь.

Ошвартовавшійся у мола раскачивался пассажирско-грузовой «Бакланъ», только что пришедшій изъ Севастополя. Выпущенные пары прогудѣли о приходѣ. Вѣтеръ подхватывалъ черные клубы дыма изъ горластой трубы. Нѣсколько палубныхъ пассажировъ въ порты Кавказа вышли на берегъ, чтобы купить кое-чего и попробовать твердой земли послѣ сильной качки на парходѣ... А что еще будетъ впереди?..

Крѣпчало.

Волны взбухали и «разгуливались». Сталкиваясь

между собою, гребни пѣнились съ сердитымъ воемъ и вѣтеръ подвывалъ волнамъ, срывая верхушки «зайчиковъ» и разнося брызги.

Море вблизи сѣдѣло и становилось сердитѣй.

А вдали, совсѣмъ вдали, оно казалось холмистымъ, темнымъ, таинственно-грознымъ и жуткимъ.

Прибой гудѣлъ.

Особенно былъ высокъ подъемъ столба воды у волнорѣза мола.

Эта, сѣуженная вверху, прибойная волна взлетала съ бѣшеной стремительностью на высоту 40 футовъ, почти вертикально... Еще мгновение и, рокочущая и обезсиленная, она низвергалась, сливаясь съ широкими волнами. Черезъ нѣсколько секундъ взлетала слѣдующая могучая и бушующая волна.

Кучка людей уже пришла на молъ.

Грузчики подавали тюки и ящики къ лебедкѣ, поворачивающейся съ парохода къ пристани. Нѣсколько зрителей изъ «сѣрой» публики напряженно и испуганно взглядывали то на море, то на пароходъ, словно бы изумляясь и сожальѣя людей, которые пойдутъ на «Бакланѣ», казавшемся скорлупой передъ взволнованнымъ, вздувшимся моремъ.

Были и «господа».

Въ отдаленіи отъ стѣнки, чтобы не получить ледяной ванны, они любовались высокимъ и грознымъ прибоемъ, и бессмысленная его сила невольно навела почтительный страхъ.

Какой-то художникъ съ подстриженной бородкой, худощавый, молодившійся старикъ, быстро, размашисто и самоувѣренно писалъ масляными красками эскизы прибойной волны. Но неувовимо-характерный, трепетав-

пшій жизнью, грозный, красивый и, казалось, каждое мгновѣніе мѣнявшій и цвѣтъ, и мощь, и прозрачность воды, приборъ едва ли былъ прочувствованъ художникомъ.

Въ выраженіи его изжитаго и скептическаго лица виденъ былъ умъ, но «бога» въ немъ не было.

И онъ, ловя натуру, въ то же время взглядывалъ на молодую, красивую и изящно одѣтую дѣвушку, стоявшую отъ него въ двухъ шагахъ съ пожилой дамой. Обѣ восхищались и ужасались приборомъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на художника.

Зато дамы невольно заглядывались на пригожаго, бѣлокурога студента съ худощавымъ и одухотвореннымъ лицомъ и необыкновенно мягкими и «чистыми» голубыми глазами. Возбужденный и зарумянившійся на стужѣ, онъ озабоченно разставлялъ фотографическій аппаратъ, чтобъ снять въ разныхъ видахъ приборъ, произведшій сильное впечатлѣніе.

II.

Одинъ изъ «сѣрыхъ» зрителей, обращавшихъ исключительное вниманіе на сравнительно небольшой, низко нагруженный пароходъ, молодой человекъ съ болѣзненнымъ и напряженно-встревоженнымъ лицомъ, лихорадочными и угрюмо-насмѣшливыми глазами, съ жидкой черной бородкой и маленькими усиками, надъ тонкой безкровной губой, — повидимому находился въ отчаянно-скверномъ положеніи.

По крайней мѣрѣ, костюмъ его далеко не соответствовалъ собачьему холоду въ Ялтѣ, побаловавшей еще вчера чудной, теплой погодой.

Лѣтнее «легкомысленное» пальтецо, тонкое и протертое на локтяхъ, настолько выцвѣло, что опредѣлить его цвѣтъ было трудно. Дырявыя и стоптанныя ботинки обнажали голые грязные пальцы. Легонькая фуражка, когда-то модная, очевидно, попавшая съ большой головы, была съ вентиляціей... Однимъ словомъ, вся одежда несомнѣнно плохо защищала молодого человека, пронизываемаго ледянымъ нордъ-остомъ.

Только шерстяной шарфъ, въ который онъ пряталъ носъ, представлялъ собою лучшую и основательную часть костюма и, казалось, именно онъ и придавалъ нѣкоторый апломбъ всей этой худенькой, безсильной и вздрагивающей фигуркѣ. И молодой человекъ носилъ свое рванье съ такимъ же достоинствомъ, съ какимъ сытые люди носятъ свое хорошо сшитое платье.

Молодой «зритель» пытливо смотрѣлъ на пароходъ и не безъ зависти думалъ о солидно одѣтыхъ матросахъ, работавшихъ на лебедкѣ, и о тепломъ помещеніи на кубрикѣ. Да и у машины было тепло...

И, несмотря на грохочущій въ концѣ мола прибой, на гулъ вздымающагося моря и на вой вѣтра, молодой человекъ, словно бы озаренный вдругъ рѣшеніемъ, обратился къ одному изъ грузчиковъ. Онъ показался молодому человеку умнѣе и симпатичнѣе другихъ, этотъ пожилой здоровый брюнетъ, обросшій сильно засѣдѣвшими бородой и усами. Онъ только-что спустилъ съ широкой сутулой спины изрядный ящикъ и, остановившись въ нѣсколькихъ шагахъ отъ парохода, ловко закурилъ на вѣтрѣ папирску.

— Пойдетъ въ «рейцъ», господинъ рабочий?

И, приложивъ къ козырьку засинѣвшіе пальцы, молодой человекъ махнулъ головой на пароходъ.

— Пойдетъ!—обрывисто и далеко нелюбезно отвѣтилъ грузчикъ.

— Въ такого-то дьявола-штормъ?

— Капитанъ знаетъ, коли идетъ!—строго и авторитетно промолвилъ грузчикъ и отвернулся.

— Развѣ по волѣ пойдетъ въ бурю?

— Отстоялся бы здѣсь, еслибъ хотѣлъ.

— Можетъ, и очень бы хотѣлъ, да службы рѣшиться не смѣетъ...

— А ты знаешь, что ли? — рѣзко спросилъ грузчикъ.

— То-то знаю... Не бойсь, ваши шишки, главные, значитъ, начальники въ страхѣ капитановъ держать... Лестно, молъ... Я, такой, сякой, захочу—прогналъ съ мѣста, захочу оставилъ... Имъ вѣдь, вашимъ начальствамъ «обормотамъ», сиди на сухомъ пути да жри хорошій харчъ съ мадерой виномъ, а вотъ ихніе подначальные капитаны, по опаскѣ и глупости, хоть самъ потопай да матросовъ топи!.. Они и виноватые останутся... А управляющіе, молъ, ни при чемъ... Очень просто... И ежели въ тебѣ есть понятіе, то обмозгуешь, что вездѣ одна и та же идетъ линія... Всѣ, что по своему мѣсту или по капиталу надъ людьми куражатся,—одно слово озвѣрѣлыя свиньи и сволочь!—прибавилъ съ злой насмѣшкой молодой босякъ.

И эта неожиданно дерзкая рѣчь, не совсѣмъ понятная грузчику, который никогда и не думалъ о людской неправдѣ, хотя, быть можетъ, и чувствовалъ ее своими боками, и оборванный видъ этого босяка, видимо дошедшаго до точки,—вызвали въ грузчикѣ неодобрительныя чувства ко оратору.

И онъ, основательный и домовитый семейный чело-

вѣкъ, тепло одѣтый и хорошо напившійся чаю съ хлѣбомъ въ своемъ маленькомъ домишкѣ въ слободкѣ, купленномъ на деньги жены, неизвѣстно какъ добытая ею, строго взглянулъ на бездомнаго босяка и ничего не проговорилъ.

Однако, заинтересованный этимъ оборванцемъ съ такой дерзкой «фанаберіей», не уходилъ.

А молодой оборванецъ неожиданно сказалъ:

— А если капитана этого парохода спросить... Не возьметъ ли онъ матросомъ?

— Это кого взять матросомъ?—удивленно спросилъ грузчикъ.

— Меня.

— Тебя!?. Такого... господина!?

И грузчикъ размѣялся.

Но оборванецъ, казалось, не обратилъ вниманія на презрѣніе въ смѣхъ этого сильнаго и здороваго челоуѣка, къ слабосильному, нищему и самоувѣренному проходимцу. И онъ спокойно отвѣтилъ:

— То-то такого господина... Сю минуту нанялся бы. Бури не боюсь...

— Ты хоть и отчаянный господинъ, но капитану не требуются матросы. Да тебя, все равно, не возьмутъ... Тоже лодырь, объявился матросъ!..

— Правильно рассудилъ, сытый грузчикъ! А ежели, напримѣръ, наняться грузчикомъ на пристани, а то носильщикомъ?..

— Проваливай лучше... Замерзнешь въ своемъ легкомъ кустюмѣ!

— А я полагаю по тому самому, ты и порекомендуешь меня на должность!.. — съ рѣзкой и угрюмой ироніей проговорилъ молодой челоуѣкъ.

— Другой должности ищи... А пока что... одѣнься.

И съ этими словами грузчикъ торопливо отошелъ, испытывая какую-то неловкость вродѣ виноватости передъ этимъ вздрагивающимъ босякомъ съ чахоточнымъ лицомъ.

— Сволочь! — негодуяще бросилъ искатель занятій, два мѣсяца тому назадъ приѣхавшій изъ Керчи, гдѣ былъ, по болѣзни, расчитанъ съ табачной фабрики и со штрафомъ за дерзкія слова управляющему.

Замерзнувшій отъ ледяного вѣтра, молодой человекъ почти побѣждалъ съ мола и направился въ матросскую слободку, гдѣ жилъ у старой квартирной хозяйки, ялтинской мѣщанки, которой платилъ три рубля въ мѣсяць за крошечную конуру, безъ отопленія разумѣется.

Ни у кого изъ встрѣчныхъ, шедшихъ къ молу — посмотрѣть на прибой и на пароходъ, собирающійся уходить въ бурю — онъ не рѣшился попросить гривенника, чтобы купить десятокъ папиросъ и выпить въ кофейнѣ стаканъ горячаго чая.

Уже два мѣсяца онъ напрасно искалъ работы и продалъ все, что было возможно, чтобы не умереть съ голода.

Вчерашній день онъ не ѣлъ.

III.

Вѣтеръ усиливался съ быстротой. Барометръ падалъ.

Прибой у мола взлеталъ выше и рокоталъ грознѣе.

Нагрузка парохода приходила къ концу послѣ того, какъ нѣсколько бочекъ и ящиковъ были выгружены.

Быль одиннадцатый часъ утра.

Капитанъ парохода, спавшій лишь часа два на переходѣ изъ Севастополя въ Ялту, встревоженный, озабоченный и не выспавшійся, торопливо напился чаю и вышелъ изъ своей каюты на палубу.

Взглянувъ на собравшуюся у пристани преимущественно сѣрую публику, испуганную и по временамъ выражавшую опасенія, онъ, казалось, спокойно и увѣренно, приказалъ старшему помощнику поторапливать нагрузку и, поднявшись на мостикъ, сталъ смотрѣть на далекій горизонтъ чернѣющаго моря и на зловѣщія темныя тучи, клочковатыя и низкія...

Но горькія думы поднимались въ душѣ этого, по видимому, хладнокровнаго и сдержаннаго капитана.

Это былъ низенькій и кряжистый человѣкъ съ крупными и грубыми чертами обвѣтрившагося, краснаго и напряженно-серьезнаго лица.

Никифору Андреевичу Москалеву далеко за пятьдесятъ.

Здоровый крѣпышъ, онъ былъ очень не казистъ, морщинистъ и съ сѣдою, какъ лунь, бородой. Его неладно скроенная фигура была гибка, поступь легка, и его маленькіе, воспаленные отъ безсонной ночи и возбужденные сѣрые глаза еще горѣли молодымъ блескомъ.

Онъ былъ въ старенькомъ, сильно потертомъ пальто подбитомъ густымъ и крупнымъ крымскимъ бараномъ съ мерлушечьимъ воротникомъ и въ высокихъ смазныхъ сапогахъ. Изъ-подъ форменной фуражки съ толстымъ, потемнѣвшимъ золотымъ галуномъ на околышѣ, выбивались сильно посѣдѣвшіе русые волосы.

Капитанъ впился въ даль моря и тяжело вздохнулъ.

Штормяга будетъ серьезный, и онъ его встрѣтитъ.

Мысли наводили страхъ на стараго моряка, давно плававшего по Черному морю. Сперва онъ ходилъ здѣсь на военныхъ судахъ молодымъ штурманскимъ офицеромъ, потомъ на коммерческихъ пароходахъ, когда оставилъ военную службу, всегда мачиху для штурмановъ—этихъ обойденныхъ, обиженныхъ и обозленныхъ пасынковъ морской семьи.

О, какъ хотѣлось ему быть теперь въ Севастополѣ и тамъ переждать штормъ, вмѣсто того, чтобы идти въ море.

И зачѣмъ онъ пошелъ изъ Севастополя? Зачѣмъ?

Капитанъ понималъ: зачѣмъ. Онъ малодушно боялся выговора. Начальство подумаетъ, что онъ струсиль. Шторма еще не было въ Севастополѣ. Но вѣтеръ уже крѣпчалъ, и волненіе разводило большое. Слѣдовало бы остаться. Пожалуй, и промело бы.

Никифоръ Андреевичъ служилъ въ коммерческомъ флотѣ двадцать семь лѣтъ и пятнадцать послѣднихъ командуетъ пароходами. Онъ дорожилъ мѣстами и смолodu привыкъ къ неодолимому, чисто рабьему страху передъ людьми, отъ которыхъ зависѣла его судьба. Боялся, хотя бы не уважалъ и даже презиралъ въ душѣ своихъ патроновъ.

И, слава Богу, до сихъ поръ все шло благополучно. Исправный, пунктуальный и осторожный, онъ ни разу не билъ пароходовъ, даже аварій не случилось. И начальство, кажется, имъ довольно, хотя и долго не заикалось о пассажирскомъ пароходѣ. А Никифоръ Андреевичъ никого не просилъ и не любилъ беспокоить начальство. «Само знаетъ». Товарищи прямо говорили, что давно слѣдовало бы Никифору Андрее-

вичу получить пассажирскій пароходъ на Крымской линіи, но вѣрно не дають за то, что онъ не представительный человѣкъ. Мало ли какіе высокопоставленные пассажиры и какія важныя, свѣтскія пассажирки ѣздятъ въ Крымъ.

Необыкновенно скромный, до болѣзни застѣнчивый, Никифоръ Андреевичъ сознавалъ — и очень страдалъ прежде — что онъ не только не представительный, а просто-таки «безобразная рожа», какъ самоотверженно называлъ онъ свое топорное лицо. Особенно возбуждалъ въ немъ чувство отвращенія и словно бы виноватости передъ людьми его мясистый, похожій на картофелину и багровый, какъ у пьяницъ, носъ. Онъ былъ самымъ главнымъ изъяномъ его лица и самымъ «больнымъ мѣстомъ» мнительнаго и втайнѣ болѣзненно самолюбиваго Никифора Андреевича.

Онъ не увеличивалъ своихъ достоинствъ, а скорѣе умалялъ ихъ. Онъ понималъ, что не «боекъ умомъ», никогда не «заносился», ничего не читалъ, о чемъ можно бы задуматься и имѣть шире кругозоръ, былъ не рѣчистъ и терялся, особенно передъ важными людьми. Даже и съ своимъ начальствомъ не умѣетъ разговаривать и не умѣетъ подлаживаться. Явится, бывало, по окончаніи рейса въ Одессу, доложить, по возможности, лаконично о томъ, что все благополучно, и, робѣющій, стѣсняющійся и застѣнчиво краснѣющій, скорѣе вонъ изъ кабинета и на квартиру — повидать семью и пробыть «дома» два, три не всегда счастливые дня до слѣдующаго ухода въ рейсъ недѣли на три, а то и на четыре.

И Никифоръ Андреевичъ старался подавить оскорбленное самолюбіе обойденнаго человѣка и обиду усерд-

наго работника на семью, благосостояніе которой являлось для него чуть ли не главнымъ и единственнымъ смысломъ жизни.

Положимъ, на пассажирскомъ и выгоднѣе, и виднѣе, и пароходы быстрѣе и лучше, но, того и гляди, какая-нибудь исторія изъ-за пассажировъ перваго класса. И въ рейсѣ капитанъ долженъ быть всегда на чеку и одѣтъ щегольски. Замухрышка капитанъ непріятенъ пассажирамъ. Они вѣдь требовательные, съ претензіями и капризами. То покажется какому-нибудь генералу, что капитанъ недостаточно «приличенъ» и внимателенъ, то будто обѣдъ недоброкачественъ, то вино скверное и дорогое, то качаетъ, и виноватъ капитанъ, что не стоитъ на мостикѣ, а болтаетъ или спитъ; то зачѣмъ въ туманъ пароходъ стоитъ по нѣскольку часовъ, и капитанъ не обращаетъ вниманія на совѣты идти въ Ялту, до которой всего полчаса, и сирена гудитъ. Особенно дамы нервничаютъ. То и дѣло спрашиваютъ капитана: погибнетъ ли пароходъ? Есть ли надежда спастись?.. Капитанъ долженъ оберегать ихъ. Часто вѣдь жены извѣстныхъ лицъ въ Петербургѣ... Все генеральши и со связями... Или жены милліонеровъ изъ Москвы... И всѣхъ этихъ плачущихъ, перетрусившихъ барынь надо уговаривать и успокаивать... А пассажирамъ надо объяснять, что въ густой туманъ, когда бака не видно съ кормы, лучше переждать, пока не прояснится... И эти стрекулисты изъ газетъ тоже... народецъ. Задаются!.. Форсятъ!.. Не покажи особеннаго вниманія къ представителю прессы, не помѣсти одного въ каюту, не пусти на мостикъ, — начнетъ фыркать и... все нехорошо, не такъ, какъ на заграничныхъ пароходахъ, и потомъ закатитъ корре-

спонденцію, въ которой разнесетъ въ дребезги капита-
тана. А ядовитый генералъ, у котораго болитъ печень?
Онъ ѣдетъ въ Эссенуки и, сердитый, выискиваетъ за
что бы придраться и, главнымъ образомъ, за то, что
капитанъ не знаетъ, что этотъ желтый и худой ста-
рикъ, съ гладко выбритыми щеками и съ застланнымъ
взглядомъ озлобленныхъ глазъ, тайный совѣтникъ и
директоръ департамента. Такой господинъ и того хуже...
Онъ непременно напишетъ предсѣдателю правленія
письмо о беспорядкахъ на пароходѣ, на которомъ по
несчастью поѣхалъ, и попроситъ обратить вниманіе на
недостаточную вѣжливость капитана съ пассажирами...
И тогда запросъ правленія директору... Тотъ, въ свою
очередь, капитану... Оправдывайся... Того и гляди, пере-
ведутъ на грузовой пароходъ... Бывали такіе случаи.

«Богъ съ ними съ этими пассажирами. Лучше по-
дальше отъ нихъ... По крайней мѣрѣ спокойнѣе!»—утѣ-
шалъ себя Никифоръ Андреевичъ.

Но недавно Никифору Андреевичу обѣщали, что
лѣтомъ дадутъ пассажирскій пароходъ... Подъ ста-
рость Никифоръ Андреевичъ показался начальству нѣ-
сколько благообразнѣе, и старый морякъ обрадовался
за семью. Тогда онъ будетъ получать жалованья съ
процентами до пяти съ половиною тысячъ. А теперь
онъ получалъ съ прибавками за долгую службу только
три съ половиной. Конечно, и съ этими деньгами воз-
можно жить, но осторожно и съ умѣньемъ. Не даромъ
же Анна Ивановна недовольна, что Никифоръ Андре-
евичъ такъ мало получаетъ и не умѣетъ обратить вни-
манія на свои заслуги. Семья не маленькая: кромѣ
Анны Ивановны, четыре дочери. Двѣ ужъ невѣсты и...
хоть бы одинъ женихъ!..

«И что съ ними всѣми будетъ, если, Боже храни, кормильца не будетъ?» — подумалъ вдругъ Никифоръ Андреевичъ.

И сердце его замерло отъ тоскливаго ужаса за близкихъ.

Какъ дорога и любима семья — эти некрасивыя, застѣнчивыя, обидчивыя «дѣвочки». Онѣ живутъ въ скромной обстановкѣ, при вѣчной воркотнѣ матери о трудности сводить концы съ концами, не знаютъ развлеченій, почти безъ знакомыхъ мужчинъ. Особенно всегда недовольны и раздражительны двѣ старшія дочери, которыя часто говорятъ, вытирая слезы, что онѣ жить хотятъ...

И по временамъ Никифору Андреевичу больно и тяжело въ семьѣ, когда, послѣ рейсовъ, онъ проводилъ эти рѣдкіе, желанные дни дома. Онъ ждалъ тепла и любви, ждалъ отдыха въ «гнѣздѣ», ради котораго работалъ безъ конца — и вмѣсто этого, ни ласки, ни вниманія... Не такими хотѣлъ бы онъ видѣть ихъ.

Онѣ точно безмолвно укоряли отца, что онъ не сумѣлъ сдѣлать ихъ счастливыми и не старался зарабатывать столько, чтобы семья жила прилично.

Жена, моложавая сорокалѣтняя Анна Ивановна, съ нимъ холодна и нѣсколько третируетъ, считая его недалекимъ и очень некрасивымъ. Никифоръ Андреевичъ это чувствуетъ и побаивается жены. И прежде она не любила мужа и вышла замужъ, чтобъ пристроиться. Пригожей и бѣдной безприданницѣ было восемнадцать, когда она пошла за некрасиваго, смѣшного и влюбленнаго сорокалѣтняго Никифора Андреевича.

Первые годы супружества пронеслись въ головѣ капитана. Какъ онъ страдалъ, ревновалъ и любилъ!

И сколько было у жены любовниковъ! Онъ зналъ и не показывалъ, что знаетъ.

Теперь нѣтъ и осадка. Онъ все простилъ. И жена стала ласковѣй, какъ узнала, что мужъ получитъ наконецъ пассажирскій пароходъ... Семья будетъ жить лучше.

— И вдругъ нищія!—прошепталъ Никифоръ Андреевичъ.—Нищія!—въ ужасѣ повторилъ онъ, представивъ положеніе семьи, если...

«И какъ онъ безпомощенъ... И какъ онъ беззащитенъ!»

Словно бы только теперь, передъ явной опасностью, онъ вдругъ прозрѣлъ, что въ глазахъ начальства онъ только исправный капитанъ, а не человѣкъ.

Заболѣй онъ — черезъ шесть мѣсяцевъ уволятъ. Состаришься — убирайся вонъ и живи, какъ знаешь. Умри — семья ни гроша пенсіи. Погибни въ морѣ — семья моряка, проплававшего двадцать семь лѣтъ, нищія!

«Безсовѣстные! Безсердечные!» — подумалъ Никифоръ Андреевичъ и спустился съ мостика, попрежнему не понимая, что дѣлаетъ людей безсовѣстными и безсердечными.

IV.

— Первый свистокъ!—приказалъ капитанъ первому помощнику.

— Есть!—неувѣренно и смущенно проговорилъ статный красивый молодой брюнетъ въ щегольской ту-журкѣ и высокихъ сапогахъ.

И, стараясь скрыть передъ капитаномъ чувство жут-

каго страха, овладѣвшаго имъ, и не спѣша исполнять приказаніе, дрогнувшимъ голосомъ прибавилъ:

— Мы, значитъ, уходимъ, Никифоръ Андреевичъ?

Старый капитанъ, владѣвшій собою несравненно лучше своего помощника, словно бы не понялъ его вопроса.

И въ его серьезномъ, казалось, не встревоженномъ лицѣ, и въ обычномъ спокойномъ голосѣ было словно удивленіе, когда онъ, въ свою очередь, спросилъ:

— А то какъ же, Иванъ Ивановичъ?

— Я полагалъ, Никифоръ Андреевичъ, переждемъ... штормъ...

— Не оставаться же здѣсь... Заштормуй—пароходъ разобьетъ въ щепки объ молъ. Вотъ въ Керчи и отстоимся, если штормяга прихватитъ.

«Уже бушуетъ въ морѣ!» — подумалъ Никифоръ Андреевичъ.

И, стараясь подбодрить и себя, и помощника, прибавилъ:

— Слава Богу, дойдемъ!

Помощникъ взглянулъ на море...

— Вѣдь мы не загружены. Иванъ Ивановичъ!

— Да, Никифоръ Андреевичъ... Здѣсь пустяки груза.

— А машина у насъ здоровая. Отлично выгребали изъ Севастополя...

— Какъ бы не заливала насъ продольная волна, Никифоръ Андреевичъ... Взгляните что тамъ! — испуганно проговорилъ брюнетъ.

И въ головѣ его пронеслась мысль:

«Здѣсь пароходъ разобьетъ, зато всѣ живы будемъ!»

Но сказать этой мысли не смѣлъ. Громадная волна,

которая будетъ заливать и обледенять палубу и бушпритъ, тревожила и капитана.

И, вѣроятно, оттого, что это его мучило и вселяло опасеніе, Никифоръ Андреевичъ, обыкновенно ровный и добродушный съ подчиненными, раздражительно и даже съ озлобленіемъ воскликнулъ, глядя въ упоръ на красивое, взволнованное и румяное лицо помощника:

— Да что заранѣе трусу праздновать, Иванъ Ивановичъ! Что вы каркаете, Иванъ Ивановичъ! Вы не воронъ!

— Я вовсе не трусъ, Никифоръ Андреевичъ! — обидчиво вымолвилъ помощникъ.

Въ то же время почувствовалъ, что сердце упало и по спинѣ забѣгали мурашки... И онъ прибавилъ:

— Я не каркаю... Я только хотѣлъ...

— Все равно, идти надо. Первый свистокъ! — повелительно и рѣзко перебилъ Никифоръ Андреевичъ, отводя глаза.

— Есть! — отвѣтилъ въ отвагѣ отчаянія пригожій помощникъ.

И бросивъ на «обезумѣвшаго» капитана, не внимавшаго резоновъ и внезапно «окрысившагося», жалко-испуганный и укоряющій взглядъ своихъ бархатныхъ, нагло ласковыхъ черныхъ глазъ южанина, торопливо пошелъ на мостикъ.

Черезъ нѣсколько секундъ, заглушая вой вѣтра и гулъ прибоя, прогудѣли пары короткаго свистка.

Три палубные пассажира—одинъ въ лисьемъ шубѣ-пальто пожилой, рыжій лавочникъ изъ Новороссійска, съ плутоватыми раскосыми глазами, и два чеченца въ буркахъ, изъ Туапсе, съ мужественными, правильными, точно выточенными худощавыми молодыми лицами—

примостившись на своихъ настилкахъ у горячей трубы, посматривали то на капитана, то на матросовъ.

И лавочникъ, торопившійся домой, чтобы получить съ кого-то въ срокъ деньги и по алчности не рѣшившійся, несмотря на страхъ, остановиться въ Ялтѣ до слѣдующаго парохода, хотя и смертельно боявшійся моря,—закусывалъ воблу и ситникъ, пока не качаетъ, и, блѣдный, испуганно прислушивался къ шуму моря и крестился. А чеченцы ѣли хлѣбъ и овечій сыръ и дрожали подъ своими бурками покорные Аллаху.

Видъ капитана и матросовъ не наводилъ унынія и обнадеживалъ.

И лавочникъ говорилъ черкесамъ:

— Понимай, чиркесь... Ежели праходъ уходитъ, значитъ секимъ башки намъ не будетъ! И капитанъ знаетъ.

Черкесы слушаютъ, едва понимаютъ и безмолвствуютъ, съ видомъ фаталистовъ, ожидающихъ своей участи.

Матросы послѣ свистка стали напряженнѣе и угрюмѣе. О томъ, что впереди, не разговаривали. Каждый про себя думалъ, что матросская жизнь каторжная и что въ морѣ жутко. Того и гляди, не увидишь берега.

Художникъ, окончивъ два эскиза, взглянулъ на море и, обращаясь къ молодой дѣвушкѣ, словно бы въ экстазѣ, воскликнулъ:

— Какая грозная красота... И какъ хорошъ прибой!

«Что за скотина!»—подумалъ пригожій студентъ и возбужденно и сердито произнесъ:

— Какой опасности подвергаются люди! Въ ней красоты мало!

И красивая барышня посмотрѣла на пароходъ и

догадалась, что ѣдущимъ на пароходъ не до красотъ природы.

— Бѣдные!—застѣнчиво промолвила барышня, обращаясь къ студенту и словно бы извиняясь, что она, восхищаясь моремъ, забыла о людяхъ.

И въ эти минуты среди любопытныхъ изъ сѣрой публики раздавались восклицанія, полныя сочувствія и сожалѣнія къ морякамъ:

— Отчаянный капитанъ.

— И буря-то страсть!

— Не бойсь, не боится идти!

— Какъ-то дойдетъ праходъ.

— Матросикамъ-то какъ... Замерзнутъ!

— Вызволилъ бы ихъ Николай угодникъ!

— Спаси ихъ Господь! Не сдѣлай сиротъ!

И кто-то истово перекрестился.

Капитанъ услышалъ эти замѣчанія и опять вспомнилъ о своихъ.

«И какого чорта я не остался въ Севастополѣ!»— снова упрекнулъ себя Никифоръ Андреевичъ, скрываясь въ рубку.

Онъ приказалъ буфетчику подать чай и коньякъ и, оставшись одинъ безъ свидѣтелей, Никифоръ Андреевичъ не выглядѣлъ рѣшительнымъ.

Но мысль о томъ, что остаться бы въ Ялтѣ и спастись, рискуя разбить пароходъ, даже не пришла ему въ голову.

V.

Какъ только «Бакланъ», прогудѣвъ о приходѣ, ошвартовался у мола, Антонъ Жученко, чернявый и курчавый молодой матросъ съ безшабашно-смѣлымъ и жизнерадостнымъ пригожимъ лицомъ, то и дѣло прибѣгалъ на корму и взволнованно и жадно вглядывался въ начало мола, поджидая кого-то.

Онъ не обращалъ вниманія ни на завывающее море, ни на ледяной вѣтеръ, трепавшій его шелковистую бородку и кудрявые волосы, выбивавшіеся изъ-подъ матросской нахлобученной шапки, и, казалось, въ своемъ, не особенно тепломъ, буршлатѣ, застегнутомъ наглухо, не чувствовалъ рѣзкаго холода.

Словно прикованный, весь нетерпѣніе и ожиданіе, онъ впивался въ каждую женщину, показывавшуюся на поворотѣ съ улицы на молъ и сколько-нибудь наминавшую ему издали ту, которую онъ такъ возбужденно ждалъ.

И его острые, какъ у ястребка, каріе и лукавые глаза вдругъ загорались радостнымъ блескомъ, и взглядъ становился нѣжнымъ, ласкающимъ и влюбленнымъ. Ему видѣлось, что спѣшитъ его желанная, любимая...

Это она, Матреша... Невысокая, аккуратная, такая франтоватая...

Но еще минута, и матросъ увидалъ не ту, которую ждалъ...

«И что за рыло!» — мысленно досадовалъ Антонъ. Его лицо, быстро мѣняющее выраженія, уже омрачилось. И, подавленный и тоскливый, Антонъ снова

взглядывалъ въ показывавшіяся женскія фигуры и, не видя Матрешы, начиналъ волноваться и злиться.

Прошло полчаса. Время казалось безконечнымъ.

Прогудѣлъ долгій свистокъ и за нимъ короткій первый.

Антонъ былъ въ отчаяніи. Въ слѣдующее мгновение, взбѣшенный и ревнивый, онъ уже питалъ злыя обвиненія противъ Матрешы и мысленно повторялъ:

— Подлая!.. Шельма!

Антонъ уже рѣшилъ, что изъ-за такой «подлянки» не стоитъ убиваться. «Ну ее, сволочь, къ чорту. Наплевать! При первой же встрѣчѣ искровянить ея обманную рожу».

Однако не отходилъ отъ кормы.

Антону дѣлалось обиднѣе и оскорбительнѣе.

«Онъ былъ приверженъ до дурости, сохранялъ законъ, былъ ласковъ, не пьянствовалъ, не ругалъ и— дуракъ, какъ есть дуракъ—не билъ, какъ бы слѣдовало, чтобъ понимала. Онъ въ бурю уйдетъ, а ей все равно... Видно, опять зашилохвостила...»

— Безстыжая обманщица!..—прибавилъ онъ вслухъ.

И Антону нестерпимо захотѣлось видѣть сейчасъ, сію минуту эту «подлюю», чтобы все обнаружить. Онъ покажетъ себя, какъ обманывать... Покажетъ и потомъ пусть убирается навѣкъ.

Матросу секунда казалась теперь цѣлой вѣчностью! Онъ загорѣлся и словно бѣшенный сбѣжалъ съ парохода и бросился къ агентству.

Два пожилые носильщика армяне сидѣли у стѣны, притулившись за вѣтромъ.

— Братцы!.. Спѣшка!.. Кто съѣздитъ духомъ въ городъ?

Оба равнодушно подняли большіе влажные и лѣнвые глаза на нетерпѣливаго матроса и спрятали въ гарусные шарфы, намотанные на шеѣ, свои большіе, сизые, мясистые носы.

Ни одинъ даже не отвѣтилъ.

— Идолы! Не даромъ. Заплачу!

— Дежурный. Нельзя!—отвѣтилъ одинъ.

— И мнѣ нельзя!—промолвилъ другой.—А ты не баринъ, не ругайся!—обидчиво прибавилъ онъ.

— Цѣлковый дамъ!

— А куда?—вдругъ разомъ спросили оба носильщика, нѣсколько оживляясь.

— Въ Виноградную.

— Морозъ-то какой. Хо-хо-хо! А тебѣ какая такая спѣшка?—спросилъ болѣе добродушный и любопытный носильщикъ.

— Дать знать жонкѣ, чтобы явилась. Наживешь карбованецъ, армяшка!

— Не подходитъ. А ты вотъ мальчика пошли, сродственника племянника. Умный, все справитъ. Наумка!..

Подошелъ черномазый, черноглазый и носатый мальчикъ.

Антонъ облегченно вздохнулъ и торопливо заговорилъ:

— Живо, Наумка! Бери перваго извозчика и жарь въ Виноградную, домъ Кукораки... Знаешь?

Мальчикъ утвердительно кивнулъ.

— Въ домѣ меблированныя комнаты барышни Айканихи... Не забудешь?

— Знаю Айканиху.

— У нея въ горничной Матрена. Пусть въ одинъ секундъ сюда на извозчикѣ съ тобой... Молъ, матросъ

Антонъ наказалъ, чтобы безпремѣнно. «Бакланъ», скажи, въ «рейць» отходить... Штормъ! Понялъ?

— Все поняли!—хитро улыбаясь, отвѣтилъ Наумка.

— Вали, Наумка!—кинулъ Антонъ, подавая мальчику деньги на извозчика. — Постарайся, цѣлковый.

— А если пароходъ уйдетъ?—вкрадчиво спросилъ Наумка.

Оба носильщика хихикнули.

— Бѣги же! Да летомъ! Отдамъ дядѣ!—грозно закричалъ Антонъ.

И маленькій Наумка, словно бы жеребчикъ, получившій внезапно плеть, помчался со всѣхъ ногъ.

— Наумка молодецъ... Исправно сполнить. Онъ—башка, даромъ, что малъ!—любовно сказалъ носильщикъ, восхищенный предусмотрительностью племянника, и подумалъ, что слѣдуетъ съ Наумки получить «могарычъ».

Но матросъ не уходилъ и волновался.

— Будь спокоенъ, Наумка не обманетъ—возьметъ извозчика!—прибавилъ Наумкинъ дядя.

— То-то не обманетъ... А ужъ и шельмоватый Наумка!

— Понятливый. И привезетъ твою супружницу. Только отпустила бы Айканиха. Строгая барышня... укусная!—протянулъ армянинъ.

— Знаю, что укусная и зудитъ. Однако не по-смѣетъ... И Матрешка не овца... Отчекрыжитъ... Бойкая на языкъ.

Въ эту минуту мальчикъ сѣлъ въ коляску, вѣзжавшую на молъ, и скрылся.

— Спасибо, братцы!

Съ этими словами Антонъ побѣжалъ на пароходъ.

Снова прислонившись къ борту кормы, онъ впился впередъ на молъ и, взволнованный, и вздрагивающій, будто въ лихорадкѣ, повторялъ:

— И что за сволочь Матрешка!

А въ голосъ его невольно дрожала нотка любви.

Прогудѣлъ второй звонокъ. Лебедка еще работала, принимая бочки. Сердце Антона усиленно забилося.

Имъ овладѣла лишь одна мысль:

«Успѣетъ ли пріѣхать эта подлая Матрешка?»

VI.

«Айканиха», какъ вульгарно и неподходяще называли носильщики и Антонъ фамилію Ады Борисовны, да еще считали ее «уксусной», — тонкая и деликатнаго обращенія дѣвица, точный возрастъ которой никто въ точности не зналъ, но во всякомъ случаѣ предполагали, что Адѣ Борисовнѣ отъ тридцати до сорока.

Бѣлобрысая, съ щурящимися, маленькими, близорукими, порой мечтательными глазами, съ мелкими кудряшками у лба, высокая и худая, какъ спичка, благоухающая *chir'omъ* и втайнѣ влюбчивая, Ада Борисовна, благодаря изяществу сдержанныхъ манеръ, пышнымъ складкамъ на лифѣ, выхоленнымъ рукамъ въ кольцахъ и кое-какимъ секретамъ нѣжности кожи лица, казалась близорукимъ мужчинамъ еще недурной, особенно подъ густой вуалеткой и безъ солнечнаго или луннаго освѣщенія на берегу моря.

Имѣтъ пансіонъ, какъ считала Ада Борисовна приличнѣе называть свои меблированные комнаты въ двухъ-этажномъ домѣ, она не считала «компроментантнымъ»

занятіемъ хотя бы для образованной дѣвушки изъ порядочнаго общества и генеральской дочери, жаждавшей самостоятельности и какого-нибудь дѣла. Вдобавокъ пансіонъ, вполне приличный и семейный, даетъ не только полезную дѣятельность, но вмѣстѣ съ тѣмъ и хорошій доходъ во время сезона, когда порядочные пріѣзжіе не опалѣваютъ отъ серьезныхъ цѣнъ, проносимыхъ съ любезной улыбкой изящно одѣтой, благоухающей и корректной Адой Борисовной.

Хоть Ада Борисовна и влюбчива, но это не мѣшаетъ ей быть дѣловитой и аккуратной хозяйкой, понимающей значеніе сезона и несоотвѣтственныхъ цѣнъ за комнаты. Она необыкновенно заботлива о своихъ жильцахъ, особенно зимой, когда пріѣзжихъ такъ мало и пустующихъ комнатъ такъ много. Она умѣетъ примирять беспокойныхъ и нервныхъ жильцовъ съ кое-какими неудобствами, вродѣ холода въ комнатахъ, щелей въ рамахъ и слишкомъ маленькихъ порцій за завтраками и обѣдами,—безконечной внимательностью, знаніемъ трехъ языковъ и научно доказанными фактами о пользѣ для здоровья прохладнаго воздуха въ комнатахъ и домашняго простого и свѣжаго обѣда безъ излишества. И въ подтвержденіе своихъ теоретическихъ сообщеній Ада Борисовна рассказывала, какъ быстро поправлялись жившіе въ ея пансіонѣ прошлой зимой князь Булатовскій, извѣстный писатель Ракушкинъ и одинъ молодой офицеръ фонъ-Дорфъ.

Участливая къ своимъ жильцамъ, что сказывалось и въ ласковомъ взглядѣ маленькихъ глазъ, и въ мягкомъ сопрано, иногда доходящемъ до тремоло, Ада Борисовна или заходила къ жильцамъ, или приглашала въ свою уютную и хорошо убранную гостиную со мно-

жествомъ фотографій прежнихъ жилищъ и жильцовъ съ болѣе или менѣе извѣстными фамиліями. И чтобы сколько-нибудь развлечь тоскующихъ на чужбинѣ по семейной обстановкѣ, хозяйка не безъ увлеченія и мастерства бесѣдовала о разныхъ темахъ, дипломатически принаравливаясь къ взглядамъ гостя или гостя.

Ада Борисовна болтала о литературѣ, о политикѣ, о своемъ знатномъ происхожденіи, о дороговизнѣ въ Ялтѣ провизіи, о задачахъ жизни и, случилось, не безъ патетическихъ нотокъ рассказывала объ одиночествѣ непонятыхъ душъ. Въ интимной бесѣдѣ съ какой-нибудь понимающей собесѣдницей Анна Борисовна рассказывала, разумѣется, въ третьемъ лицѣ, объ одномъ романѣ, испортившемъ жизнь. Она любила. Онъ представлялся, что любить, но вскорѣ обнаружилось, что онъ хотѣлъ жениться изъ-за низменныхъ цѣлей—изъ-за приданого и протекціи отца. И она отказала и съ тѣхъ поръ уже никогда не любила... Знала Ада Борисовна и много пикантныхъ романовъ пріѣзжавшихъ въ Ялту дамъ. Осторожно, не называя именъ героинь, Ада Борисовна рассказывала о наивной простотѣ завязокъ этихъ романовъ, брезгливо удивляясь, что можно увлекаться такими героями какъ татары-проводники. И не безъ негодованія прибавляла, что имъ «Богъ знаетъ за что» московскія купчихи и даже генеральши платили шальные деньги. Вообразите?

Зимой, ради экономіи, Ада Борисовна держала только одну горничную, Матрешу, которая живетъ въ пансіонѣ уже пять лѣтъ, и расторопная и знающая свое дѣло должна была, по мнѣнію Ады Борисовны, одна справляться, хотя ей, конечно, трудно вездѣ поспѣвать.

Зато Ада Борисовна давала Матрешѣ соотвѣт-

ствующія инструкции о томъ, въ какихъ номерахъ слѣдуетъ быть исправнѣе и къ кому внимательнѣе, имѣя въ виду характеръ и положеніе жильцовъ, размѣръ ихъ платы и время возможнаго пребыванія въ пансіонѣ.

Ада Борисовна, разумѣется, не могла не дорожить ловкой и приличной горничной, хотя и считала ее «продувной бестіей» и не безъ тайной зависти злобствовала на Матрешу за то, что она особенно нравится жильцамъ.

Какъ ни возмущала Аду Борисовну безнравственность Матрешы, тѣмъ не менѣе практическая сметка хозяйки пересиливала зависть и невольную брезгливость увядавшей дѣвицы. И она не преслѣдовала Матрешу за флиртъ, хорошо понимая, что жильцы болѣе привязываются къ пансіону, не поднимаютъ исторій изъ-за какихъ-нибудь пустяковъ и какъ-то становятся веселѣе, когда видятъ въ комнатѣ внимательную и услужливую горничную. Тѣмъ болѣе терпѣла, что Матреша настолько была сообразительна и знала строгія правила барышни, что не допускала «гадостей», которыя могли бы испортить репутацію ея пансіона.

Къ тому же, Матреша годъ тому назадъ вышла замужъ и, конечно, должна вести себя осторожнѣе. Вѣдь любитъ же она этого влюбленнаго Антона. Не даромъ же она, не послушавъ добрыхъ совѣтовъ Ады Борисовны, сдѣлала глупость — вышла замужъ за грубаго, безъ гроша матроса, и тѣмъ огорчила ее. Хоть Матреша и обѣщала остаться, но вѣдь, того и гляди, уйдетъ и оставитъ безъ опытной и привычной горничной хозяйку, которой была обязана и своимъ положеніемъ и деньжонками.

«Неблагодарныя!» — думала Ада Борисовна.

VII.

Матреша была хорошо сложенная, ослѣпительно-бѣлая, рыжеволосая блондинка, лѣтъ двадцати пяти-шести на видъ, небольшого роста, крѣпкая, свѣжая, дышавшая здоровьемъ, съ привѣтливымъ и сдержанно-лукавымъ взглядомъ быстрыхъ и смысленыхъ глазъ, умѣвшихъ, казалось, говорить краснорѣчивѣе словъ, съ слегка вздернутымъ носомъ, пышными губами и черной родинкой на щекѣ — придающей пикантность миловидному и кокетливо-задорному лицу Матрешы.

Щеголевато приодѣтая, въ бѣломъ фартукѣ и въ высокомъ французскомъ чепцѣ, опрятная, вѣжливая безъ угодливости, Матреша въ одиннадцатомъ часу убирала третій номеръ, особенно рекомендованный барышней. Матреша старательно и усердно вытирала каждый день со всѣхъ вещей пыль, послѣ того, какъ подметала полъ, и убирала постель въ маленькой сосѣдней спальнѣ, потомъ прибирала письменный столъ, складывала къ мѣсту газеты и быстро являлась на электрическій звонокъ жильца.

Онъ, требовательный, мелочный, страдавшій болѣзнью печени, платилъ за свои двѣ комнаты дороже, чѣмъ другіе, чтобы только пользоваться особеннымъ вниманіемъ и быстрымъ исполненіемъ своихъ законныхъ просьбъ, какъ внушительно говорилъ «№ 3», отучившій петербургскій чиновникъ второй молодости, приѣхавшій въ Ялту для отдыха отъ неимовѣрно долгаго сидѣнія въ департаментѣ и не терявшій еще надежды на возвращеніе силъ первой молодости.

«№ 3» жилъ уже болѣе мѣсяца и, видимо довольный, заплатилъ Матрешѣ пять рублей за мѣсяцъ услугъ. Онъ напускалъ серьезный видъ, когда Матреша приходила убирать и подавала самовары, завтраки и обѣды, хотя изъ-подъ густыхъ сѣдыхъ бровей незамѣтно бросалъ на Матрешу загоравшіеся глупые взгляды и снова отводилъ глаза и дѣлался серьезнѣе, не рѣшаясь на авантюру, о которой втайнѣ мечталъ. Аккуратный, онъ часто прикидывалъ, во что обошлась бы авантюра, если бы эта «штучка» согласилась хотя бы на флиртъ и, главное, не болтала бы объ этомъ, чтобы не скомпрометировать репутаціи солиднаго виднаго чиновника въ генеральскомъ званіи.

Однако сегодня, когда Матреша окончила уборку и хотѣла-было уходить изъ комнаты, жилецъ внезапно проговорилъ серьезнымъ тономъ:

— А сегодня прохладно у васъ, Матреша... А?..

— Сильный вѣтеръ, баринъ.

— Какой?..

— Нордъ-остъ.

— Вы, Матреша, говорите, нордъ-остъ?..

И, внезапно понижая голосъ, прибавилъ:

— А вы не озябли, Матреша?..

— Мнѣ не холодно!—улыбнулась Матреша.

— И вечеромъ не холодно?.. А?.. Вечеромъ холоднѣе... Или у васъ горячая кровь, Матреша?..

— Я молодая, баринъ... Оттого и кровь горячая...

Матреша кокетливо и вызывающе повела глаза на жильца «второй молодости».

Старикъ осоловѣлъ и шепнулъ:

— А вѣдь вы прехорошенькая, Матреша.

— Будто?..

— Право, очень хорошенькая... Гдѣ вашъ мужъ?..

— Въ разлукѣ!.. Онъ матросъ...

— У такой милой Матрешы и матросъ?.. Удивительно! И скучно по мужъ?

— Какъ по мужъ не скучать...

— А знаете ли что, Матреша?..

— Что, баринъ?..

— Только между нами...

— Я не болтушка, будьте спокойны...

— Вы мнѣ очень нравитесь, Матреша... И вотъ позвольте подарить золотой...

Съ этими словами жилецъ подошелъ къ Матрешѣ и подалъ пять рублей.

— За что?

— А за вашу красоту... И постоянно радъ вамъ давать по стольку, если... если... позвольте васъ поцѣловать... Въ этомъ... ээ... ээ... право, Матреша, ничего дурного! — прибавилъ жилецъ.

Торопливо и почти что съ серьезнымъ дѣловитымъ видомъ Матреша сунула золотой въ карманъ юбки и подставила свою бѣлую, упругую щеку.

Не глядя на раскраснѣвшееся, млѣвшее лицо жильца второй молодости, который припалъ къ шеѣ носомъ, Матреша съ безгловымъ чувствомъ ощущала слюнявые губы и поцѣлуи, которыхъ столько продавала во время сезона съ такимъ же дѣловитымъ равнодушіемъ. И, прислушиваясь къ двери, Матреша, привыкшая къ курортнымъ нравамъ, думала:

«Никакой тутъ мерзости нѣтъ. Здѣсь барыни еще хуже. Меня не убудетъ отъ этихъ поцѣлуевъ блудливаго старика. А между тѣмъ лишнія деньги пригодятся для дома: для меня и Антоши».

Черезъ двѣ-три минуты она уже рѣшила, что за пять рублей уплата произведена, и, оттолкнувъ осоловѣлаго старика, шепнула:

— Будетъ! Еще барыня войдетъ... Каково?

Старикъ испуганно отошелъ къ столу и, присаживаясь, пролепеталъ сдавленнымъ голосомъ:

— Милая... Обворожительная! Еслибъ вы знали какъ я васъ... люблю!

— Знаю!..—насмѣшливо промолвила Матреша.

— Такъ заходите вечеромъ... на четверть часа... Придете?

— Можетъ быть!—неопредѣленно засмѣялась Матреша.

— Я снова подарю золотой...

— Но только помните уговоръ: кромѣ поцѣлуевъ, какъ сейчасъ, ничего!..

— И флиртъ съ вами наслажденіе, Матреша... О, какая вы милая, Матреша!..

«И какой ты противный!» — подумала Матреша, улыбаясь глазами.

Въ эту минуту въ двери тихо постучали.

Матрена уже сметала книги съ этажерки пуховкой, какъ ни въ чемъ не бывало, а жилецъ хриплымъ голосомъ разрѣшилъ войти и успокоился, что въ дверяхъ стояла толстая, пожилая кухарка. Извинившись, что осмѣлилась побеспокоить генерала, она сказала, что зовутъ Матрешу.

— Мальчикъ какой-то ждетъ тебя въ кухнѣ!—шепнула въ корридорѣ кухарка.

Обѣ спустились въ кухню. Наумка торопливо доложилъ Матрешѣ о своемъ порученіи и что извозчикъ ждетъ. Пароходъ скоро уходитъ. Ужъ второй свистокъ.

Матреша обрадовалась, почему-то смутилась, бѣгомъ вернулась наверхъ и нетерпѣливо постучала въ комнату Ады Борисовны.

И, впущенная, возбужденно и почтительно проговорила:

— Позвольте на полчаса отлучиться, барышня!

— Это зачѣмъ?—съ неудовольствіемъ спросила хозяйка, подозрительно взглядывая на взволнованное лицо Матрешы.

— Антонъ прислалъ за мной. «Бакланъ» уходитъ. И какая буря, барышня!—прибавила тревожно Матреша.

— Твой матросъ могъ бы самъ забѣжать... И что матросамъ буря... А ты дома нужна.

— Антону, значитъ, нельзя.

— И тебѣ нельзя... Скажите пожалуйста, что за проводы!

Оскорбленная, возбужденно возвышая голосъ, Матреша проговорила:

— Кажется, безъ необходимости утромъ не прошусь, барышня. Ровно каторжная у васъ работаю... Не зудите, барышня, и отпустите, а не то и безъ спросу уѣду...

— Не будь дерзкая, Матреша!.. Номера третій и пятій убраны?

— Убраны.

— Уѣзжай и скорѣй возвращайся!.. И что у насъ за прислуга!—вздохнула Ада Борисовна.

Но Матреша этихъ словъ, вѣрно, не слыхала. Она была уже въ своей маленькой комнатѣ въ первомъ этажѣ, противъ комнаты Ады Борисовны, торопливо обвязала шею голубой лентой, надѣла теплое пальто съ барашкомъ на воротникѣ, новую шляпку, перело-

жила изъ кармана золотой, только что полученный отъ жильца № 3, въ портмонэ и выбѣжала на улицу.

Черезъ минуту она съ Наумкой ѣхала на молъ.

Чѣмъ ближе подъѣжала коляска къ молу, тѣмъ ужаснѣе казалась буря.

И Матреша чувствовала себя виноватой передъ Антономъ, что онъ все еще матросомъ и долженъ идти въ такую бурю.

«Могла бы уже съ нимъ не разлучаться. Деньги-то прикоплены»,—думала Матреша и взволнованно повторяла:

— Ради Бога, поскорѣе, извозчикъ! Поскорѣе, голубчикъ!

VIII.

Едва сдерживая безумную радость, охватившую Антона, когда онъ увидалъ коляску, въ которой сидѣла Матреша, казалось, еще красивѣе и франтоватѣе,—онъ ужъ и не подумалъ больше о томъ, чтобы «показать себя» Матрешѣ и искровянить ея «обманную рожу».

Но словно бы стыдясь показать, какъ онъ обрадовался и какъ онъ ее любитъ, Антонъ встрѣтилъ Матрешу, когда она взбѣжала на пароходъ, не особенно горячо и, напуская на себя беззаботный видъ, пожалъ руку и проговорилъ:

— Однако и поздно, Матрешка... Полагалъ, и не приѣдешь...

— Не знала, что пришелъ... Письмо бы послалъ...

— Послалъ...

— Не получила, Антоша, честное слово!..

Антонъ отдалъ рубль Наумкѣ и повелъ Матрешу внизъ, въ матросскую каюту.

— Не бойсь, торопилась?..

— Еще бы!

Матреша обвила шею Антона и крѣпко, крѣпко поцѣловала его... Глаза ея блестяи такою любовью, что Антонъ, счастливый и радостный, восторженно любовался Матрешей и, словно не находя словъ, нѣсколько секундъ молчалъ.

И спросилъ наконецъ:

— А живешь какъ у своей уксусной?

— Подлая... Не хотѣла отпускать сегодня... Сказала, что и безъ спросу уѣду...

— Молодца ты у меня, Матрешка.

Онъ крѣпко сжалъ ея руку и прибавилъ:

— Вернемся съ рейца, къ тебѣ забѣгу.

— Не ходи ты въ рейць. Слышишь? Оставайся здѣсь. Ёдемъ! — возбужденно говорила Матреша.

И въ голосѣ ея звучала мольба. И глаза ея такъ нѣжно ласкали...

— Никакъ нельзя.

— Сдѣлай для меня... Штормъ-то какой... О, Господи!

— Служба. И нехорошо уйтить. И подъ судъ уйдешь, если сбѣжишь... Понимаешь?

Матреша понимала не то, что уйти нехорошо, а то, что посадятъ въ тюрьму. Но теперь она понимала, что виновата передъ Антономъ, когда уговаривала его не оставлять пока мѣста рулевого на пароходѣ, благо жалованье хорошее, и сама не хотѣла бросать мѣста горничной. Доходы соблазнили ее и послѣ интимности съ Антономъ и выхода за него замужъ.

Она скрывала это отъ него. Вѣдь доходы не мѣшали ея любви къ Антону, но онъ бѣшенный, ревнивый... Вызналъ бы все, живя въ Ялтѣ.

И, охваченная позднимъ раскаяніемъ, она заплакала.

— Не реви, Матрешка... Чего ревѣть?—съ необыкновенной нѣжностью проговорилъ матросъ, тронутый страхомъ Матрешы за него и самъ отлично понимающей опасность шторма.

И, стараясь поцѣлуями вытереть слезы, онъ, чтобъ подбодрить Матрешу, прибавилъ своимъ увѣреннымъ и безшабашнымъ тономъ:

— И чего бояться? До Керчи дойдемъ, тамъ и отстоимся... И телеграммъ тебѣ пошлю!

Матреша улыбнулась сквозь слезы. И черезъ минуту, хорошо знающая власть своего обаянія надъ Антономъ, рѣшительно и повелительно сказала:

— Какъ рейцъ кончишь, проси расчетъ. Слышишь? Не хочу я больше мужа матросомъ!

— Обязательно возьму расчетъ, коли ты хочешь быть при мужѣ!..

— То-то хочу и чтобъ вмѣстѣ жить, Антоша... на одной квартирѣ... Надоѣло врозь... Брошу я свою Айканиху!

Обрадованный Антонъ сіялъ побѣдоносно.

— То-то пришла въ расудокъ, Матрешка... Давно звалъ тебя вмѣстѣ жить, какъ полагается форменно супругамъ.. И я мѣсто прищу... въ дворники поступлю, а то не здѣсь, такъ въ Севастополѣ. Не бойсь, тебѣ не нужно въ людяхъ жить.

— Придумаемъ, какъ лучше, Антоша... Деньжонки есть.

— Скопила?

— Такъ по малости на мѣстѣ...

И, замѣтивъ, что Антонъ не обрадовался этимъ словамъ, прибавила, любуясь своимъ пригожимъ и ревнивымъ мужемъ:

— Не нравится, что живу въ горничной?

— А ты какъ полагала, Матрешка? Лестная, что ли, твоя должность! Развѣ, что только выгодная, ежели вертишься день деньской да жильцамъ ублажай, чтобы были довольны... Хуже нѣтъ... И между ими есть прямо таки подлецы! Думаютъ съ деньгамъ и господа... Облестительная, молъ, горничная... Такъ и безъ разговора ее упоцѣлуетъ. Свины!

— Всякіе есть... И отваживаешь!—лгала Матреша, чтобъ не оскорбить Антона.—Недавно еще... въ третьемъ номерѣ, старый генералъ приставалъ...

— А ты бы его въ морду, Матрешка! Молъ, въ законѣ!—вспыльчиво воскликнулъ матросъ.

— И такъ отсталъ... Не воображай... Будь покоенъ, обожаю своего Антошку... Милый! Вернешься только въ Ялту — ну ихъ съ пансіономъ! — горячо говорила Матреша, охваченная страхомъ за мужа.

И прильнула къ его губамъ. Потомъ вспомнила о золотомъ и сунула его Антону.

— А ты, Матрешка, знай, что окромѣ тебя, ни на кого не взгляну. Завладѣла!..

Въ каютѣ сильно покачивало. Въ открытыя двери донесся окрикъ:

— Свистокъ!

Антонъ истово и серьезно поцѣловался троекратно съ Матрешей, и они вышли наверхъ.

— До свиданія, Матрешка!

— Прощай, мой желанный!

Загудѣлъ третій свистокъ. Матреша сбѣжала со сходни. Антонъ поднялся на мостикъ и сталъ къ рулю съ подручнымъ.

Старый капитанъ въ дождевикъ поверхъ теплаго пальто, обмотанный шарфомъ и въ теплыхъ англійскихъ перчаткахъ, озабоченный стоялъ на мостикѣ, обернувшись къ кормѣ, чтобы не прозѣвать хода впередъ при отдачѣ швартововъ, и пароходъ не ударился бортомъ о стѣнку мола.

Увидавъ своего любимца, славнаго рулевого, Никифоръ Андреевичъ кинулъ:

— Легко, Антонъ, снарядился. Зазябнешь. Есть полушубокъ?

— Есть, вашескобродіе. Не успѣлъ одѣться. Снимемъ, надѣну.

— Видно, жена помѣшала?

— Приѣзжала проводить, Никифоръ Андреечъ!

Убрали сходню. Никого изъ постороннихъ не осталось.

— Отдавать швартовы!—скомандовалъ капитанъ.

И сію же минуту, какъ только что стали отдавать швартовы, капитанъ возбужденно крикнулъ по телефону въ машину:

— Полный ходъ впередъ!

Машина застучала, и винтъ забуровилъ. «Бакланъ» отходилъ отъ пристани и, раскачиваясь съ бока на бокъ, обдаваемый верхушками волнъ, направился, сдѣлавъ поворотъ налѣво, въ море.

Капитанъ тихонько перекрестился и, полный рѣшимости не оставить мостика, чтобъ бороться съ штормомъ, съ угрюмымъ видомъ челоуѣка, для котораго

нѣтъ выхода изъ положенія, смотрѣлъ впередъ и тоскливо смотрѣлъ и слушалъ, какъ на просторѣ дьявольски поднимаются и режутъ волны.

Придерживая зазябшей рукой шляпку, Матреша стояла у края пристани, не спуская глазъ съ Антона, ворочавшаго рукоятку штурвала. Ужасъ отражался въ расширенныхъ зрачкахъ Матрешы при мысли, что Антону не вернуться. Напрасно стараясь улыбнуться, она кивала на пароходъ головой, чувствуя, какъ рыданія перехватываютъ горло.

Прибой грохоталъ, и волны гудѣли.

Въ публикѣ ахнули. Многіе крестились, точно прощались. Никто не спускалъ глазъ съ отошедшаго парохода.

«Бакланъ» только-что отошелъ, какъ качка уже «трепала» пароходъ. Носъ его стремительно опускался, словно зарываясь въ воду, и корма взлетала словно на дыбы. И мгновеніями «Бакланъ» скрывался отъ глазъ и снова показывался такой маленькій, метающійся, захлестываемый бѣшенными волнами и, казалось, обреченный на гибель.

По мѣрѣ того, какъ «Бакланъ» удалялся отъ мола, пароходъ казался съ берега еще безпомощнѣе и чаще закрытымъ волнами.

Публика стала расходиться.

Зрители «посѣрѣе», подавленные, подъ впечатлѣніемъ потрясающаго зрѣлища обреченныхъ людей, бросали недружелюбные короткіе взгляды на тѣхъ изъ немногихъ возвращающихся съ мола господъ, которые, тепло одѣтые и довольные, внушительно и громко восхищались грознымъ моремъ и бѣснующимся прибоемъ и съ веселой развязностью болтали и смѣялись.

Матреша съ красными отъ слезъ глазами, удручен-ная тоскливыми думами объ Антонѣ, тихо и раздум-чиво, ни на кого не глядя, проходила въ толпѣ, на-правляясь къ извозчикамъ, чтобъ спѣшить домой. Ее нагналъ жилецъ пятого номера пансіона «Айканихи», маленькій круглый молодой человѣкъ въ щегольскомъ мѣховомъ пальто и въ бобровой бояркѣ, мѣсяць тому назадъ пріѣхавшій изъ Петербурга въ Ялту отдыхать отъ чего-то и зачѣмъ-то вдохновляться моремъ. Нека-зистый, со скуластымъ, румянымъ и самодовольнымъ лицомъ, онъ заглянулъ въ лицо Матрешы и слегка по-бѣдоноснымъ и наглымъ теноркомъ воскликнулъ:

— И вы полюбоваться природой, Матреша?.. Вы на морозѣ прехо...

И внезапно оборвалъ слово.

Оборвалъ и, рѣшительно сбросивъ золотое пенсне и словно бы лично оскорбленный страшнымъ порывомъ ледяного вѣтра, быстро спряталъ въ серебристый бо-бровый воротникъ свой чувствительный къ холоду, пухлый, маленькій вздернутый носъ.

Глаза Матрешы сверкнули презрительнымъ огонь-комъ. Она отвернулась отъ «пятого номера» и пошла скорѣе. А молодой человѣкъ удивленно и обиженно взглянулъ на Матрену, такую внимательную и лю-безную въ пансіонѣ и такую грубую на улицѣ.

— И глупый же, однако, кобель!—громко прогово-рилъ какой-то рабочій.

А Матреша слышала, какъ около нея какой-то ста-рый, обросшій, смуглый грекъ говорилъ такой же ста-рой гречанкѣ, что «Баклану» не дойти и что такого шторма и не вспомнить. Слышала и отъ другихъ про-

ходящихъ такія же безнадежныя замѣчанія и видѣла тревожныя лица.

Совсѣмъ потерянная, сѣла Матреша въ коляску и велѣла ѣхать домой.

Вернувшись, она стала прибирать неубранные номера и накрывать въ столовой къ завтраку... Пансіонъ ей сталъ нестерпимъ.

Ада Борисовна увидала мрачную Матрешу въ столовой и проговорила мягкимъ вкрадчивымъ голосомъ, искренности которому Матреша не вѣрила:

— Что съ тобой, Матреша? Нельзя же быть горничной съ такимъ мрачнымъ лицомъ. Можно подумать, что тебя обидѣли, и ты дуешься. На кого ты дуешься? Уже не на меня ли?

— Я не дуюсь, барышня.

— Вотъ и порадовала. Вѣдь я, кромѣ добра, ничего тебѣ не сдѣлала. Пять лѣтъ живешь и, слава Богу, и я довольна, и жильцы тобой довольны. А мнѣ было казалось, что дуешься на меня?

— Зачѣмъ дуешься? Не понравится, и взяла расчесть!—проговорила Матреша.

Ада Борисовна испугалась. «Дерзка!»—подумала она.

И, охотница до бесѣдъ по душѣ, она позвала Матрешу въ комнату и просила рассказать откровенно, что съ Матрешей. Вѣдь Ада Борисовна такъ привязана къ Матрешѣ. Она такая отличная горничная. Не даромъ же всѣ жильцы вознаграждаютъ за ея внимательность. Даже такой требовательный, какъ номеръ третій, и тотъ очень доволенъ и говорилъ, что такой добросовѣстной, какъ она, не видалъ. А этотъ старикъ важный генералъ и богатый... Только будь внимательна, и онъ хорошо заплатитъ за услуги... Онъ до осени думаетъ про-

жить... И пятый номеръ, молодой человекъ, благодарилъ, что у насъ въ пансіонѣ такая аккуратная горничная.

— Ты вѣдь умница, Матреша, и всегда привѣтливая. А между тѣмъ такая мрачная.

Матрешѣ хотѣлось скорѣе отдѣлаться отъ Ады Борисовны, которая стала «облещивать» и запѣла свои разговоры.

И Матреша отрѣзала:

— Антона жалко. Оттого и невеселая!

— Но отчего жалко? Вѣдь онъ, слава Богу, здоровъ?

— Буря на морѣ. А пароходъ ушелъ! Кажется, поняли, барышня?

— Но, милая... Ушелъ пароходъ и дойдетъ, куда нужно... Зачѣмъ же ты тревожишься?..

«Зачѣмъ тревожиться!»—подумала Матреша.

И, едва сдерживая слезы, Матреша сказала:

— Мнѣ некогда, барышня. Надо накрывать къ завтраку!

Но, чтобы утѣшить Матрешу и она «не имѣла мрачнаго вида», совсѣмъ не подходящаго приличной горничной приличнаго пансіона, Ада Борисовна сказала, что задержать на минуту и проговорила:

— Вѣрь, Матреша, что опасности нѣтъ (и подумала: «а если будетъ, тогда и плачь!»). Капитанъ же знаетъ и хорошій капитанъ... И будь благоразумнѣе: не тревожь себя. Не распускайся. Не кажись неинтересной, Матреша... Ты вѣдь хорошенькая и надо беречь красоту... Мало ли какія мнительныя мысли приходятъ въ голову, но не слѣдуетъ давать имъ воли... Ты думаешь, Матреша, и у меня нѣтъ тоскливыхъ думъ? И мнѣ бываетъ грустно, но я знаю, что у меня есть обязанности

передъ жильцами, и... на людяхъ я любезна... Я обязана... Будь же хоть при жильцахъ не такой грустной... Сдѣлай для меня... У насъ вѣдь въ пансіонѣ порядочные люди, а не Богъ знаетъ какіе.

Матреша наконецъ вышла.

Всѣ эти льстивые разговоры «Айканихи» не только не успокоили и не обрадовали, но еще болѣе возбудили Матрешу противъ хозяйки. И она казалась молодой женщиной безсердечной, сухой и отвратительной съ ея «подлыми» лукавыми совѣтами, чтобы удержать жильцовъ.

Съ какимъ злорадствомъ объявить она Айканихѣ объ уходѣ... «Только получу телеграмму, что пароходъ пришелъ въ Керчь и Антонъ здоровъ!»

Такъ думала Матреша, накрывая на столъ, и по временамъ надежда закрадывалась въ ея сердце.

Вечеромъ, когда Матреша подала самоваръ жильцу второй молодости, онъ проговорилъ:

— Ты придешь?.. Ты вѣдь обѣщала, Матреша... А я опять золотой дамъ.

Но генералъ былъ оскорбленъ, когда Матреша, не скрывая отвращенія, со злостью отвѣтила:

— Никогда не смѣйте приставать... безстыжій старикашка... Наплевать мнѣ на ваши деньги... Туда же ухаживатель!

Матреша вышла и въ своей маленькой комнаткѣ плакала.

А вѣтеръ, казалось, усиливался и завывалъ громче и сильнѣе. Рвало крыши. Лѣстницы визжали и свистали. Изъ трубъ точно вылеталъ стонъ.

Матреша выскочила на улицу и, Боже! что за вихрь! Подъ блѣднымъ свѣтомъ мѣсяца блестяи замерзшія

канавки и лужицы. Ледяной, захватывающей холодъ! И какіе порывы вѣтра, пригибающіе къ землѣ деревья и рвущіе крыши и вывѣски!

«О, Господи! Что тамъ въ морѣ!» — думала Матреша.

И, вернувшись въ комнату, она, рыдая, молилась:

«Спаси, Боже, пароходъ!»

На слѣдующій день штормъ бушевалъ, какъ вчера, и жильцы жаловались, что въ комнатахъ холодно. Номера третій и пятый, необыкновенно злые и недовольные Матрешей, говорили ей, что жить въ такомъ пансіонѣ нельзя—морозятъ здѣсь—и къ вечеру Ада Борисовна упрекнула Матрешу, что она стала дерзка съ жильцами. Жаловались, что она долго не идетъ на звонки.

— Свиньи они, вотъ что! — со злостью отвѣтила Матреша и прибавила:—Холодъ въ комнатахъ. Они и за это сердятся!

Къ вечеру Матреша стала еще нервнѣе и раздражительнѣе. Телеграммы не было. Ночь Матреша спокойно спала, часто просыпалась и прислушивалась, нѣтъ ли стука въ прихожей.

Прошла ночь. Настало утро. Штормъ не стихалъ. Телеграммы не было.

Послѣ уборки комнатъ, не спросившись Ады Борисовны, Матреша поѣхала въ агентство узнать, гдѣ «Ба-кланъ?»

Въ агентствѣ отвѣтили, что о немъ нѣтъ никакихъ извѣстій.

Матреша вернулась убитая.

IX.

Никифоръ Андреевичъ съ ужасомъ видѣлъ, что штормъ крѣпчалъ, и черезъ нѣсколько часовъ послѣ выхода изъ Ялты понялъ, что идти прежнимъ курсомъ въ Θεодосію или въ Керчь, нельзя.

При громадной боковой качкѣ волны нападали на грузеный пароходъ съ обѣихъ сторонъ, поминутно вкатываясь и на палубу, и на корму, и на бакъ. И вода, застоявшаяся на палубѣ и непрерывно обрызгивающая бушпритъ и борты, быстро замерзала, покрывая ихъ льдомъ.

Матросы и пассажиры то и дѣло скалывали ледъ, но новыя волны снова наносили новый ледъ. И матросы зябли, изнемогали и снова работали, въ изступленіи невольнаго ужаса, охватывающаго при мысли о неминуемой опасности, и испуганно взглядывали съ мольбой и вопросомъ на укутаннаго капитана, дождевикъ на которомъ обледенѣлъ.

А капитанъ, придумывающій средства спасенія отъ гибели, думалъ:

«Волны зальютъ, и ледъ будетъ лишней тяжестью—она насъ увлечетъ ко дну. Надо повернуть и пойти полнымъ ходомъ по волнѣ и, Богъ дастъ, дойдемъ до Новороссійска или Батума, куда попутно».

«Только повернетъ ли счастливо пароходъ? Не залетъ ли его при поворотѣ? Тогда смерть!»—промелькнуло въ головѣ Никифора Андреевича. Казалось, смерть въ этихъ кипящихъ волнахъ, отъ которыхъ дышитъ ледянымъ холодомъ, такъ близка и неминуема!

«О Господи!»—шепнулъ капитанъ и мысленно прибавилъ:

«Выбора нѣтъ!»

Онъ видѣлъ, что ледяной штормъ неистовалъ. Носъ, ужъ обледенѣвшій не такъ легко поднимался на волну. Вездѣ ледъ. И матросы его не побѣждаютъ. Брызги мгновенно обращаются въ льдинки. И какая жестокая стужа! Онъ чувствуетъ, что ноги коченѣютъ...

Все больше и больше волнъ вкатываются на бакъ, и людямъ работать тамъ невозможно.

Капитанъ видѣлъ испуганные и молящія взгляды кучки людей, работавшихъ на обледенѣвшей палубѣ около трубы. Они вздрагивали отъ стужи, посинѣвшіе съ одеревенѣвшими пальцами, окачиваемые брызгами, покрывающими буршлаты ледяною корою.

Былъ пятый часъ утра, когда капитанъ рѣшился.

Придерживаясь за поручни, чтобы не быть снесеннымъ въ море, капитанъ подошелъ къ штурвалу, помѣщенному въ маленькой рубкѣ, и приказалъ Антону:

— Лѣво на бортъ!

И, выйдя изъ рубки, онъ смотрѣлъ, какъ покатилъ носъ вправо и... и... вдругъ... закрылъ глаза, опять ихъ открылъ и секунду, другую ждалъ гибели...

Правый бортъ кренился все ниже и ниже, все ближе и ближе къ волнамъ. Онѣ уже вливались и покрывали словно смертнымъ покровомъ...

Всѣ матросы, охваченные ужасомъ, подбѣжали къ трубѣ и... замерли, потрясенные.

Ни одинъ не крикнулъ... не молилъ...

Только мѣщанинъ изъ Новороссійска вылъ и молился, каялся въ грѣхахъ и обѣщалъ не грѣшить, если Богъ смилуетя и спасетъ...

Эти нѣсколько мгновений предсмертнаго страха казались безконечно долгими.

И вдругъ вздохъ облегченія вырвался изъ десятка грудей...

Бортъ поднялся... Волны отхлынули... И, сдѣлавши оборотъ, пароходъ выпрямился и раскачивался уже не боковой качкой, а килевой.

Всѣмъ казалось, что положеніе стало лучше.

И Никифору Андреевичу показалось, что пароходъ безопаснѣе. Надежда закралась въ изнывшую душу. Капитанъ, вызвавъ старшаго помощника подсмѣнить, бросился въ каюту, чтобы немного согрѣться. Передъ этимъ онъ велѣлъ матросамъ очищать пароходъ отъ льда посмѣнно.

Боже, какое физическое наслажденіе тепла испыталъ Никифоръ Андреевичъ въ каютѣ! И съ какимъ удовольствіемъ онъ выпилъ стаканъ горячаго чая съ коньякомъ... И съ какою надеждой онъ думалъ, что штормъ хотя немного стихнетъ!

Но къ ночи надежды почти не было. Отчаяніе уже овладѣвало капитаномъ.

Еще бы!

Бугшпритъ представлялъ собою уже гору льда. То же было и съ кормой. И пароходъ замѣтно сѣлъ ниже... Носъ все тяжелѣе взлеталъ изъ воды...

Но Никифоръ Андреевичъ, несмотря на отчаяніе, не потерялъ еще упорства въ борьбѣ.

И, озаренный счастливою мыслью, всегда трусившій начальства, Никифоръ Андреевичъ теперь не подумалъ его бояться, когда приказалъ старшему помощнику выбросить за бортъ часть груза...

Въ эту минуту изъ-за стремительно несущейся къ

югу черной и зловѣщей тучи вдругъ обнажился полный мѣсяць, красивый и блѣдный, лившій мягкій и серебристый, трепетный полусвѣтъ.

Безстрастно и холодно глядѣлъ онъ сверху и на гудѣвшее море, и на этотъ, словно бы заблудившійся, маленькій пароходъ, судорожно метавшійся въ качкѣ, изнемогавшій подъ ударами бѣшено нападавшихъ громадъ—волнъ, и на эту маленькую кучку испуганныхъ и иззябшихъ отъ пронизывающей стужи людей, напрасно работающихъ, чтобы освободить пароходъ отъ нарастающаго льда.

Глядѣлъ мѣсяць и на Никифора Андреевича, казалось, замерзшаго въ своей неподвижной позѣ, и на искаженное отъ паническаго ужаса и жалко-страдальческое лицо, съ вздрагивающими челюстями, старшаго помощника, который глядѣлъ на капитана бессмысленными, выкаченными и неподвижными глазами.

Убитымъ голосомъ помощникъ спросилъ:

— Выбросить грузъ?

— Десять тысячъ пудовъ! Поняли?—крикнулъ капитанъ.

— Есть!—уныло отвѣтилъ Иванъ Ивановичъ.

— А сію минуту отдать якорь, а то и два!—рѣзко и повелительно кричалъ Никифоръ Андреевичъ.

— Есть!—отвѣчалъ оцѣпенѣвшій отъ страха старшій помощникъ, казалось, не понимавшій цѣли этихъ приказаній.

«Гибель неизбежна! О, Господи!» — думалъ Иванъ Ивановичъ и воскликнулъ:

— Стоитъ ли бросать грузъ, Никифоръ Андреевичъ?

И чуть не рыдая, вдругъ разразился жалобными упреками:

— Зачѣмъ въ Ялтѣ не остались? Зачѣмъ? Пароходъ могъ разбиться въ щепы объ молъ, но мы были бы живы. А теперь—смерть. Зачѣмъ пошли на гибель? Вѣдь у васъ семья... у меня—невѣста... Всѣ хотятъ жить!.. И вы виноваты... вы!..

— Якорь! Грузъ за бортъ! Вы обезумѣли отъ страха? Какъ вамъ не стыдно! Мы отстоимъ пароходъ!—громовымъ голосомъ крикнулъ Никифоръ Андреевичъ, разгнѣванный, что помощникъ не вѣритъ тому, во что онъ хочетъ вѣрить.

Этотъ бѣшеный окрикъ капитана задѣлъ самолюбіе старшаго помощника, и въ то же мгновеніе проблескъ надежды на жизнь вспыхнулъ въ его сердцѣ.

И онъ, пріободренный, бросился съ мостика исполнять приказанія, которыя казались теперь малодушному молодому брѣнету необыкновенно значительными.

А у капитана, напротивъ, прежней надежды уже не было.

— Стопъ машина! — крикнулъ Никифоръ Андреевичъ.

Якорь упалъ на глубинѣ двадцати сажень.

«Бакланъ» остановился, вздрогнулъ всѣми своими членами и бросился къ вѣтру.

Съ лихорадочной поспѣшностью матросы выбрасывали за бортъ грузъ.

Облегченный, пароходъ приподнялся надъ водой. Надежда снова воскресла въ людяхъ.

X.

Но не долго надѣялись моряки.

О, что за безконечно - длинная была эта ужасная ночь на Черномъ морѣ!

Штормъ, казалось, ревѣлъ «во всю» и дошелъ до своего апогея. Морозъ захватывалъ дыханіе.

Не прерывающійся гулъ моря и вой вѣтра, потрясающій мачты и проносившійся то стономъ, то визгомъ по мачтамъ, трубѣ и бортамъ, и эти тяжелыя, ледяныя и освиръпившія волны въ такой жуткой близости, наводили ужасъ на несчастныхъ моряковъ, не испытывшихъ еще такого жестокаго шторма. Смерть смотрѣла въ глаза безпощадно-близкая.

Пароходъ метался, какъ въ бѣшенствѣ агоніи. Онъ, точно въ судорогахъ, вздрагивалъ на цѣпи. Она то натягивалась, какъ струна, то «сдавала». И тогда «Бакланъ» подбрасывало, и онъ стоналъ и скрипѣлъ, вздрагивая на своей привязи.

Часы тянулись безъ конца. Каждая минута этихъ долгихъ часовъ говорила о смерти.

Матросы и два черкеса пассажира скалывали топорами и ломами ледъ, стоя по колѣни въ ледяной водѣ привязанные концами, чтобы не быть смытыми въ море. А ледъ все выше и выше поднимался надъ носомъ.

Вмѣсто короткаго бугшприта и носа бѣлѣла безформенная уродливая глыба.

Выдерживать на такой стужѣ больше нѣсколькихъ минутъ было невозможно. Почти у всѣхъ были отморожены лица, ноги и руки. Смутная надежда заставляла

людей переносить муки и скалывать ледъ. Но скоро они бросили работу и прижимались къ горячей трубѣ. Но обмороженные люди не чувствовали жара.

И сонная апатія охватила этихъ мучениковъ.

«Заснуть! Заснуть!»

Погрѣвшись нѣсколько минутъ въ каютѣ, Никифоръ Андреевичъ былъ съ матросами и работалъ съ ними. Онъ приказывалъ, просилъ, умолялъ изнемогшихъ людей не спать и взять топоры и ломы, и, самъ потерявшій надежду, обнадеживалъ, что штормъ стихнетъ, и пароходъ отстоится.

И многіе не слушали.

«Зачѣмъ?»—угрюмо говорили матросы и шли внизъ...

Только Антонъ и два младшіе помощника капитана, обмороженные, все-таки съ какимъ-то остервенѣніемъ отчаянія, уже едва владѣя руками, продолжали работать.

Но и они поняли, что работаютъ напрасно. Что могутъ они сдѣлать?

Антонъ все-таки напрягалъ всѣ свои молодыя силы.

Вѣдь ему такъ хотѣлось жить и такъ много общала жизнь вмѣстѣ съ Матрешей!

И Антонъ въ бѣшенствѣ рубилъ ледъ топоромъ, пока не обезсилѣлъ и тутъ же упалъ, готовый заснуть.

Никифоръ Андреевичъ немедленно велѣлъ отнести его на кубрикъ.

Тамъ Антонъ бросился въ койку. Онъ не чувствовалъ боли отмороженныхъ ногъ и, внезапно охваченный равнодушіемъ ко всему—даже къ смерти—заснулъ, какъ убитый.

Никто болѣе не работалъ. Никто ужъ не надѣялся. Всякій думалъ только о теплѣ и о снѣ.

И, добравшись до тепла, многіе молились и плакали. Никифоръ Андреевичъ дремалъ въ рубкѣ на мостикѣ тревожной, прерывистой дремотой. Каждую минуту онъ въ ужасѣ просыпался, вскакивалъ и выбѣгалъ.

Штормъ ревѣлъ. Пароходъ все больше и больше покрывался льдомъ.

Только вахтенный и рулевой на мостикѣ и двое часовыхъ на палубѣ уныло бодрствовали.

«Черезъ часъ, другой... смерть!»—мысленно проговорилъ Никифоръ Андреевичъ.

Ужъ онъ перестрадалъ предсмертныя муки, простился заочно съ семьей и теперь съ покорнымъ отчаяніемъ ждалъ смерти.

Онъ какъ будто уже не жилецъ... И ему безразлично, пожалѣютъ ли его близкіе и что скажетъ начальство.

Мѣщанинъ изъ Новороссійска громко читалъ молитвы.

Вахтенный помощникъ вдругъ зарыдалъ.

Капитанъ не чувствовалъ сожалѣнія. И, изнеможенный, усталый отъ всей этой каторжной жизни, понятой имъ только теперь,—проговорилъ почти что съ мольбой:

— Скорѣе бы смерть!

XI.

Забрезжило утро.

Осунувшійся за эту ночь и казавшійся дряхлымъ старикомъ, Никифоръ Андреевичъ недовѣрчиво встрѣтилъ надежду, охватившую измученное сердце, словно приговоренный къ смерти вѣсть о помилованіи.

Море, казалось, миловало, и надежда крѣпла въ

сердцѣ капитана. И въ головѣ его проносились мысли о жизни, когда онъ смотрѣлъ вокругъ.

Штормъ еще ревѣлъ, но уже обезсиленно. Волны вздымались, но не съ прежней мощью и злобой нападали на «Бакланъ». Онъ ужъ не метался. Хотя качка и трепала его, но волны не вкатывались и только обдавали брызгами. За ночь весь пароходъ обледенѣлъ, и глыбы виселись надъ кормою, бортами и носомъ, и борты хоть и понизились, но не были еще совсѣмъ близки къ водѣ.

Еще можно уйти отъ могилы.

И капитанъ, умиленный и ожившій, горячо прошепталъ нѣсколько благодарныхъ молитвенныхъ словъ и приказалъ разбудить матросовъ и сниматься съ якоря.

Всѣ вышли. Многіе едва двигались. Антонъ, болѣе другихъ обмороженный, поднялся на мостикъ къ рулю, и лицо его дышало смѣлостью и вѣрой въ жизнь.

Всѣ ожили. Волны не заливали.

Скоро якорь былъ поднятъ.

И, чтобы воспользоваться попутнымъ штормомъ, капитанъ приказалъ снова взять курсъ на Батумъ и идти самымъ полнымъ ходомъ.

Къ вечеру моряки обнажили головы и, радостные, крестились. Перекрестился счастливый и Никифоръ Андреевичъ.

Пароходъ, почти касавшійся бортами воды, уже не боялся шторма и входилъ въ Батумскую гавань.

Еще минута, и «Бакланъ», представлявшій собою какую-то ледяную массу, ошвартовился.

XII.

Агентъ поздравлялъ капитана съ счастливымъ приходомъ. Никифоръ Андреевичъ просилъ немедленно отправить обмороженныхъ въ госпиталь. Со всѣми больными простился и общалъ завтра же навѣстить ихъ.

Чуть не обезумѣвшій отъ восторга, мѣщанинъ изъ Новороссійска оставилъ пароходъ. Крѣпко пожали руку капитану два черкеса и ушли. Они не захотѣли въ госпиталь, хотя у нихъ и были отморожены руки.

Никифоръ Андреевичъ, снова уже трусившій начальства, не переодѣваясь, написалъ въ главную контору въ Одессу слѣдующую телеграмму:

«Не могъ выполнить рейса и прибылъ благополучно въ Батумъ. Принужденъ былъ выбросить 10.000 пудовъ груза, чтобы облегчить пароходъ во время шторма. Подробности донесеніемъ».

Затѣмъ, чтобы успокоить семью, Никифоръ Андреевичъ написалъ телеграмму женѣ о прибытіи въ Батумъ. Отправивъ телеграмму въ городъ, капитанъ пошелъ полѣчить свои отмороженные пальцы на ногахъ и щеки, вымыться и переодѣться.

Черезъ десять минутъ Никифоръ Андреевичъ, обрадованный, что не сдѣлался калѣкой и снова можетъ быть кормильцемъ семьи, сидѣлъ въ своей теплой натопленной каютѣ за стаканомъ горячаго чая, сильно разбавленнаго коньякомъ для предупрежденія простуды.

Когда къ нему вошелъ агентъ, Никифоръ Андреевичъ первымъ дѣломъ просилъ прислать людей для очистки парохода отъ льда и, словно бы виноватый за убытокъ обществу, застѣнчиво и лаконически сказалъ:

— Никакъ нельзя было не выбросить груза... Прихватило штормомъ... Да-съ!..

Несмотря на просьбы агента рассказать подробности о томъ, какъ Никифоръ Андреевичъ штормоваль и что онъ испытываль, капитанъ, словно бы стыдясь рассказывать о своихъ испытаніяхъ, ничего интереснаго не рассказаль и только проговорилъ:

— Какъ видите... слава Богу... Вотъ только грузъ выбросили и матросы померзли... Особенно Антонъ рулевой...

Не обмолвился Никифоръ Андреевичъ агенту и о томъ, что за эту ужасную ночь еще посѣдѣль, осунулся и обморозилъ порядочно-таки ноги, но зато просилъ агента обратить вниманіе директора, что только крайность заставила его выбросить грузъ и прибавилъ:

— Не взыщутъ за это? Не обвинять?.. Какъ вы думаете?

Агентъ увѣряль Никифора Андреевича, что никто и не обвинить такого отличнаго капитана, который спасъ пароходъ... Напротивъ...

— Вѣдь какой ледяной штормъ... Ужасный! — прибавилъ агентъ и, не добившись отъ капитана ничего любопытнаго, ушелъ, находя, что Никифоръ Андреевичъ глупъ и нестерпимо скученъ.

XIII.

Всѣ эти дни Матреша не находила мѣста. Тоскующая, она не мало пролила слезъ по ночамъ, мучалась думами объ Антонѣ и считала себя безконечно виноватой.

Прошло два дня, прошелъ третій... Матреша по два раза въ день бѣгала въ агентство справляться о «Бакланѣ» и попережнему ей отвѣчали незнаніемъ.

А штормъ продолжался. Ни одинъ пароходъ не приходилъ въ Ялту. Рассказывали, что рейсы прекращены...

И Матреша возвращалась домой съ мола, еще болѣе разстроенная и тоскливая.

Напрасно и Ада Борисовна, и нѣкоторые жильцы, недовольные, что видъ Матрешы «наводитъ скуку», утѣшали обычными банальными фразами, прибавляя къ нимъ, что Матреша еще молода и такая хорошенькая.

Матреша угрюмо отмалчивалась или просила оставить ее въ покоѣ.

Особенно обрывала она хозяйку, когда та начинала говорить по «душѣ» и слащавымъ голосомъ утѣшать о силѣ характера и терпѣніи.

Наконецъ, на четвертый день послѣ этого ужаса неизвѣстности, Матреша получила сильно запоздавшую телеграмму:

«Вмѣсто Керчи, попали въ Батумъ. Немного обморозилъ ноги, нахожусь въ госпиталѣ. Скоро на поправку и буду къ дорогой супругѣ».

Матреша отъ радости смѣялась и плакала. И рѣшила ѣхать къ Антону въ Батумъ, съ первымъ же пароходомъ.

«Бѣдный, вѣдь обмороженный... Около него должна быть... И скорѣе, скорѣе!»

Въ тотъ же день Матреша справилась въ агентствахъ, когда пойдетъ пароходъ въ Батумъ. Ей отвѣтили, что черезъ три дня, если штормъ стихнетъ, пароходъ придетъ изъ Севастополя въ кавказскій рейсъ.

И Матреша въ тотъ же вечеръ, рѣшительная и

счастливая, что штормъ затихалъ, пошла къ Адѣ Борисовнѣ просить разсчета.

Ада Борисовна читала французскій романъ, наслаждаясь описаніемъ любви виконта и графини на Ривіерѣ, когда постучали въ дверь.

— Войдите!..

— Я, барышня, къ вамъ по дѣлу...

— Что такое?.. Ну, ты теперь прежняя, Матреша... Веселая, довольная... Надѣюсь, больше ужъ нервничать и огорчать меня не будешь?

— Никогда больше не огорчу васъ, барышня! — насмѣшливо играя глазами, проговорила Матреша.

И, принимая серьезный видъ, прибавила рѣшительнымъ и вызывающимъ тономъ:

— Позвольте разсчитать, барышня.

— Какъ разсчитать?.. Зачѣмъ?.. Ты собираешься уходить отъ меня? — растерянно и испуганно промолвила Ада Борисовна, не предполагавшая, что Матреша оставитъ мѣсто теперь.

— Черезъ три дня уйду... Потрудитесь найти себѣ горничную...

— Да какъ же я въ три дня... Какъ же тебѣ не совѣстно такъ поступать со мной... Вѣдь это что же? Я такъ обращалась съ тобой... У тебя такое выгодное мѣсто... И зачѣмъ же тебѣ уходить... Или тебя переманиваютъ?..

— Я къ мужу ѣду... Извольте дать разсчитать...

— Но хоть подожди, пока я не найду приличной горничной... Вѣдь такъ не поступаютъ, Матреша... Ты меня подводишь... Я не одна... У меня жильцы... Кажется, могла бы... Ну, я тебя прошу, Матреша... Останься!

— Не могу, барышня. И осталась бы, да Антонъ боленъ.

— Антонъ!?. Можетъ подождать твой Антонъ... Не серьезно онъ больной... Цѣлый годъ безъ него жила и вдругъ...

— Пожалуйте расчесть, барышня! — упорно повторила Матреша.

— Но ты не смѣешь уйти, пока я не найму горничной!—вдругъ мѣняя тонъ, сказала Ада Борисовна.

— Уйду... Смѣю!..

— Я буду жаловаться наконецъ!

— Кому угодно, барышня... Мнѣ наплевать... Черезъ три дня уйду.

— Безсовѣстная... Неблагодарная!..

— Вы-то стыдливыя... Вы-то благодарныя!—съ злой насмѣшкой отвѣтила Матреша.

— Вонъ!.. Вонъ уйди... дерзкая!.. — вспылила Ада Борисовна.

— И завтра же уйду... А вы не ругайтесь... Не даромъ уксусная... Никто не влюбляется, такъ вы и злющая!—бросила скороговоркой Матреша и вышла, хлопнувъ дверью.

Ада Борисовна заплакала.

— Господи, какая дерзкая и безнравственная эта безчувственная тварь!—прошептала Ада Борисовна.

Черезъ три дня шторма не было. Море успокоилось, и погода была прелестная.

Пароходъ пришелъ въ Ялту и въ девять часовъ вечера ушелъ въ рейсъ. Матреша уже была на пароходѣ въ восемь часовъ и везла съ собой двѣ боль-

шія корзины съ вещами и на груди былъ зашитъ билетъ ссудосберегательной кассы.

Черезъ сутки пароходъ благополучно пришелъ въ Батумъ, и Матреша, остановившись въ гостинницѣ, въ одиннадцатомъ часу вечера была въ госпиталѣ.

Антонъ еще не спалъ, когда сторожъ ввелъ Матрешу въ палату, гдѣ лежалъ уже поправлявшійся матросъ.

— Матрешка! — едва выговорилъ Антонъ, увидавъ Матрешу.

А Матреша припала къ лицу Антона и, плача отъ радости, говорила:

— Всегда теперъ будемъ вмѣстѣ жить... Всегда, желанный мой!..

Одно мгновенье.

I.

Однажды чуднымъ тропическимъ вечеромъ, когда корветъ «Витязь» шелъ себѣ подъ всѣми парусами, узловъ по восьми, направляясь въ Рио-Жанейро, въ каютъ-компаніи, за чаемъ, зашелъ разговоръ о самоубійствѣ.

Поводомъ къ такой рѣдкой среди моряковъ бесѣдѣ послужилъ рассказъ одного лейтенанта о своемъ товарищѣ, который два года тому назадъ застрѣлился отъ несчастной любви къ одной замужней женщинѣ. Рассказчикъ назвалъ эту женщину. Ее многіе знали въ Кронштадтѣ. Это была жена одного инженера, изящная блондинка съ рыжеватыми волосами, умная, милая и обворожительная, казавшаяся совсѣмъ молодой, несмотря на свои тридцать шесть лѣтъ. Большинство моряковъ не выразило ни малѣйшаго сочувствія самоубійцѣ. Почти всѣ находили, что стрѣляться изъ-за женщины глупо.

А пожилой старшій штурманскій офицеръ, отличный и неустрашимый морякъ, который малодушно трусилъ

своей супруги и самъ просился въ дальнее плаванье, чтобъ избавиться отъ домашнихъ сценъ, — не безъ авторитетности произнесъ:

— Самое послѣднее дѣло пропадать изъ-за женскаго вѣдомства. Только шалые юнцы на это способны. Получилъ «ассаже» и ба-бацъ! Думалъ, что эта самая инженерша, только единственная на свѣтѣ... Въ тѣ поры не соображалъ, что есть и другія дамы. Въ затменіи былъ...

Всѣ принимавшіе участіе въ разговорѣ согласились со штурманомъ и вообще не одобряли самоубійства—отъ какихъ бы то ни было причинъ. Многіе находили, что самовольное лишеніе жизни обличаетъ трусливую душу и, во всякомъ случаѣ, эгоиста, не думающаго о страданіи, которое онъ причиняетъ другимъ. Человѣкъ съ характеромъ и въ здоровомъ умѣ никогда не пойдетъ на самоубійство.

— Это все равно, что бросить судно въ минуту опасности!—съ убѣжденнымъ спокойствіемъ проговорилъ старшій офицеръ, капитанъ-лейтенантъ лѣтъ подъ сорокъ, съ Георгіемъ въ петлицѣ бѣлаго кителя, прежній черноморецъ, пробывшій всю севастопольскую осаду на четвертомъ бастіонѣ и раненый во время послѣдняго штурма.—Ни одинъ порядочный морякъ этого не сдѣлаетъ за совѣсть, а не за страхъ отвѣтственности. Надо бороться до послѣдняго издыханія. Не правда ли?

Всѣ согласились, что правда.

Только одинъ офицеръ не отвѣтилъ на вопросъ старшаго офицера. Онъ не принималъ участія въ разговорѣ и, словно бы нисколько не интересуясь имъ, молча отхлебывалъ чай, нервно выкуривая папиросу за папиросой. Это былъ мичманъ Стояновъ,

смугловатый брюнетъ лѣтъ двадцати пяти, съ курчавыми черными волосами и шелковистыми усами, не большого роста, сухощавый, серьезный, съ тонкими чертами красиваго, мужественнаго и умнаго лица, въ выраженіи котораго сразу чувствовалась сила воли недюжиннаго характера. Въ задумчивомъ взглядѣ темныхъ глазъ, опущенныхъ длинными рѣсницами, было что-то смѣлое, открытое и нѣсколько надменное, словно во взглядѣ молодого орла. Много читавшій, независимый въ своихъ сужденіяхъ, нерѣдко расходившійся во взглядахъ съ сослуживцами, Стояновъ держался особнякомъ, не подчеркивая, впрочемъ этого, и ни съ кѣмъ особенно близко не сходился. И, несмотря на это, Стоянова всѣ уважали за его прямой рыцарскій характеръ, полный благородства и чуткой деликатности, за соотвѣтствіе его словъ съ дѣломъ, за умъ и добросовѣстное отношеніе къ служебнымъ обязанностямъ. Онъ считался всѣми лихимъ морскимъ офицеромъ и лучшимъ вахтеннымъ начальникомъ. Въ то же время онъ былъ ревизоромъ¹⁾, аккуратность и щепетильная честность котораго были внѣ всякихъ сомнѣній.

Матросы тоже уважали Стоянова, но едва ли понимали и любили этого страннаго, по тогдашнимъ временамъ, морского офицера. Хотя никогда онъ никого не наказалъ линьками, не дрался и даже не ругался, былъ ровень, мягокъ и справедливъ, тѣмъ не менѣе матросы словно бы чувствовали въ немъ совсѣмъ чужого человѣка. Онъ никогда не разговаривалъ съ матросами, не шутилъ съ ними и, казалось даже,

¹⁾ Офицеръ, завѣдующій хозяйственной частью.

какъ будто брезговаль ими. Онъ не искалъ популярности среди нихъ, какъ дѣлали многіе, и точно конфузился, попадая въ матросскую толпу. Въ то же время онъ былъ самымъ горячимъ предстателемъ за матросовъ. Никто и не зналъ, сколькихъ онъ избавлялъ отъ позорныхъ тѣлесныхъ наказаній, до которыхъ старшій офицеръ былъ большой охотникъ, убѣждая, упрасивая, умоляя строгаго и вспылчиваго моряка пожалѣть людей и не унижать ихъ человѣческаго достоинства. Въдь скоро тѣлесныя наказанія будутъ отмѣнены официально. Объ этомъ уже писали въ «Морскомъ Сборникѣ». И старшій офицеръ, съ которымъ Стояновъ обыкновенно, въ такихъ случаяхъ, говорилъ глазъ-на-глазъ въ его каютѣ, нерѣдко снисходилъ къ просьбамъ молодого мичмана, невольно поддаваясь обаянію его страстной рѣчи, замѣнялъ порку какимъ-нибудь другимъ наказаніемъ и самъ, въ сущности не злой человѣкъ, въ душѣ питалъ благодарное чувство къ Стоянову, останавливавшему его отъ жестокостей. И строгаго до суровости старшаго офицера команда любила, а Стоянова нѣтъ. Онъ это чувствовалъ, онъ видѣлъ, что и въ каютѣ-компаніи онъ далеко нелюбимъ. Онъ понималъ, что стоитъ только нѣсколько приспособляться къ людямъ, и все измѣнится, но онъ чуждался такой фальши, не мѣнялъ своихъ отношеній и попрежнему былъ одинокъ. Со дня выхода изъ Шербурга, Стояновъ сталъ искать еще большаго одиночества и, казалось, чуждался всѣхъ. Въ немъ замѣтна была какая-то перемѣна. Несмотря на его спокойствіе на людяхъ, многіе замѣчали, что Стояновъ часто бывалъ мраченъ и, видимо, что-то угнетало его. Приписывали это разлукѣ съ невѣстой. Многимъ было извѣстно, что Стояновъ

любитъ и горячо любимъ этой прелестной дѣвушкой, пріѣзжавшей на корветъ въ день ухода его изъ Кронштадта.

II.

— А вы что ни слова не скажете, Борисъ Сергѣичъ?—обратился къ Стоянову старшій офицеръ.

— Я слушалъ, Иванъ Николаичъ.

— Вы, по обыкновению, не согласны съ общимъ мнѣніемъ?

— Не согласенъ, Иванъ Николаичъ.

— И оправдываете самоубійство?

— Вполнѣ.

— Изъ-за какой-нибудь печальной любви? Вы, Борисъ Сергѣичъ?

— Изъ-за любви нѣтъ. Но бываютъ такіе случаи въ жизни, послѣ которыхъ жить нельзя!—какъ-то рѣшительно и вмѣстѣ съ тѣмъ грустно проговорилъ Стояновъ.

— Напримѣръ?

— Послѣ какой-нибудь подлости... послѣ позора...

— А искупить его лучшей жизнью развѣ нельзя?.. Человѣкъ, сознающій весь ужасъ позора, уже наполовину исправившійся человѣкъ.

— Люби кататься, люби и саночки возить. Сдѣлалъ пакость, такъ имѣй характеръ и отдуться за нее! вставилъ штурманъ.

— Все это легко говорить, а пережить позоръ, я думаю, невозможно! Лучше смерть!

— Ну, и самому прописать себѣ отпускъ на тотъ свѣтъ тоже не особенно легко, Борисъ Сергѣичъ! Въ

ошалѣломъ состояніи, изъ-за любви, какъ это ни глупо, а еще можно понять самоубійство, но чтобы покончить съ собой сознательно, обдуманно.

— Я только и понимаю такое самоубійство.

— А разставаться съ жизнью развѣ такъ легко, вы думаете? Нѣтъ, батенька, не легко. Я испыталъ это развѣ, когда мы на «Змѣйкѣ» наскочили на камни и думали, что всѣмъ намъ тутъ крышка. Охъ, и какъ жутко было!—замѣтилъ старшій офицеръ.

— Не спорю, что легко... Но...

Стояновъ запнулся, точно у него что-то застряло въ горлѣ, и черезъ секунду съ какимъ-то убѣждающимъ спокойствіемъ въ тонѣ продолжалъ:

— Но вѣдь это одно мгновеніе... Одно только мгновеніе!—повторилъ онъ.

И смолкъ, видимо не желая продолжать этотъ разговоръ.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ вышелъ наверхъ и сталъ у борта. Онъ смотрѣлъ то на чудное, усѣянное звѣздами небо, то на тихо рокочущій сонный океанъ, волны котораго ласково лизали бока корвета, отсвѣчиваясь фосфорическимъ блескомъ. Мичманъ долго стоялъ наверху, и слезы лились изъ его глазъ.

— Всего одно мгновеніе!—чуть слышно произнесъ онъ и спустился внизъ, въ свою маленькую опрятную каютку, гдѣ надъ койкой висѣла большая фотографія прелестной дѣвушки. Онъ сѣлъ къ письменному столу, подписалъ какія-то двѣ вѣдомости, предварительно провѣривъ ихъ, написалъ своимъ мелкимъ четкимъ почеркомъ рапортъ командиру и сталъ писать письмо невѣстѣ.

Когда въ исходѣ четвертаго часа утра разсылный

пришелъ въ каюту будить мичмана на вахту, Стояновъ уже кончилъ письмо и вложилъ его въ конвертъ. Затѣмъ онъ сложилъ аккуратно рапортъ, заперъ шифоньерку на ключъ и съ послѣднимъ ударомъ колокола, отбивавшаго восемь склянокъ, выбѣжалъ наверхъ и принялъ вахту.

III.

Стояновъ мѣрно шагаль по мостику, жадно вдыхая свѣжій воздухъ моря. Онъ поглядывалъ на паруса, подходилъ къ компасу взглянуть, по румбу ли правятъ рулевые, спускался на палубу провѣрить часовыхъ на бакъ и снова ходилъ своей обычной легкой и граціозной походкой.

Когда солнце, медленно освобождаясь отъ своихъ пурпурно-золотистыхъ ризъ, поднималось надъ горизонтомъ, Стояновъ жадно устремилъ глаза на горизонтъ, любуясь прелестью восхода. Лицо его было мертвенно-блѣдно и рѣшительно-спокойно. Только въ его прекрасныхъ глазахъ стояло выраженіе мучительной тоски. Онъ еще разъ обвелъ этимъ тоскливымъ жаднымъ взглядомъ и чудное бирюзовое небо, и далеко раскинувшійся океанъ, сверкавшій подъ лучами ослѣпительнаго солнца, и палубу корвета со спавшими на ней матросами, и все это казалось ему теперь чѣмъ-то особеннымъ, новымъ, имѣющимъ невыразимую прелесть. И, жажда жизни охватила все его молодое существо, и слезы брызнули изъ глазъ.

— Пора!—прошепталъ онъ.

И съ усиліемъ, словно бы еще борясь съ самимъ собой, наконецъ, произнесъ:

— Сигнальщикъ!

Подремывающій матросикъ явился къ нему.

— Поди... разбуди мичмана Варламова... Скажи, что я боленъ, прошу смѣнить меня.

Онъ говорилъ прерывисто, словно бы не находилъ словъ.

И когда сигнальщикъ пошелъ исполнять приказаніе, ему хотѣлось вернуть его и въ то же время онъ обрадовался, что сигнальщикъ уже исчезъ.

Черезъ пять минутъ явился заспанный, недовольный Варламовъ.

— Извините, Андрей Андреичъ... Я боленъ... Примите отъ меня вахту... Я долженъ уйти...

Варламовъ взглянулъ на Стоянова и былъ пораженъ страшнымъ спокойствіемъ его осунувшагося мертвеннаго лица.

— Идите, идите, Борисъ Сергѣичъ... Что съ вами?

— Скоро узнаете... Прощайте, Андрей Андреичъ.

Онъ крѣпко стиснулъ руку мичмана, какъ-то жалобно заглянулъ ему въ глаза и произнесъ:

— Еще разъ простите, что обезпокоилъ.

— Помилуйте... Какія извиненія! Идите скорѣй... Вы совсѣмъ больны, Борисъ Сергѣичъ!

— Иду... иду... Вѣдь одно мгновенье...

И съ этими словами онъ занесъ за перила мостика ноги и бросился въ океанъ.

Мичманъ ахнулъ. Ахнули и матросы, видѣвшіе паденіе.

Кто-то успѣлъ бросить спасательный кругъ.

— Фокъ и гротъ на гитовы! Марса фалы отдать! — командовалъ отчаяннымъ голосомъ мичманъ.

Черезъ минуту капитанъ и старшій офицеръ были наверху.

— Что случилось?

— Стояновъ бросился за бортъ!

И капитанъ и старшій офицеръ были поражены.

Минуть черезъ пять корветъ лежалъ въ дрейфѣ, и барказъ отправился на поиски... Всѣ офицеры и матросы выскочили на палубу. Всѣ со страхомъ ждали возвращенія барказа, предчувствуя, что онъ вернется безъ Стоянова.

И черезъ часъ барказъ вернулся. Бывшій на немъ офицеръ рассказалъ, что видѣлъ, какъ Стояновъ утонулъ, хотя спасательный кругъ былъ вблизи. Но мичманъ видно не хотѣлъ его взять.

Корветъ снялся съ дрейфа и поплылъ далѣе. Всѣ разошлись угрюмые и подавленные.

IV.

Черезъ четверть часа капитанъ, взволнованный, со слезами на глазахъ, пришелъ въ каютъ - компанію и проговорилъ:

— Вотъ рапортъ Бориса Сергѣича... Прочтите, господа... А я снова читать не могу...

Съ этими словами онъ торопливо ушелъ.

И старшій офицеръ прочелъ рапортъ слѣдующаго содержанія:

«Честь имѣю донести вашему высокоблагородію, что я совершилъ поступокъ, недостойный честнаго чловѣка. Въ Шербургѣ я проигралъ пятьсотъ рублей казенныхъ денегъ. Хотя я пополнилъ часть ихъ причитающимися мнѣ за мѣсяцъ жалованьемъ и столовыми,

а остальная часть будет пополнена товарищемъ, которому я написалъ изъ Шербурга, тѣмъ не менѣе послѣ такого позора я жить не могу. Могли не узнать о моей растратѣ товарищи, но я-то ее зналъ и слѣдовательно не считалъ себя въ правѣ воровски пользоваться общимъ уваженіемъ и оставаться жить на свѣтѣ. Донося объ этомъ вашему высокоблагородію, прошу переслать прилагаемое письмо по адресу».

Всѣ молчали потрясенные.

ДИКОВИННЫЙ МАТРОСИКЪ.

I.

Среди тишины чудной тропической ночи колоколь пробилъ четыре удара. Былъ часъ ночи, и до смѣны вахтенныхъ было еще далеко. А спать такъ хотѣлось.

Тогда гротъ-марсовой старшина Аришкинъ, степенный, пожилой человѣкъ, пользовавшійся на клиперѣ «Голубчикъ» репутаціей самага «башковатаго» матроса, который въ книжкѣ могъ читать и умѣлъ огорошивать «занозистыми» словечками даже такого ученаго человѣка, какъ фельдшеръ,—проговорилъ, обратившись къ кучкѣ, дремавшихъ у гротъ-мачты матросовъ:

— Не спи, братцы. А то какъ бы вахтенный не разбудилъ по-своему... Небойсь, зубы начистить.

«Братцы» встрепенулись, услышавши мудрыя слова, такъ какъ знали, что вахтенный лейтенантъ любилъ подкрасться ровно кошка и разбудить дѣйствительно «по-своему» заснувшаго матроса.

Но ночь, волшебная тропическая ночь тоже расточала свои сонныя чары «по-своему», и не прошло и

пяти минутъ послѣ предостереженія Аришкина, какъ уже среди кучки раздалось похрапыванье.

— И здоровы спать, идолы! — воркнулъ Аришкинъ и, наклонившись къ спящимъ, — проговорилъ: «Кошка идетъ!»

Всѣ моментально вскочили. «Кошкой» звали вахтеннаго лейтенанта Пыжикова, находившаго, что «распускать» матросовъ не слѣдуетъ.

Аришкинъ засмѣялся.

— Небойсь, проснулись?.. Садись... я вамъ лучше что-нибудь расскажу... По крайности, сонъ разгонить.

— То-то расскажи, Никоничъ... Уважь... А то какъ бы взаправду не подкралась Кошка! — замѣтилъ одинъ изъ марсовыхъ.

— Какъ не уважить васъ, дрыхаловъ, уважу! — ласково промолвилъ Аришкинъ.

И плотнѣй усѣвшись на «бухту»¹⁾, откашлялся и началъ вполголоса и слегка на-распѣвъ слѣдующій рассказъ.

II.

«Тоже вотъ былъ у насъ на клиперѣ на «Грозящемъ», когда мы на немъ три года тому назадъ ходили въ «дальнюю», матросикъ одинъ, Васька Пернатый прозывался. Отцы его, говорилъ, птицеловы были, и было имъ прозвище «Пернатые»... Такъ довольно даже рѣдкій и диковинный матросикъ былъ, братцы вы мои. Такого никогда на флотъ я не видывалъ. Человѣкъ, прямо сказать, съ понятіемъ и по матроской

¹⁾ Бухта — снасть, уложенная въ круги.

части зналъ, хорошимъ рулевымъ былъ и въ Кронштадтѣ веселымъ человѣкомъ оказывалъ себя, и характера тихаго, и виномъ не занимался, а какъ уплыли мы изъ Кронштадта и вошли въ заграничныя мѣста, тутъ, значитъ, и вышла эта самая загвоздка...

— Въ чемъ загвоздка?—спросилъ кто-то.

— А въ томъ, братецъ ты мой, что вовсе въ разстройку вошелъ. И чѣмъ дальше мы уходили, тѣмъ больше онъ бытто тронутый понятіемъ становился. Ни съ кѣмъ не говорилъ, чуждался, больше одинъ да одинъ, и все въ тоскѣ да въ тоскѣ. Глядитъ это онъ на море, мурлычитъ себѣ подъ носъ пѣсню, а самъ плачетъ... Однако тосковать—тосковалъ, а службу справлялъ форменно. А на берегъ съѣзжали, такъ ни на что и не смотрѣлъ, а прямо въ кабакъ, и привозили его раза три съ берега размертвецки пьяно... На клиперѣ не дотрогивался и чарки своей не пилъ, а на берегу, значитъ, тоску свою залить хотѣлъ... Дошли мы такимъ родомъ до Мадеръ - острова, какъ остановилъ онъ старшаго офицера и докладываетъ:

— Дозвольте, вашескобродіе, объяснить причину.— «Объясняй!» — говоритъ. — Такъ молъ и такъ, какъ вамъ, говоритъ, будетъ вгодно, а нѣтъ больше силъ моего терпѣнія! Это онъ докладываетъ, а самъ блѣдный-преблѣдный изъ лица, и похудалъ весь, а никакой хвори въ себѣ не имѣлъ. А старшій офицеръ малаго терпѣнія былъ человѣкъ и какъ вскрикнетъ: «Ты что, говоритъ, такой-сякой, лясы разводишь? Говори толкомъ, въ чемъ дѣло?» Пернатый не испугался и отчесалъ: «Явите, говоритъ, божескую милость, вашескобродіе, прикажите меня сей же секундъ отправить обратно въ Рассею, а то я преступникомъ-бѣглецомъ могу быть!

Пробоваль, говоритъ, я всячески принудить себя и не могу, вашескобродіе, тоска сосеть!»

— Ишь ты... Что-жь старшій офицеръ?

— Извѣстно что... Подумаль, что матросъ «огурнуться» хочеть отъ флотской службы... Сперва-на-перво ровно бы ошалѣлъ, что матросъ съ такимъ диковиннымъ прошеніемъ осмѣлился, а потомъ: разъ, два, три и пошелъ лупцовать. Искровянилъ матроса въ самомъ лучшемъ видѣ и ему: «Я тебѣ, говоритъ, покажу силъ-терпѣнія. Отшлифовать велю, такъ поймешь свою дерзость прошенія». А Васька Пернатый свое: «Не пойму, говоритъ, вашескобродіе... Не отъ лодырства я прошусь!» Однако старшій офицеръ велѣлъ ему всыпать двадцать-пять. Всыпали...

— За прекословіе, значитъ?

— То-то за то самое. Потому старшій офицеръ очень скоръ былъ и прекословія не позволялъ... Любилъ, чтобы молчали, хотя бы онъ приказалъ самого себя съѣсть... Малаго терпѣнія былъ человѣкъ... А который нетерпѣливый—хуже глупаго бываетъ... Одѣлся, значитъ, Васька Пернатый послѣ порки, и безо всякой это злобы и какъ бы въ задумчивости говоритъ унтерцерамъ, кои его линьками драли: «Никакіе линьки, говоритъ, тоски не разгонятъ. Дойду до капитана и вернутъ меня въ Рассею». Слушаемъ мы и думаемъ: «спятилъ, матросикъ». Кои съ дурусти и смѣялись. Думали, чудить человѣкъ... А онъ, братцы, какъ опосля оказалось, и вовсе не могъ совладать со своей тоской. Хорошо. Ушли мы съ Мадеръ-острова и въ скорости зашли на Зеленые острова для запаса угля, живности и свѣжей провизіи, потому, какъ сказывали, съ острововъ Зеленыхъ прямо хотѣли вальнуть на Яву - островъ, минуя

Надежный мысь (мысь Доброй Надежды). День въ шестьдесятъ переходъ разсчитывали, потому и запасу всякаго много брали. Какъ услышалъ про это самое Васька Пернатый—на немъ лица нѣтъ. Ходитъ по клиперу какъ бы въ потерѣ чувствъ. И исхудалъ же онъ за это время—страсть... Было ему тогда этакъ годовъ тридцать, не больше, а съ виду въ родѣ старика оказывается... Однако, до капитана не доходилъ... Боялся, видно, линьковъ... Онъ не очень-то ихъ обожалъ... Съ умомъ челоуѣкъ былъ, и хотя тихій, а обидчистый... Ладно. Стоимъ это мы въ Портограндахъ (Порто-Гранде) четвертый день, грузимъ уголь, быковъ, свиней, утокъ и курей принимаемъ, у араповъ апельсины покупаемъ, лакомимся, значить, какъ вдругъ утромъ перекличка, а Васьки Пернатого нѣтъ...

— Сбѣжалъ? — нетерпѣливо спросилъ одинъ изъ слушателей.

— А ты слушай, тогда и узнаешь! — недовольно проговорилъ Аришкинъ. — А то: «сбѣжалъ»! А можетъ; и не сбѣжалъ...

— Такъ куда-жь онъ дѣлся?

Аришкинъ нѣсколько секундъ помолчалъ, словно бы желая, какъ опытный рассказчикъ, усилить вниманіе своей аудиторіи, и продолжалъ:

III.

— Старшій офицеръ, какъ узналъ, что Пернатый въ нѣтчикахъ, очень даже осатанѣлъ. «Мы, говоритъ, его, подлаго, сыщемъ. Онъ безпремѣнно отъ службы удрать хочетъ. Бѣглымъ «мигрантомъ» сдѣлаться. Я покажу ему «мигранта»!.. Совсѣмъ безъ терпѣнья челоуѣкъ былъ старшій офицеръ... Не смозговалъ того,

что Васька Пернатый въ Россію бѣжать хотѣлъ, а онъ кулаками машетъ и кричитъ: «мигрантъ»! Это, значитъ, который человѣкъ со своей родины на чужую убѣгаетъ,—пояснилъ Аришкинъ.—Ладно. Тую-жъ минуту послали на берегъ шлюпку съ мичманомъ къ концырю, чтобы поймать, молъ, и предоставить бѣглаго казеннаго человѣка... А городъ эти самыя Портогранды маленькій... арапы больше живутъ... Пернатаго-то скоро и разыскали въ избенкѣ арапской. Послѣ матросы, что съ мичманомъ на поимку ѣздили, обсказывали, какъ бѣднягу подъ кроватью нашли... Забился туда... Насилу вытащили. И бросился онъ въ ноги концырю и мичману. Плачетъ. «Не берите, молъ, меня на клиперъ. Я въ Рассею доберусь и явлюсь по начальству. Пусть со мной, что вгодно дѣлаютъ, но я по крайности въ своей сторонѣ буду». А мичманъ, что можетъ? Тоже подневольный офицеръ. Ему сказано доставить, онъ и долженъ былъ доставить. И пожалѣлъ онъ матросика, а привезъ на катерѣ, да еще для вѣрности связалъ... Это жалѣючи-то!—не безъ ироніи прибавилъ рассказчикъ. — Привезли, и тотъ же секундъ безъ допроса, какъ, молъ, и почему матросъ отъ тоски на отвѣтъ въ Рассею бѣжитъ,—бѣднягу на бакъ и всыпали безъ счета... Вродѣ какъ въ безчувствіи въ лазаретъ снесли... А вѣдь все отъ непонятія... Послѣ ужъ только въ понятіе на счетъ матросика вошли... Тогда и старшій офицеръ понялъ, что терпѣнія въ немъ не было... Тотъ оно и есть...

Въ эту минуту неслышными шагами приблизился лейтенантъ Пыжиковъ. Аришкинъ тотчасъ же смолкъ.

— Вы тутъ что? Дрыхнете?—спросилъ лейтенантъ, взглядываясь въ матросскія лица.

Всѣ поднялись и почти въ одинъ голосъ отвѣчали:

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе!

— Я имъ сказку сказывалъ, ваше благородіе! — доложилъ Аришкинъ.

— То-то... У меня на вахтѣ не спи! Я разбужу! — проговорилъ лейтенантъ и пошелъ дальше.

IV.

Матросы усѣлись опять, и Аришкинъ продолжалъ:

— Отлежался Пернатый... Опять службу справляетъ. Опять тоскуетъ... И боцманъ въ опалѣватости... Не понимаетъ... Однако пожалѣлъ матроса. «Такъ, молъ, и такъ, вашескобродіе, какъ бы чего надъ собой Пернатый не сдѣлалъ. Въ большой онъ, молъ, разстройкѣ!» — доложилъ боцманъ старшему офицеру. И старшій офицеръ какъ-бытто началъ въ понятіе входить и торопливость свою оставилъ. «Присматривай за имъ, говоритъ, хорошенько, и зря, говоритъ, не обезкураживай боемъ. А тамъ видно будетъ!» Ладно. Идемъ это мы тропиками, какъ вотъ теперь... Благодать одна... Теплынь... Служба легкая... И встрѣчали мы въ этихъ самыхъ мѣстахъ Святой праздникъ... А Васька-то Пернатый бытто отходить почалъ отъ тоски эти дни... Отстояли мы заутреню... А Пернатый около меня стоялъ... Гляжу: молится, съ колѣнъ не встаетъ и руками лицо закрылъ... Плечи вздрагиваютъ... Плачетъ... Выпили это мы наверхъ... разгавливаемся... А солнышко поднимается... И свѣтло стало... И матросики веселые... Праздникъ-то свѣтлый, праздникъ праздникамъ... Только Васька самъ не свой. Глядитъ то на яйца, на куличи, не ѣстъ, и такая въ его лицѣ тоска, братцы вы мои, что и не обсказать. «Полно, говорю,

Вась... Черезъ три года вернемся, говорю, въ Рассею». А онъ ровно и не слушаетъ. Уставилъ глаза на окіянь да какъ вскочилъ на бортъ... На счастье, одинъ матросъ у борта стоялъ... схватилъ его за локти. Насилу держитъ. А онъ голосомъ кричитъ: «Пустите, братцы, нѣтъ силъ моего терпѣнія... Лучше смерть».

Сняли его съ борта, привели къ капитану, — онъ въ то время команду обходилъ, проздравлялъ. «По какой-такой причинѣ ты жизни хотѣлъ рѣшиться, матросикъ, и въ такой великій день?—спросилъ капитанъ.— То бѣжать хотѣлъ, а теперъ топиться?» Тотъ опять свое: «Тоскую, говоритъ, въ чужихъ мѣстахъ». Видитъ капитанъ, что человекъ на изводъ готовъ. Велѣлъ позвать доктора. «Обслѣдуйте и доложите»... Онъ и доложилъ, что у Пернатова вродѣ бытто болѣзни... мудреное слово какое-то сказалъ... А выходитъ, что тоска по родинѣ... Ну, капитанъ тотчасъ же потребовалъ Пернатого и говоритъ: «Какъ придемъ на Яву - островъ, оставлю тебя, а ты съ обратнымъ судномъ вернешься въ Россію». И какъ услышалъ это Пернатый, сразу же человекомъ сталъ. Въ настоящее понятіе вошелъ... Повеселѣлъ... Одно слово, матросъ какъ матросъ... А какъ пришли на Яву-островъ и велѣли ему на «конвертъ» перебираться, что домой шелъ, такъ и обсказать нельзя, какъ онъ обрадовался... Прощается со всѣми и плачетъ отъ радости... Совсѣмъ диковинный матросикъ былъ!—заклучилъ рассказчикъ.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ поднялся и сказалъ: — Трубоченку выкурить пойду... Смѣтри, опять не засните, черти!

— Не заснемъ, Никонычъ. Ты разговорилъ сонъ... Да и скоро свѣтать начнетъ... Ишь, заря занимается!

О чемъ мечталъ мичманъ?

I.

Эта ночь въ Атлантическомъ океанѣ, подь сѣверными тропиками, градусохъ въ пяти, отъ экватора, была волшебная, чарующая ночь.

Небо сверкало звѣздами, точно брилліантами на темномъ бархатѣ. Лѣниво, словно бы нехотя, плывущая полная луна глядѣла сверху задумчиво-томной красавицей и лила свой серебристо-блѣдный свѣтъ, побѣждая мракъ тропической ночи и придавая ей еще большую прелесть. Океанъ притихъ, точно дремалъ, нѣжась подь луннымъ сіяньемъ, и волны тихо и ласково шептались одна съ другою. И отъ нихъ, и отъ мягкаго пассатнаго вѣтра вѣяло нѣжной прохладой, столь желанной послѣ палящихъ лучей тропическаго солнца. Одѣтый сверху до-низу своихъ трехъ высокихъ мачтъ парусами, имѣя ихъ и между мачтами, и впереди, у бугшприта, военный клиперъ «Русалка» легко и граціозно скользитъ по соннымъ, тихо переливающимся, но все-таки могучимъ волнамъ, среди волшеб-

наго полусвѣта, весь залитый лучами мѣсяца, направляясь къ югу.

Съ плескомъ, похожимъ на ласковый шепотъ, волны нѣжно лижутъ со всѣхъ сторонъ покачивающійся клиперъ «Русалку», загораясь отъ прикосновенія къ нему ослѣпительнымъ фосфорическимъ блескомъ и разсыпая алмазную пыль своихъ гребешковъ.

И кажется будто «Русалка» плыветъ въ какомъ-то волшебномъ водяномъ царствѣ, полномъ чудесъ, въ каймѣ растопленнаго серебра, оставляя за кормой блестящій слѣдъ въ видѣ широкой серебрястой ленты, исчезающей вдали.

Всѣ спятъ кромѣ вахтеннаго офицера и вахтеннаго отдѣленія матросовъ.

На «Русалкѣ» и вокругъ тишина.

Слышатся только словно бы вздохи океана да однообразно-тихий гулъ воды, разсѣкаемой клиперомъ, напоминающій лепетъ морского прибоя во время штиля, да по временамъ пониженные до шепота голоса вахтенныхъ матросовъ, разгоняющихъ сказкой или бывальщиной незамѣтно подкрадывающуюся дрему.

II.

Юный мичманъ Лютиковъ, худощавый и стройный блондинъ, съ большими ласковыми глазами, едва пробивавшейся бородкой и маленькими усиками, казавшійся при лунномъ освѣщеніи еще пригожѣе, чѣмъ былъ въ дѣйствительности, только что вступилъ на вахту съ полуночи до четырехъ.

Онъ повѣрилъ часовыхъ, осмотрѣлъ огни, убѣдился что паруса стоятъ хорошо и всѣ шкоты дотянуты до

мѣста, поднялся на мостикъ и, оглядѣвшись вокругъ, замеръ отъ восторга, нѣмьющій и умиленный волшебной красотой ночи.

Охваченный ея властными чарами, онъ очень скоро охотно и неосмотрительно отдается во власть воспоминаній о тѣхъ чарахъ, которыя еще такъ недавно сводили его съ ума. Основательно ими отравленный, онъ все еще не можетъ отъ нихъ избавиться, несмотря на свои двадцать два года, изрядное легкомысліе, насмѣшки сослуживцевъ, укорительныя письма матери и несмотря даже на то, что съѣзжалъ на берегъ и въ Копенгагенъ, и въ Лондонъ и ѣздилъ изъ Шербурга на три дня въ Парижъ.

Это былъ совсѣмъ «дикий» мичманъ, какъ выражался молодой судовой врачъ Василій Парфеновичъ, любившій объяснять всѣ явленія анатомически, фізіологически и химически и возлагавшій большія надежды на съѣзды на берегъ.

— Господи! Что за дивная ночь!—взволнованно шепчетъ мичманъ.

Онъ шепчетъ, готовый заплакать, полный тоскливаго томленія и жажды какого-то необыкновеннаго, захватывающаго счастья, о какомъ можно мечтать только въ чинѣ мичмана, да еще въ такую волшебную ночь и на такой покойной вахтѣ, когда вахтенному начальнику почти что нечего дѣлать.

И онъ ходитъ по мостику въ приподнятомъ и нервномъ настроеніи, жадно вдыхая ночную прохладу, мечтательно взглядываетъ и на мигающія звѣзды и на самодовольно красивую луну, и на сонный океанъ и прислушивается къ его тихимъ, словно бы жалостнымъ вздохамъ.

Но на что ни глядитъ теперь мичманъ, онъ все-таки видитъ неотступно передъ собой гибкую, какъ ива, стройную, какъ пальма, по его мнѣнію, обворожительную черноглазую женщину, краше, милѣй и привлекательнѣй которой не было, нѣтъ, да разумѣется и не будетъ на свѣтѣ, что тамъ ни говори докторъ и «испанскій грандъ» (какъ звали смугло-желтаго брюнета и большого лодыря, лейтенанта Анчарова) на счетъ его ослѣпленія Ниной Васильевной, женой чрезмѣрно тучнаго и потому не особенно счастливаго въ семейной жизни капитана перваго ранга Ползикова.

«Идіоты! Если бы они знали!»

Положительно Лютиковъ былъ самый диковинный и нелѣпый мичманъ среди всѣхъ мичмановъ балтійскаго и черноморскаго флотовъ и не даромъ ставилъ втупикъ судового врача, не оправдывая его физиологическихъ объясненій.

Казалось бы громадность разстоянія между тропиками и Кронштадтомъ способна отрезвить самое пылкое воображеніе. Казалось бы, кое-что значило и то обстоятельство, что въ Порто-Гранде — послѣдней стоянкѣ клипера — не было нетерпѣливо ожидаемаго письма за № 20, въ отвѣтъ на его обширное посланье за № 52 (это въ два-то мѣсяца) въ прозѣ, а частью и въ стихахъ, обращенныхъ, однако, не къ «Нинѣ», а къ какой-то королевѣ неизвѣстнаго государства — Стеллѣ, единственнымъ и дѣйствительно настоящимъ вѣрноподаннымъ которой былъ обезумѣвшій мичманъ. Наконецъ, и фотографія «королевы», снятая передъ уходомъ «Русалки» въ плаваніе и хранившаяся въ шифоньеркѣ мичмана, была такая скверная, и такъ мало похожа на «обворожительную», что не могла вызы-

вать милого образа. Что же касается до прядки черныхъ волосъ, свернутыхъ колечкомъ и хранившейся подъ стекломъ, въ медальонѣ, висѣвшемъ на часовой цѣпочкѣ, то и эта «память» едва ли могла приводить въ состояніе невмѣняемости человѣка, понимающаго разницу между стекломъ и женскими губами.

А между тѣмъ «властительницею думъ» и настроенія мичмана теперь снова была та самая чаровница лѣтъ тридцати (а быть можетъ и съ хвостикомъ), которую мичманъ, влюбленный, какъ воробей, ревнивый какъ старый мужъ молодой жены и бѣшенный какъ теревъ по веснѣ, чуть ли не ежедневно въ теченіе шестимѣсячнаго знакомства, то возвеличивалъ, то низвергалъ. Онъ считалъ госпожу Ползикову то мадонной, на которую готовъ былъ молиться, то такой лживой, бездушной, легкомысленной и коварной женщиной, какой не существовало еще въ подлунной—хотя и были Лукреція Борджіа и Мессалина—и которую слѣдуетъ убить и затѣмъ застрѣлиться самому, предварительно, однако отравившись ея горячими поцѣлуями, чтобъ провести послѣднія минуты жизни счастливо.

И если Нина Васильевна и мичманъ до сихъ поръ были живы, то единственно потому, что госпожа Ползикова въ моменты такой кровожадности мичмана умѣла внезапно превращаться въ мадонну.

Такъ мичманъ и ушелъ въ кругосвѣтное плаваніе, не уяснивъ себѣ окончательно, мадонна ли Нина или коварная дама, но все-таки влюбленный до безумія въ обѣ разновидности одного и того же лица.

III.

Ночь такъ обаятельна, ночь такъ опьянительна, что мичманъ сперва было великодушно пожелавшій Нинѣ всѣхъ благъ и радостей безъ собственнаго въ нихъ участія, внезапно при одной мысли, что Нину можетъ цѣловать какой-нибудь другой мичманъ, мѣняетъ свое самоотверженное рѣшеніе. Онъ озаренъ счастливой идеей о томъ, что высшее на землѣ его счастье, по крайней мѣрѣ для него, мичмана Лютикова, въ гербѣ котораго не даромъ же два лютика, соединенныхъ въ клювъ аиста, олицетворявшаго постоянство,—не командовать клиперомъ, не сдѣлаться адмираломъ, не искать славы, почестей и богатства,—все это ерунда,—а очутиться сейчасъ же, сію минуту, не дожидаясь смѣны съ вахты, на какомъ-нибудь малообитаемомъ, а то и на необитаемомъ, но во всякомъ случаѣ никому неизвѣстномъ островѣ. Разумѣется, очутиться вмѣстѣ съ Ниной Васильевной, среди такого же чуднаго океана и въ такую же волшебную ночь, чтобы взять ея обѣ маленькія, душистыя руки съ длинными, тонкими пальцами, въ свои, заглянуть поглубже въ ея большіе лучистые глаза и высказать ей все, рѣшительно все, что не успѣлъ онъ высказать въ теченіе шести мѣсяцевъ, хотя и бывалъ у Нины чуть ли не ежедневно, болтая сперва какъ сорока, пока вдругъ не смолкъ и только вздыхалъ, и наконецъ снова не заговорилъ счастливыми восторженными восклицаніями, послѣ безмолвныхъ и долгихъ поцѣлуевъ.

И послѣ того, какъ онъ все ей выскажетъ, она убѣдится въ безпредѣльности и силѣ его любви,—убѣ-

дится, что такъ «свято» ее никто не любилъ и не будетъ любить, и не станетъ его мучить, какъ мучила, мѣняя по нѣскольку разъ въ часъ свое настроеніе и дѣлая его то безконечно-счастливымъ (когда бывала мадонна), то безконечно-несчастливымъ (когда говорила, чтобы онъ уходилъ навсегда). Она пойметъ странность своего отношенія, не станетъ больше приводить его въ ужасъ своими рѣзкими переходами отъ ласки къ выраженію презрѣнія, и не будетъ питать его ревности, на необитаемомъ островѣ, кокетничая, за неимѣніемъ мичмановъ, съ чайками.

О, она раскается за то, что терзала такъ бѣднаго мичмана, и, вся просвѣтленная послѣ объясненія, скажетъ: — Никсъ! Я люблю тебя одного. Я твоя и только твоя и никуда не хочу съ необитаемаго острова. Даже Гостинный дворъ позабуду ради твоего счастья!

Разумѣется, не предполагалось, чтобы на необитаемый островъ могъ прибыть капитанъ перваго ранга Ползиковъ, или—что было бы еще ужаснѣе—нѣсколько поклонниковъ-мичмановъ, присутствіе которыхъ, особенно по-одиночкѣ, около кокетливой Нины, вызывало въ Лютиковѣ, — бѣшеное желаніе отправить всѣхъ этихъ господъ на тотъ свѣтъ или по меньшей мѣрѣ сдѣлать изъ нихъ болѣе или менѣе обворожительныхъ, хотя разумѣется и «подлыхъ» лицъ, нѣчто, похожее на рубленія котлеты.

Вотъ почему, мечтая теперь о Нинѣ, мичманъ забылъ, какъ она его изводила, съ веселой жестокостью играя его настроеніями. Напротивъ, онъ благодарно вспоминалъ о томъ, какъ она его цѣловала, и, считая теперь Нину только мадонной, еще сильнѣе рвался на необитаемый островъ.

Затѣмъ мечты его вдругъ прервались воспоминаньями.

Началъ мичманъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ то-есть съ маленькихъ рукъ, на которыхъ не было, казалось, ни одной точки, пропущенной губами пылкаго мичмана... Затѣмъ, вспомнилъ шею, лицо, глаза, маленькія ноги въ красныхъ туфелькахъ.

И изъ груди мичмана вдругъ вырвался такой громкій вздохъ, что стоявшій вблизи и клевавшій носомъ молодой сигнальщикъ Ефремовъ мгновенно встрепенулся и, думая, что мичманъ его кличетъ, поспѣшилъ крикнуть:

— Есть, ваше благородіе!

Несмотря на тоскливо-нервное свое настроеніе, Лютиковъ невольно улыбнулся и, приблизившись къ сигнальщику, съ обычнымъ своимъ добродушіемъ спросилъ:

— Вѣрно, вздремнулъ, братъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе. Маленько задумался.

— Задумался?

— Точно такъ, ваше благородіе, въ задумчивость вошелъ. Ночь такая.

— Это правда! Чудная ночь.

— Ахтительная, ваше благородіе. Въ Рассеѣ такихъ нѣтъ.

— О чемъ же ты задумался, Ефремовъ?

— Такъ, обо всякой, значить, всячинѣ, ваше благородіе.

— Такъ можетъ ты думалъ...

Мичманъ запнулся и неожиданно спросилъ:

— Ты любишь какую-нибудь женщину, Ефремовъ? Сигнальщикъ на минуту опѣшилъ. Но вслѣдъ за-

тѣмъ усмѣхнулся нѣсколько самодовольной улыбкой и отвѣтилъ:

— Безъ эстаго никакъ нельзя, ваше благородіе. Какая баба подвернется, тую и любишь. Извѣстно морское званіе: на брасахъ не зѣвай!

Оскорбленный такою профанаціей, мичманъ не продолжалъ разговора и снова зашагалъ по мостику, продолжая мечтать о своей «королевѣ».

IV.

Теперь мечты его приняли другое направленіе.

Онъ уже не на необитаемомъ островѣ, а въ Петербургѣ, куда только-что приѣхалъ, возвратившись изъ кругосвѣтнаго плаванія по болѣзни, какъ только получилъ отъ Нины письмо, въ которомъ она пишетъ, что мужъ умеръ.

И мичманъ, безжалостно отправивъ на тотъ свѣтъ капитана перваго ранга Ползикова, торопится къ Нинѣ Васильевнѣ. Она теперь свободна и, слѣдовательно, имѣетъ возможность видѣть мичмана не только часто, какъ ей хочется, судя по послѣднему письму за № 20, но постоянно.

Вотъ онъ подѣхалъ къ дому, въ которомъ помѣстила Нину пылкая фантазія мичмана, взбѣгаетъ на лѣстницу, звонитъ, входитъ въ ея маленькую, но хорошенькую, конечно, квартиру и... Господи! Да какъ же она хороша въ глубокомъ траурѣ!

Онъ цѣлуетъ ея руки, глаза, волосы, щеки, губы и только послѣ того умоляетъ ее быть его женой. Она сперва говоритъ о разницѣ лѣтъ: ему двадцать-два, ей тридцать, но скоро соглашается. Еще бы не согла-

ситься! Не даромъ же ея письма говорятъ о томъ, какъ безъ него скучно, очень скучно.

И все складывается въ мечтахъ мичмана удивительно хорошо. Даже финансовый вопросъ разрѣшенъ безъ малѣйшихъ затрудненій выходомъ мичмана въ отставку и полученіемъ мѣста съ хорошимъ жалованьемъ, тысячи полторы-двѣ въ годъ, и они отлично заживутъ...

Мичманъ представляетъ себѣ, какъ они заживутъ, но представленія его ограничиваются лишь поцѣлуями, которыми онъ теперь можетъ пользоваться à discretion и безъ всякаго страха, что въ гостиную неожиданно войдетъ капитанъ перваго ранга Ползиковъ или влетитъ этотъ болванъ вѣстовой Егоровъ, совсѣмъ не соображавшій, какъ надо входить въ гостиную, когда тамъ сидитъ мичманъ вдвоемъ съ Ниной Васильевой. Не помѣшаютъ и мичманы. Во-первыхъ, они будутъ жить не въ Кронштадтѣ, а въ Петербургѣ, и, во-вторыхъ, онъ такъ-таки и не велитъ никого принимать. Ни единой души. Они будутъ всегда вдвоемъ. И выходить изъ дому будутъ всегда вдвоемъ.

Однако мысль о томъ, что придется по утрамъ уходить на службу, куда никакъ нельзя было брать Нину съ собой, возбуждаетъ къ мичманѣ ревнивое подозрѣніе на счетъ того, что въ его отсутствіе кто-нибудь изъ этихъ подлецовъ-мичмановъ можетъ являться съ визитомъ и мало того, что разговаривать съ Ниной, но и нахально цѣловать ея руки... Она нѣсколько легкомысленно-свободно относится къ тому, что у нея цѣлуютъ руки, и это обстоятельство бывало не разъ однимъ изъ мотивовъ, по которымъ мичманъ послѣ бурной сцены уходилъ мрачный съ зарождающимися

мыслями убить Нину Васильевну и потомъ застрѣлиться самому.

Болѣе другихъ возмущалъ его «подлецъ» Ракушкинъ, смуглолицый, красивый и фатоватый мичманъ, декламировавшій стихи и игравшій на фортепiano «съ большимъ чувствомъ», по словамъ многихъ дамъ. Возмущалъ онъ его главнымъ образомъ потому, что въ качествѣ товарища и бывшего друга зналъ, что Лютиковъ влюбленъ въ Нину Васильевну и вмѣсто того, чтобы не мѣшать ему, какъ слѣдовало бы порядочному человѣку, и ухаживать за женой какого-нибудь другого чрезмѣрно-тучнаго или чрезмѣрно-худого капитана первого ранга, онъ сталъ ухаживать за Ниной Васильевной, торчалъ по цѣлымъ часамъ, не спускалъ съ нея глазъ, и съ особеннымъ чувствомъ игралъ ноктюрнъ Шопена и добивался-таки того, что Лютиковъ демонстративно уходилъ мрачный, чувствуя себя безконечно несчастнымъ и готовымъ убить Ракушкина, если бы... И только записочка Нины Васильевны, звавшей его вечеромъ «поскучать вдвоемъ», успокоивала его вмѣстѣ съ увѣреніемъ «мадонны», что пока ей кромѣ Лютикова никто не нравится.

Но теперь на ночной вахтѣ, въ такомъ далекомъ разстояніи отъ Кронштадта, при невозможности имѣть успокаивающую записочку, мичманъ терзается ревностью, и ему снова кажется, что поселиться на необитаемомъ островѣ было бы лучше, чѣмъ въ Петербургѣ...

Однако и необитаемый островъ, и супружеское счастье въ Петербургѣ, и горячіе поцѣлуи—все это вдругъ вылетаетъ изъ головы мичмана, и напрасно онъ старается возвратиться къ этимъ мечтамъ, приводившимъ его въ пріятное настроеніе.

Всѣ его мысли сосредоточены на Ракушкинѣ и Нинѣ, которая снова представляется ему уже не «мадонной», а прямо-таки лживой и бездушной женщиной, съ которой онъ на свое несчастье только встрѣтился. Въ этотъ именно часъ («а въ Кронштадтѣ теперь около часа пополудни», — мысленно перевелъ время Лютиковъ) Ракушкинъ сидитъ около Нины Васильевны на томъ же самомъ небольшомъ диванчикѣ, на которомъ вдвоемъ такъ удобно сидѣть и на которомъ такъ часто сидѣлъ и онъ. Ивана Ивановича Ползикова по обыкновенію нѣтъ дома. «Засиживается въ канцеляріи дуракъ вмѣсто того, чтобы торопиться домой», — мысленно покорилъ теперь мичманъ тучнаго капитана перваго ранга за то именно, за что еще недавно, когда самъ сидѣлъ на диванчикѣ, очень хвалилъ Ползикова, находя его однимъ изъ энергичныхъ и дѣятельныхъ экипажныхъ командировъ.

И Ракушкинъ безъ всякаго стѣсненія говоритъ теперь Нинѣ о своей любви и умоляетъ позволить ему поцѣловать ея руку... Она слушаетъ этого «мерзавца» и, безсовѣстная, забываетъ, что еще два мѣсяца тому назадъ, на самомъ этомъ диванчикѣ... Она забываетъ, что писала въ письмахъ, какъ скучала безъ него, все забыла, коварная, и вмѣсто того, чтобы прогнать, какъ бы слѣдовало, Ракушкина, продолжаетъ улыбаться, слушая его, — и главное, не отнимаетъ своей руки...

Эта картина такъ живо и ярко представляется мичману, что сердце его замираетъ, затѣмъ негодованіе охватываетъ его, и онъ, полный отчаянія и злобы, самъ не замѣчаетъ, какъ говоритъ вслухъ:

— Безсовѣстная!.. Подлецъ, подлецъ! — нѣсколько разъ повторяетъ мичманъ, угрожая Ракушкину изъ-

подъ пятого градуса широты, готовый непременно бросить его въ океанъ, предварительно, конечно, давъ ему въ морду и сказавши, что такъ поступаютъ только Гуды-предатели.

— Есть! — снова раздался неестественно громкій окрикъ сигнальщика Ефремова.

Пробудившись отъ дремоты, близкой къ настоящему сну, которой сигнальщикъ предавался, хотя и не въ особенно удобномъ положеніи, — стоя съ подзорной трубой въ рукахъ и прислонившись къ поручнямъ мостика, — но все-таки довольно основательно, Ефремовъ на этотъ разъ явственно слышалъ, какъ вахтенный начальникъ ругался подлецомъ. Ни мало не сомнѣваясь, что выругали именно его за то, что онъ снова «маленько задумался», сигнальщикъ поторопился доказать своимъ громкимъ окрикомъ, что онъ бодрствуетъ.

— Ты что кричишь? Опять дрыхнешь? — не безъ раздражительной нотки, спросилъ останавливаясь мичманъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе. Вы изволили меня обругать подлецомъ... Но только осмѣлюсь доложить, я не дрыхалъ.

— Я не тебя! — проговорилъ мичманъ.

Онъ снова заходилъ, и снова воображеніе его представило Нину Васильевну рядомъ съ Ракушкинымъ, который цѣловалъ уже не руки, а самыя губы...

И волшебная ночь потеряла вдругъ для мичмана всякую прелесть. И онъ чувствовалъ теперь себя самымъ несчастнымъ человѣкомъ въ мірѣ, какимъ только можетъ быть мичманъ въ двадцать два года.

V.

Прошелъ мѣсяць.

Лютиковъ опять стоялъ на вахтѣ съ полуночи до четырехъ, въ то время, какъ «Русалка» подъ парами шла къ выходу изъ Зондскаго пролива, направляясь послѣ недѣльной стоянки въ Батавіи въ Сингапуръ.

Опять была волшебная ночь, но мичманъ уже не мечталъ такъ, какъ раньше. И самъ онъ измѣнился: похудѣлъ и поблѣднѣлъ послѣ болѣзни.

И онъ еще не пережилъ эту болѣзнь молодости, этотъ первый ударъ, полученный имъ въ видѣ нѣсколькихъ строкъ отъ Нины Васильевны, полученныхъ имъ въ Батавіи.

Эти строки гласили: «Не пишите болѣе. Такъ будетъ лучше для насъ обоихъ».

Мичманъ только ахнулъ, прочитавъ эти строки. Еще въ послѣднемъ письмѣ она писала, что любитъ его, и вдругъ: «не пишите болѣе».

Онъ цѣлый день не выходилъ изъ своей каюты и не находилъ отъ тоски себѣ мѣста.

Но еще обиднѣе и больнѣе было ему, когда на другое утро «испанскій грандъ» сказалъ ему:

— А знаете, Коленька, какія извѣстія изъ Кронштадта?

— Какія?

— Дама вашего сердца... госпожа Ползикова обратила особенное вниманіе на Ракушкина, и онъ теперь при ней безотлучно...

— Ну, такъ что-жъ?—вызывающе крикнулъ, блѣднѣя, Лютиковъ.

— Ничего... Я вамъ только сообщаю новость,—лѣнливо протянулъ «испанскій грандъ».

А докторъ, улыбаясь, прибавилъ:

— Не ждать же ей диковиннаго мичмана три года.

— Она не ждетъ ни меня и никого не ждетъ. И всѣ эти извѣстiя—подлая сплетни... И я васъ вызываю на дуэль!—вдругъ неестественно громко выкрикнулъ Лютиковъ «испанскому гранду», а самъ трясся, какъ въ лихорадкѣ.

— Вы, Николай Николаичъ, того, напрасно волнуетесь... Лучше на берегъ, голубчикъ съѣздите,—замѣтилъ докторъ.

— А вы меня за что на дуэль?—добродушно спросилъ «грандъ».

Мичманъ отвѣтилъ:

— Да вы не смѣете такъ о ней говорить.

— Да что я сказалъ?

— Про Ракушкина... Это вздоръ... Этого не можетъ быть... И я не позволю такъ говорить о порядочной женщинѣ!

Насилу его успокоили и заставили попросить извиненiя у «гранда».

Всѣ пять дней, что клиперъ стоялъ въ Батавіи, Лютиковъ пробылъ у себя въ каютѣ и лежалъ на койкѣ. Напрасно докторъ нѣсколько разъ заходилъ къ нему, рекомендуя съѣздить на берегъ.

Мичманъ сердито отказывался.

И теперь, нѣсколько успокоившійся, хотя все еще не пережившій перваго своего разочарованiя, онъ мечтаетъ о томъ, съ какимъ ледянымъ равнодушіемъ онъ взглянетъ на Нину Васильевну, когда вернется въ Рос-

сію... Ракушкину не поклонится... Пройдетъ мимо, осмотритъ ихъ обоихъ съ холоднымъ презрѣніемъ и...

«Какіе всѣ люди подлые!» — мысленно говоритъ мичманъ и еще разъ рѣшаетъ не любить больше никого.

— Не стоитъ! — шепчетъ онъ, подбадривая себя. Ему хочется поскорѣе показать «этой женщинѣ», что онъ совсѣмъ къ ней равнодушенъ и презираетъ ее, и въ то же время чувствуетъ себя одинокимъ на свѣтѣ и готовъ заплакать.

А ночь такая волшебная, и мичману такъ хочется счастья.

Эмигрантъ.

I.

Форъ-марсовой Антонъ Сойкинъ, отпущенный вмѣстѣ съ первой вахтой корвета «Медвѣдь» на берегъ, не началъ осмотра Санъ-Франциско съ «салуновъ» (кабаковъ) на набережной, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ пристани.

У Сойкина въ карманѣ штановъ было пять долларовъ, полученныхъ отъ капитана въ награду за находчивость и отвагу во время шторма въ Тихомъ океанѣ, на пути изъ Нагасаки въ Калифорнію, и матросъ рѣшилъ не пропить на берегу всего капитала, а поступить съ нимъ иначе.

Поводомъ къ такому неожиданному рѣшенію было только что полученное Сойкинымъ письмо изъ Кронштадта отъ кумы Арины, молодой вдовы, матроски, торговавшей на рынкѣ разной мелочью. Написанное, по порученію кумы, старымъ писаремъ, какъ было пояснено со словъ кумы, подписавшимъ письмо какимъ-то Ивановымъ,— посланіе это извѣщало, что Ариша пла-

четь горячими слезами въ «тоскъ разлуки» и ждетъ не дождется возвращенія Антоши. Послѣ краснорѣчивыхъ изліяній было прибавлено, что Арина Николаевна хотѣла бы на память отъ милаго кума какое-нибудь колечко изъ-за границы, которое можно прислать съ обратнымъ судномъ, если только Антонъ Ивановичъ не забылъ Ариши и захочетъ обнадѣжить гостинцемъ свою «несчастную до гроба любящую куму».

Постоянство кумы прежде не было, какъ казалось Сойкину, въ числѣ многихъ ея достоинствъ, и эта поздняя вѣсточка изумила и тронула простодушнаго, далеко не молодого и не казистаго матроса. Подъ вліяніемъ любезныхъ словъ Арины, Сойкинъ пожалѣлъ, что не вспомнилъ о кумѣ въ Сингапурѣ и пропилъ два шиллинга, на которые могъ бы купить форсистое колечко съ изумрудомъ или рубиномъ, какъ называли блестящія стекла продавцы-сингалезцы.

И матросъ рѣшилъ блистательно поправить свою вину. Онъ истратитъ четыре доллара на гостинецъ Аришкѣ и только одинъ пропѣетъ.

Несмотря на увѣщанія товарищей-марсовыхъ, работавшихъ вмѣстѣ на фока-реѣ, сперва честь честию испробовать американскіе напитки въ «салунѣ» и уже потомъ погулять въ городѣ и купить что надо, Сойкинъ, къ удивленію товарищей, благоразумно отказался.

Нѣсколько сконфуженный, онъ не сказывалъ, отъ кого получилъ письмо, и, разумѣется, никого не посвятилъ въ свои намѣренія купить колечко для кумы, хорошо извѣстной матросамъ подъ именемъ «шельмы Аришки». Сойкинъ боялся насмѣшекъ команды, если бы на «Медвѣдѣ» узнали, что онъ, отчаянный пьяница и основательный матросъ, — тратитъ такія большія

деньги на «безпардонную» Аришку и, главное, повѣрилъ ей вѣрности...

Сойкинъ даже отклонилъ предложеніе унтеръ-офицера Захарова идти вмѣстѣ въ городъ и пошелъ одинъ, надѣясь, что два-три англійскія слова, которыя зналъ, помогутъ ему сдѣлать покупку.

Черезъ четверть часа матросъ уже былъ на большой Монгомерри-стритъ и глазѣлъ на витрину ювелирнаго магазина, въ которой сверкали блестящіе браслеты, брошки, серьги и кольца.

Однако, войти въ магазинъ Сойкинъ не рѣшался. Онъ минуты двѣ стоялъ у витрины, присматривая кольца поменьше, казалось ему, подходящія по цѣнѣ, какъ вдругъ у самага его уха раздался голосъ:

— А вы что хотите покупать, землякъ?

Матросъ повернулъ голову и увидалъ передъ собой пожилого, худого, очень плохо одѣтаго «вольнаго» ¹⁾ чловѣка съ порыжѣлымъ цилиндромъ на головѣ.

И типичное истомленное и блѣдное лицо съ черными блестящими глазами и крючковатымъ носомъ и акцентъ обличали еврея.

Сойкинъ обрадовался земляку и сказалъ:

— Перстенокъ нужно купить...

— Здѣсь хотите? Видно много у васъ долларовъ, господинъ матросъ?—не безъ иронической нотки спросилъ землякъ съ обычной у евреевъ пѣвучей интонаціей визгливаго голоса.

— Пять долларовъ... На четыре перстенокъ могу!—отвѣтилъ Сойкинъ, взглядывая на незнакомца съ такимъ простодушіемъ, словно бы давно его зналъ.

¹⁾ Вольнымъ матросы называютъ статскаго.

— Пхе! Тутъ настоящіе «брулліанты»... Много нужно денегъ, чтобы покупать эти штучки.

— Значить и вовсе нельзя?

— Почему нельзя? На всякую цѣну есть вродѣ бытто брулліанты... И на мнѣ кустюмъ и на другихъ кустюмъ, а цѣна имъ разная.

— А гдѣ найти другую лавку?.. Вы только скажите, какъ найти... я пойму... Молъ, направо и налѣво...

— Да вы, землякъ, по здѣшнему умѣете?

— То-то по ихнему не умѣю.

— Ну, такъ пойдѣте. Давно не видалъ я русскаго человѣка и радъ поговорить съ нимъ. Я проведу въ лавку, и вы купите кольцо... За три года я по-аглички выучился...

Сойкинъ просіялъ и порывисто воскликнулъ:

— Спасибо, землякъ! То-то вызволишь меня, братецъ ты мой... Какъ звать васъ, землякъ?

— Моисей Исаичъ!.. Въ Россіи Мошкой звали... А по фамиліи я мистеръ Моръ... По настоящему: Мордухевичъ. Еврей!—не безъ гордости прибавилъ онъ.

— А я, Сойкинъ, форъ-марсовый...

— А ежели по имени!..

— Антонъ.

— А по батюшкѣ, господинъ Сойкинъ?

— Иванычъ.

— Такъ я очень даже радъ, что встрѣтилъ земляка, Антонъ Иванычъ... Не бойсь, не брезгуете евреемъ...

И Моисей Исааковичъ протянулъ свою блѣдную и грязную руку, которую Сойкинъ крѣпко потрясъ.

Они повернули въ боковую улицу. Дорогой Моисей Исааковичъ любопытно спрашивалъ:

— А какъ нынче дѣла въ Россіи?.. Слышно народу волю дали?

— То-то дали...

— А у васъ на флотѣ какъ? Терпите по своему званію?

— Капитанъ у насъ съ разсудкомъ... И прочіе офицеры, слава Богу. Грѣхъ жаловаться.

— Ишь ты!.. Съ разсудкомъ? И не бьютъ васъ, Антонъ Иванычъ?

— То-то рѣдко... За дѣло... Ежели, молъ, напьешься съ пропоемъ вещей... А жить можно. Притѣсненіевъ нѣтъ...

— Счастье ваше, что начальники съ разсудкомъ... А только страшно быть матросомъ, Антонъ Иванычъ... Ой-ой-ой! А у васъ на «Медвѣдѣ» нѣтъ евреевъ?

— Нѣтъ...

Скоро матросъ и еврей вошли въ небольшую лавку:

— Вотъ смотрите, Антонъ Иванычъ... Тутъ какое вгодно колечко выбирайте... Вродѣ бытто брульянты, рубины и изумруды... Вамъ для кого гостинецъ?

— Для кумы, Моисей Исакычъ!

— И молодая кума, ежели спросить?

— Молодая!— сконфуженно отвѣтилъ Сойкинъ.

— Такъ берите полегче колечко, Антонъ Иванычъ... Рубиновое... Обозначаетъ приверженность.

При помощи Моисея Исаковича Сойкинъ купилъ за три доллара колечко съ краснымъ блестящимъ стеклышкомъ.

Они ушли изъ лавки. Сойкинъ поблагодарилъ земляка и сказалъ:

— А теперь валимъ, Моисей Исакычъ, на пристань. Тамъ салуны есть... И позволю поднести тебѣ, Моисей

Исакычъ, виски. Сказываютъ, здѣсь напитокъ форменный!

Еврей охотно согласился идти вмѣстѣ въ салунъ и выпить только одну маленькую рюмочку за здоровье земляка: вина Моисей Исакычъ не пьетъ много. Но если Антонъ Иванычъ не прочь угостить, то онъ съѣлъ бы чего нибудь мясного на пятьдесятъ центовъ.

— Дѣла сегодня плохи были... Не завтракалъ еще! — уныло прибавилъ Моисей Исааковичъ.

— На весь долларъ ѣшь, Моисей Исакычъ... Съ большимъ моимъ удовольствіемъ. А вы какими дѣлами занимаетесь?

— Пока что, вродѣ комиссіонера... Капитала оборотнаго нѣтъ, а то занялся бы торговлей...

Черезъ четверть часа матросъ и еврей сидѣли за столикомъ въ одномъ изъ кабаковъ. Моисей Исааковичъ жадно уписывалъ бифштексъ, а Сойкинъ пробовалъ виски...

Скоро Моисей Исааковичъ насытился и поблагодарилъ матроса. Сойкинъ уже занялся ромомъ и спросилъ:

— А вы по какой причинѣ, землякъ, сюда пріѣхали?..

— Убѣжалъ изъ Россіи, со службы, если хотите знать... Тоже и я былъ солдатомъ...

— Бѣглый, значитъ. И никогда тебѣ не вернуться! — пожалѣлъ Сойкинъ. — И зачѣмъ ты побѣжалъ сюда, Моисей Исакычъ?

— А вы послушайте, какая судьба моя была... Никакъ нельзя было не убѣжать...

— Такъ сказывай, Моисей Исакычъ, какая такая причина, что ты нарушилъ присягу.

Еврей помолчалъ и началъ.

II.

— А всякому человѣку своя судьба. Я такъ объ этомъ понимаю, ежели хотите знать, Антонъ Ивановичъ. Изъ-за судьбы бѣжалъ сюда. Изъ-за ротнаго своего командира и нарушилъ присягу. А прежде я не такой былъ. Совѣсть во мнѣ была, когда я жилъ при маменькѣ и папенькѣ въ Проскуровѣ и никакъ не считывалъ, что меня возьмутъ въ солдаты. Но мы были бѣдные жида, и меня взяли. И папенька и маменька очень плакали и послѣднія деньги отдали, чтобы меня не взяли—дохлый, молъ, одинъ убытокъ казнѣ. Но деньги у «родителейъ» взяли, и Мошку взяли... И какъ стали меня учить, такъ и стали совѣсть изъ меня выбивать; сами знаете, какое при Императорѣ Николаѣ обидное было ученье. И дядька билъ и капральный билъ, и фитьфебель билъ, и ротный безъ всякаго милосердія розгами наказывалъ... А я очень боялся розогъ... И какъ ихъ не бояться? И очень старался по службѣ, чтобы розогъ не принимать, но старайся, не старайся, а все-таки какой я солдатъ былъ, ужъ надо правду сказать.

— Не любилъ службы?—спросилъ Сойкинъ.

— Да кто-жъ любить службу? Кому охота солдатомъ быть. А еврею и подавно... Еврей больше понимаетъ по торговой части, а не то что на ученьяхъ, да на смотрахъ, не моргнувши, во фронтъ стоять. И кромѣ того силы во мнѣ для службы не было настоящей... Слабый я по сложенію, хотя и высокій ростомъ. Такъ и звалъ меня ротный «жидовской бабой» и все объ-

щаль меня сдѣлать военнымъ мужчиномъ... Да не сдѣлалъ, а только совѣсть забилъ....

— Какъ же это вышло?..

— А такъ и вышло, что я на хитрость пошелъ, чтобы меня не били, а то, думаю, совѣмъ пропадетъ Мошка. Извѣстно слабый человѣкъ завсегда на хитрость идетъ, ежели Богъ ему далъ ума. И очень обидно было, что меня и ротный, и фитьфебель всячески унижали... За ученьемъ «жидовская баба», а такъ: «жидъ пархатый». Они жиды вродѣ какъ за послѣднюю скотину считали... Точно жидъ не человѣкъ. А чѣмъ я виноватъ, что жидомъ родился, и чѣмъ жидъ хуже русскаго?.. Но только они этого не понимали... И многіе этого не понимали и теперь этого не понимаютъ... И очень корили меня, что я жидъ. И ротный приказывалъ даже мнѣ перекреститься въ русскую вѣру. — «Перекрестись, говорить. Все, говорить, вродѣ какъ полъ-жида будешь»...

— А ты не пожелалъ?—спросилъ Сойкинъ.

— Просилъ остаться цѣлымъ жидомъ,—съ тонкой усмѣшкой проговорилъ Моисей Исааковичъ. Но только онъ не сразу на это согласился... Освирѣпѣлъ. «Я, говорить, тебя силой окрещу, пархатаго жиды». Какъ, говорю, вгодно, вашескобродіе. И ни живъ, ни мертвъ стою передъ ротнымъ въ его квартирѣ. А офицеры, которые что въ гостяхъ у него были, смѣются... Многіе выпивши... А ротный кричитъ: «Мнѣ вгодно этого пархатаго жиды окрестить». И офицеры многіе кричали: «Окрестите, капитанъ, сію-жъ минуту». Подзадывали, значить, пьянаго человѣка... Смѣются. Имъ смѣшно, а я трясусь отъ страха. Думаю, въ самомъ дѣлѣ силкомъ въ русскую вѣру переведутъ. Ай, ай,

ай! Развѣ можно мѣнять вѣру? И что тогда съ папенькой и маменькой будетъ и со всѣми нашими въ Проскуровѣ? А они строго наказывали, когда я прощался съ ними, чтобы я не мѣнялъ вѣры, и какъ родился евреемъ, такъ и умеръ бы евреемъ... Я въ ноги ротному... Дозвольте, говорю, ваше благородіе остаться жидомъ. — «Не позволю!» кричитъ. — «Не позволяйте, капитанъ», кричатъ и другіе офицеры и смѣются... Не злой я былъ тогда, Антонъ Ивановичъ, а какъ увидалъ, что они хотятъ со мной сдѣлать, и нѣтъ мнѣ ни отъ кого защиты, такъ въ тую-жъ минуту, какъ поднялся съ полу, сталъ злымъ. И, будь у меня храбрость, убилъ бы ротнаго... Вотъ, какъ можно изъ добраго злымъ сдѣлать и совѣсти рѣшить человѣка, ежели у него такая судьба... Вовсе тогда меня они перемѣнили. Моисей Исааковичъ былъ возбужденъ воспомина- ніями... Его истомленное блѣдное лицо стало мрачнымъ. Ненавистью и озлобленіемъ, казалось, дышало оно. Онъ примолкъ и вдругъ произнесъ:

— Будь они прокляты, эти злые люди!

III.

Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе.

Наконецъ Сойкинъ спросилъ:

— Такъ никто и не заступился за тебя?

— Прапорщикъ одинъ... молодой, только что изъ юнкарей былъ произведенъ, такъ весь онъ въ лихорадкѣ затрясся, выскочилъ изъ-за стола и подбѣжалъ къ капитану и что-то сталъ ему на ухо шептать... за меня просилъ... пожалѣлъ жида.

— Что же, капитанъ?

— Извѣстно что. Шуганулъ его, да еще стыдить началъ. «Офицеръ, говоритъ, а жалѣеть поганаго жида». Одно слово оконфузилъ прапорщика... Тотъ, однако, не могъ перенести надругательства надъ чело-вѣкомъ и вышелъ... И, уходя, взглянулъ на меня и такими, добрыми и пужливыми, словно бы виноватыми глазами, что я до сихъ поръ помню эти глаза и до смерти не забуду...

— Нашелся же чело-вѣкъ... пожалѣлъ тебя, братецъ ты мой!—радостно проговорилъ Сойкинъ.

И изъ груди его вырвался облегченный вздохъ.

— Одинъ!—угрюмо произнесъ еврей.

— Можетъ и еще нашлись, если бы были тверезы.

А то водка... Чѣмъ же дѣло кончилось?

— А чѣмъ кончилось?—Капитанъ какъ закричить: «пошелъ вонъ!» Ну, я и давай Богъ ноги. На лѣво кругомъ и айда.

— И послѣ капитанъ ужъ не приставалъ къ вамъ съ этимъ?—спросилъ Сойкинъ.

— Не приставалъ. Но только извести общалъ.

— За то, что не крестился?

— И за то, а главная причина не за то.

— Какъ такъ?

— А такъ, что за это ему отъ дивизионнаго генерала замѣчаніе было въ скорости на смотре, когда дивизія подъ Каменцомъ собралась. А генералъ этотъ строгій... ай, ай, ай, какой строгій и сердитый былъ. И никому отъ него не было спуску — ни солдату, ни офицеру... И очень жестокаго сердца былъ генералъ... Бывало, идетъ по фронту — такъ у всѣхъ душа въ пятки уходила... Чуть ежели ты стоишь, не какъ въ родѣ безчувственнаго статуя, онъ сейчасъ вонзится на

солдата глаза и за усъ его дернетъ... Больно, а крикнуть не смѣй. Всѣ боялись его... Вотъ этотъ самый генераль... передъ всѣмъ фронтомъ кричалъ на ротнаго... а онъ трясся, какъ осиновый листъ...

— А какъ же дивизионный дознался про то, что ротный силкомъ крестить хотѣлъ?

— А черезъ прапорщика того самага, который пожалѣлъ меня... Написалъ прапорщикъ въ штабъ знакомому своему адъютанту, а тотъ генеральшѣ разказалъ... «Такъ, молъ, и такъ... Жида-солдата хотѣли окрестить»... А генеральша своему супругу... «Жида, молъ, въ вашей дивизіи хотѣли силкомъ окрестить». А генераль — деньчикъ его послѣ разказывалъ, — тую-жъ минуту вскричалъ: «Какъ? По какому случаю? Въ какомъ полку? Въ какой ротѣ? Почему мнѣ неизвѣстно?» Одно слово закипѣлъ, какъ самоваръ. И немедленно послалъ за адъютантомъ. Ну, адъютантъ все повторилъ... А тѣмъ временемъ въ скорости смотрѣ былъ. Онъ ротному и прописалъ!.. Послѣ смотра ротный ко мнѣ. «Я тебя, жидюга, изведу!» грозить. И такая я вамъ скажу, Антонъ Ивановичъ, напала на меня тоска, что и не объяснить. Еслибы не пужливость моя, то, кажется, руки бы на себя въ тѣ поры наложилъ... Ай, ай, ай, какъ били меня... И совѣсть выбивали, и на злыя мысли наводили... И сидѣлъ я, бывало, все одинъ, да одинъ и думалъ какъ бы мнѣ облегченіе жизни получить... И придумалъ...

— Что же ты придумалъ, Моисей Исакичъ?

— Что ежели бы у меня были деньжонки, то мнѣ легче было бы въ солдатахъ быть.

— Почему?—удивился Сойкинъ.

— А потому, что деньги всѣ любятъ, и штатскіе,

и военные люди... И если у васъ есть деньги, то можно и злыхъ людей добрыми сдѣлать и глупыхъ умными.

— Чудно, что-то говоришь, Моисей Исакычъ.

— А развѣ понять это трудно?

— То-то, я не въ домекъ.

— Всякій малый еврейчикъ это пойметъ. Оттого-то еврей и любятъ такъ деньги, что знаютъ, чѣмъ имъ обороняться... Теперь догадались, Антонъ Иванычъ?

И Моисей Исаковичъ не безъ удивленія смотрѣлъ на Сойкина. Видимо онъ не понималъ всей силы денегъ и почему еврей такъ любитъ ихъ.

— Если я безъ денегъ, кто я такой? — спросилъ еврей.

— Жидъ! — добродушно отвѣтилъ Сойкинъ.

— Это по вашему... А ежели моего ротнаго спросить, то онъ отвѣтитъ, что я пархатый жидъ. Вѣрно я говорю?

— Правильно, Моисей Исакычъ.

— А если я съ небольшими деньгами... что онъ скажетъ?

И такъ какъ матросъ затруднялся отвѣтить за мичманскаго капитана, то Моисей Исаковичъ отвѣтилъ за него:

— Онъ скажетъ, что я поганый жидъ и попросить у меня подъ прицентъ денегъ...

— А если я богатъ, что онъ скажетъ?

И Моисей Исаковичъ самъ же отвѣтилъ:

— Онъ скажетъ: «уважаемый Моисей Исакычъ, какъ будетъ ваше здоровье?»

— А если, скажемъ, я былъ бы вродѣ Ротшильда богатый, что онъ скажетъ?..

И, не дожидаясь отвѣта Сойкина, отвѣтилъ:

— Онъ ничего не скажетъ, а только... замретъ и будетъ счастливъ, ежели я ему подамъ два пальца... И будетъ меня называть: ваше сіятельство... И я могу съ нимъ сдѣлать что мнѣ вгодно. И пойдетъ онъ ко мнѣ въ услуженіе. И душу продастъ... И трястись будетъ... И все оттого, что я могу ему дать много денегъ! — возбужденно говорилъ съ какимъ-то дикимъ восторгомъ еврей.

— Не всѣ такіе! — возмутился Сойкинъ.

— Почти всѣ.

— Совѣсть, братъ, есть!..

— И совѣсть другая при деньгахъ станетъ... Пока денегъ большихъ не видитъ человѣкъ, у него и совѣсть... А ежели передъ нимъ милліонъ, то совѣсть перемѣнится... Видалъ я людей.

— Неправильно ты это говоришь, Моисей Исакичъ... Неправильно... Небойсь, есть люди съ совѣстью... Видалъ тоже, околачиваясь въ матросахъ...

Моисей Исааковичъ видимо не соглашался съ матросомъ, но промолчалъ.

IV.

— Такъ что ты выдумалъ, чтобы добыть денегъ, когда былъ въ солдатахъ? — спросилъ Сойкинъ.

— Написалъ письмо.

— Кому?

— Извѣстно кому: маменькѣ. Покойница умная женщина была.

— А отецъ?

— Также умный, но маменька умнѣе. Папенька на выдумку не былъ мастеръ... Онъ только умѣлъ кроить

да шить. Сработаетъ и получить деньги, а то и въ долгъ повѣрнуть... А маменька...

Еврей приложилъ палецъ ко лбу и восторженно проговорилъ:

— У нея здѣсь пять Ротшильдовъ сидѣло. И будь у нея оборотный капиталъ, тогда всѣ мы были бы богаты... Маменька выдумывать умѣла гешефты... И чего, чего она только ни выдумывала, чтобъ прокормить насъ! И комиссіонершей была, и сватала, и дичь господамъ продавала, и контрабандныя сигары имѣла. А насъ много было... пять братьевъ и пять сестеръ.

— Такъ вотъ, такимъ родомъ, я открылся тогда маменькѣ, какъ трудно Мошкѣ жить, просилъ ее занять мнѣ десять рублей и прислать поскорѣе. А верну я эти десять рублей, молъ, въ скоромъ времени и съ «прицентами». Послалъ я это письмо и жду отвѣта. Думаю, ежели на хитрость пуцусь, то, можетъ, и фить-фебель не такъ будетъ драться и ротный усмирится...

— Какая же была твоя хитрость, Моисей Исакычъ? — заинтересованный спросилъ Сойкинъ, слегка заплетая языкомъ.

— А вы слушайте, Антонъ Ивановичъ, — тогда и узнаете, какая была моя хитрость. И звините, не вредно ли вамъ будетъ отъ этого самаго рома, ежели его много выпить?

— Мнѣ-то? Не бойсь, Моисей Исакычъ... Я знаю свою плепорцію...

— А какъ вашъ старшій офицеръ на счетъ плепорціи?

— Чтобы на своихъ ногахъ явился! — разсмѣялся матросъ. — Жаль, что и ты не пьешь, Моисей Исакычъ. Пилъ бы, легче было бы тебѣ жить въ солдатахъ...

А я, братецъ, еще спрошу виски. А ты покушай еще милый человекъ. Не бойсь, отоцалъ на мериканскихъ харчахъ... А сейчасъ не согласенъ; такъ бери пятьдесятъ центовъ... Послѣ закусишь... Не кочерыжься. Я отъ сердца!

Съ этими словами Сойкинъ далъ серебрянную монету и крикнулъ прислуживающей славянкѣ:

— Мамзель... Еще «тринку»... Чтобы былъ «вери гудъ»:

Моисей Исааковичъ перевелъ слова чешкѣ, затѣмъ взялъ отъ матроса монетку и проговорилъ:

— Спасибо вамъ, Антонъ Ивановичъ. Добрый вы матросъ! А это я будто за комиссію съ васъ взялъ... И здоровѣе меньше пить виски.

Онъ спряталъ пятьдесятъ центовъ и продолжалъ:

— Жду не дождусь я письма за пятью печатями и, наконецъ, дождался, но только не по почтѣ—маменька расчетливая была—а одинъ еврей изъ нашихъ мѣстъ привезъ. И въ письмѣ всего навсего рубль. И пишетъ маменька, что посылаетъ рубль на мыло и на гостинцы, а что десять рублей пришлетъ, доставши на приценты у своего брата, только тогда, когда я ей объясню, что я думаю дѣлать съ такими большими деньгами и зачѣмъ мнѣ такія большія деньги. А я, дуракъ, маменькѣ и не объяснилъ. Въ тотъ же день я написалъ маменькѣ письмо, поблагодарилъ за рубль и отписалъ, на что мнѣ десять рублей. И черезъ недѣлю черезъ еврея получилъ я десять рублей и письмо. Похвалила. «Умный ты, говоритъ, Мошка. Видно, что мой сынъ». А я обрадовался, что у меня есть капиталъ въ одиннадцать рублей.

— Рубль, значитъ, не истратилъ? Ты, братъ, съ расчетомъ!

— То-то, каждая копѣйка мнѣ нужна была. Въ каждой копѣйкѣ я видѣлъ не копѣйку, а свое избавленіе, потому я и изъ рубля ни копѣйки не истратилъ. И, получивши деньги, я попросилъ Абрамку—онъ въ деревнѣ, гдѣ мы стояли, жилъ и въ родѣ извозчика былъ—купить мнѣ въ Каменцѣ на пять рублей лучшаго табаку, а на рубль похуже сортомъ и никому объ этомъ не сказывать. И обѣщаль я за это Абрамкѣ гривенникъ. Взаяся и обѣщаль молчать. Вечеромъ вернулся онъ изъ города. Я къ нему. Принялъ табакъ, высыпаль его изъ картузовъ, переложилъ въ другую бумагу и легъ спать въ этотъ вечеръ съ легкимъ сердцемъ. Думаю, завтра будетъ другой оборотъ моей жизни.

Моисей Исааковичъ усмѣхнулся и на минуту примолкъ, словно бы желалъ поразить Сойкина эффектомъ своей выдумки, оставляя его подольше въ неизвѣстности относительно табаку и его пересыпки изъ картузовъ въ бумагу.

Цѣль Моисея Исааковича была достигнута.

Дѣйствительно, Сойкинъ былъ заинтересованъ и не могъ придумать, какая цѣль была у еврея покупать табакъ и продѣлывать съ нимъ таинственную пересыпку.

— Ну что, догадались, Антонъ Иванычъ, зачѣмъ я купилъ табакъ?—спросилъ наконецъ съ торжествующимъ видомъ Моисей Исааковичъ.

— Для продажи, что ли?

— Башковатый вы человекъ. Догадались. Ну, а зачѣмъ я пересыпаль въ чистую бумагу по гривеннику за дестъ и каждый фунтъ заклеилъ въ аккуратный пакетъ?.. Этого не догадаетесь?

— Не въ домекъ... А ты сказывай... Тогда пойму.

— То-то и есть. Для этого надо быть евреемъ, чтобъ догадаться, а русскому — звините, — никогда не догадаться. Такъ слушайте... Я вамъ расскажу...

Моисей Исааковичъ откашлялся и, значительно повеселѣвшій и съ такимъ, торжественно-значительнымъ выраженіемъ въ лицѣ, словно бы собирался сообщить какой-нибудь геройскій подвигъ или, по меньшей мѣрѣ, что-нибудь достойное подражанія, продолжалъ:

V.

— На другой день послѣ ротнаго ученія подошелъ я къ фитьфебелю. Такъ и такъ, говорю, дозвольте съ вами говорить, Аѳанасій Иванычъ. Уставился на меня глазами—а глаза у его были круглые и въ родѣ какъ у рака и усы такіе сердитые—и спрашиваетъ: «Что тебѣ, жидюга, надо? О чемъ ты осмѣливаешься со мной разговаривать?». Я и докладываю ему, что отъ одного человѣка могу дешево достать турецкій табакъ... Контрабандный и очень хорошій табакъ... Такъ не вгодно ли, говорю, испробовать, Аѳанасій Иванычъ?.. А онъ мнѣ на это: «Что жъ. Принеси, подлый жидъ, ко мнѣ въ хату. Попробую... Ежели, говоритъ, понравится и сходно будетъ, такъ и быть, возьму... Я, говоритъ, люблю хорошій табакъ. Отъ махорки отсталъ». И ужъ не такъ сердито сказалъ. Послѣ обѣда явился къ нему въ хату, а за шинелью у меня фунтъ табаку въ 75 копѣекъ. Подаю. «Какъ цѣна?—спрашиваетъ».— «Что пожалуете, отвѣчаю». Смѣется. «А ежели я тебѣ гривенникъ пожалую. Будешь доволенъ?» И гривенникомъ буду доволенъ отъ начальства. «Однако, ты жидъ,

какъ посмотрю, умный...» Свернулъ сигарку, закурилъ, затанулся. Вижу, понравился табакъ. Взялъ. «Такъ по чемъ фунтъ?» спрашиваетъ. Первый, говорю, фунтъ, не обезсудьте, такъ принять, а ежели, говорю, понравится и впредь пожелаете имѣть, то по рублю фунтъ можно доставать, а цѣна этому табаку ежели въ Россіи, то не меньше двухъ рублей, говорю. «Это ты, шельма Мошка, правильно. Табакъ очень крѣпкій и скусный. Доставляй впредь по рублю, а за этотъ фунтъ спасибо. Только никому не болтай насчетъ... чего прочаго». И тутъ же я доложилъ, что могу достать очень хорошій табакъ и для капитана, если ихъ благородіе пожелаетъ, по 2 р. 50 к. за фунтъ.

— А самъ почему покупалъ?—спросилъ Сойкинъ.

— По два рубля. По четвертаку на рубль за ихъ глупость бралъ,—прибавилъ съ усмѣшкой еврей.—И жить мнѣ стало легче...

— И выдумалъ же!..

— То-то и говорю, на хитрость пошелъ... Безъ нея не прожить съ людьми.

— И бралъ капитанъ табакъ?

— Очень даже бралъ... И многіе другіе офицеры брали...

— Какъ же они не распознали, какой твой табакъ?..

— А потому что въ простой бумагѣ... Контрабандный, молъ... Глупый народъ. Его только умѣй на крючекъ взять, такъ, въ родѣ окуня, сразу хватается... И очень всѣ одобряли табакъ. А мнѣ и легче стало, и я хорошій гешефтъ дѣлалъ. Въ скорости и долгъ маменькѣ послалъ и «прицентъ» и ей въ подарокъ пять рублей. А черезъ годъ ужъ у меня сто рублей капитала было, и я деньги въ долгъ давалъ подъ

«приценты»... И жену выписалъ изъ Проскурова вмѣстѣ съ дочкой. И черезъ два года меня въ нестроевые выписали... Фитьфебель постарался. Я двадцать пять рублей будто въ долгъ ему далъ...

— Безъ отдачи?..

— А вы думали съ отдачей... Хе-хе-хе...

Моисей Исааковичъ задумался и затѣмъ продолжалъ:

— То-то я говорю, что у всякаго своя судьба. Освирипѣлъ ротный вовсе, какъ узналъ, какая такая это контрабанда и какъ его за эту самую контрабанду на смѣхъ въ полку подняли... Три года не узнавалъ и курилъ табакъ прямо будто изъ Турціи, а какъ все открылось...

— Черезъ Абрамку?

— Что вы?.. Еврей на еврея никогда доносчикомъ не станетъ!—горделиво проговорилъ Моисей Исааковичъ.—Между собою мы за грошъ подеремся, но чтобы на своего брата доносить—это никакъ невозможно. И Абрамка никому не говорилъ. И очень даже былъ доволенъ, потому что мнѣ былъ доходъ и ему былъ доходъ... Съ каждаго фунта по пяти копѣекъ... А раскрылось все дѣло изъ-за капитанскаго деньщика... Хитрый былъ хохоль...

— Прямо-таки: форменная подлюга. И какъ онъ дознался?—спросилъ Сойкинъ.

— Носомъ. Длинный такой носъ у него былъ, лукавый носъ Ай, какой лукавый! И какимъ другомъ прикидывался... А продалъ друга-то. Мало видно я ему за дружбу могоарычей давалъ. Жадный былъ хохоль... Вовсе жадный... Но только если бы не его жинка, то съ нимъ мы поладили бы... А все дѣло вышло изъ-за хохлушки...

— Изъ-за бабы?—удивленно воскликнулъ Сойкинъ.

— То-то, изъ-за бабы... Былъ деньщикъ въ лавкѣ, въ Каменцѣ, когда Абрамка табакъ покупалъ. А ужъ у этого деньщика былъ такой носъ, что утерпѣть не могъ, чтобы не сунуть его въ чужое дѣло. Сталъ приставать къ Абрамкѣ, кому онъ табакъ покупаетъ. А Абрамка говоритъ: офицерамъ. «Какимъ офицерамъ?» «Разнымъ», говоритъ и ушелъ. Хохоль вернулъся въ мѣстечко и давай по деньщикамъ узнавать, кому Абрамка табакъ возитъ. Деньщики говорятъ: никому. Всѣмъ, молъ, Мошка контрабанду доставляетъ. Ну, онъ и понялъ, какая контрабанда... И сталъ услѣживать. И сталъ у меня все больше да больше могарычей просить. И деньги требовалъ. И когда я отказалъ, онъ и скажи: я, говоритъ, знаю, какую контрабанду тебѣ Абрамка возитъ изъ лавки... Дай, говоритъ, Мошка, десять карбованцевъ — никому не скажу». Далъ, потомъ далъ еще пять... И все пристаесть, чтобы еще далъ.

— Раскровянилъ бы его хайло! — негодующе воскликнулъ Сойкинъ.

— Жинка, говоритъ, требуетъ. Онъ ей рассказалъ, а та глупая и насѣла на него. Думаетъ, что я и въ самомъ дѣлѣ богачъ и для нея деньги копилъ. И сама разъ зашла ко мнѣ и потребовала двадцать пять карбованцевъ. «А не то, говоритъ, мой мужъ доложитъ капитану»... Давалъ я ей десять. Уперлась—вовсе по глупости упрямая баба... И мнѣ обидно было давать. Думаю: уговорю деньщика, нехай проучитъ свою хохлушку. И въ тотъ же день говорилъ съ нимъ. Обѣщался въ мѣсяцъ пять карбованцевъ платить и довелъ его до согласія. Клятву далъ...

— И клятвы не сдержалъ?

— Жинка ровно клещъ донимала хохла: «Доложи да доложи капитану». А хохоль и сдѣлай по ейному... Красивая была хохлушка.

— Эка облещливала баба. А хохлу бы ее за косы!— воскликнулъ Сойкинъ.

— На утро меня капитанъ потребовалъ. Спрашиваетъ: правда ли, что я двухрублевый табакъ за два съ полтиной ему ставилъ за контрабандный.

— Что-жъ ты, повинился?

— Повинился. Никакъ нельзя было не повиниться. И Абрамку капитанъ призвалъ. И тотъ видитъ, что надо повиниться. Не скроешь.

— Озвѣрѣлъ ротный?..

— Ай, ай, ай... И билъ же онъ, я вамъ скажу, меня.

— Глупость свою вымещалъ... дьяволь?

— То-то и есть. Небойсь, самъ контрабанду покупалъ, а тутъ грозился меня въ арестантскія роты отдать за мошенничество... И велѣлъ фитьфебелю позвать деньщика. А хохоль, что на солдата донесъ, смотрѣлъ, когда меня били. Вижу блѣдный изъ лица сталъ... А на меня и глазъ не поднимаетъ... А ротный искровянилъ и не своимъ голосомъ кричитъ: «дать этому подлецу-жидюгѣ триста розогъ»... И сказываетъ про табакъ... Ну и фитьфебель не пожалѣлъ, какъ узналъ... И страшно вспомнить, какъ меня тогда сѣкли... И до того сѣкли... до того сѣкли, что я смерти ждалъ... Однако, мѣсяцъ пролежалъ въ госпиталѣ и поправился... И вотъ съ той поры запала у меня мысль бѣжать въ Америку... Евреи рассказывали, что хорошо тамъ... И я открылся женѣ.

— Что-жъ твоя баба?

— Она у меня жалливая. Всеї душой была рада. Убѣжимъ, говорить. А то совсѣмъ изведутъ тебя теперь. А до австрійской границы отъ мѣстечка совсѣмъ было близко. Рукой подать... Посовѣтовались мы съ жинкой и рѣшили утекать навсегда изъ Россіи.

— Ишь ты! И смѣлый же ты, Моисей Исакычъ... Въ чужую сторону и на вѣкъ...

— Своихъ жалко. Знали, что никогда больше не свидимся... А жалко, не жалко—бѣжать надо было, чтобы не пропасть вовсе. Жить-то всякому человѣку хочется... Тварь и та себѣ воли ищетъ. Человѣкъ и подавно. И рѣшили мы бѣжать, какъ только выпишутъ меня изъ лазарета... Жинка раньше уѣхала къ знакомымъ евреямъ на австрійской границѣ, а какъ меня выписали, я въ ту же ночь бѣжалъ... Свои довели до границы, а ночью контрабандисты перевезли насъ... И ой, ой какъ страшно было.

— Еще бы не страшно! Вотсе могъ пропасть, если бы поймали...

— Обѣздчики поймать могли, и тогда въ Сибирь... И какъ лѣсомъ мы шли, такъ отъ каждаго шума пужались. Листъ упадетъ и душа замирала... И чуть было насъ не поймали... Богъ спасъ. Совсѣмъ близко услышали, какъ лошадь фыркнула. Обѣздчикъ, значитъ. «Падайте на землю», приказалъ проводникъ. Онъ контрабандой занимался давно и обѣщалъ насъ въ цѣлости переправить. Припали мы всѣ къ землѣ, притаились. Ночь была темная-темная,—ничего не видать. И проѣхалъ верховой совсѣмъ около насъ. Заплачь дѣвчонка—бѣда. Лежали мы такъ въ грязи, пока старый еврей, который велъ насъ, не велѣлъ встать и идти за нимъ. Черезъ полчаса уже мы были на

другой сторонѣ, у евреевъ, и благодарили Бога за спасеніе. На другое же утро поѣхали мы на Гамбургъ и тамъ взяли билеты на пароходъ въ Америку, въ Нью-Йоркъ. И намучились, и натерпѣлись страху въ морѣ, какъ началась буря. И, сильная буря была, страшно и вспомнить про волны. А я воды боюсь, Антонъ Ивановичъ, и Сарра боится. И кажется, ни за какія деньги не пошелъ бы я въ матросы. Куда вгодно, только не въ море. Еврею никакъ нельзя быть матросомъ, душа не принимаетъ. А вѣдь берутъ и на флотъ евреевъ. Надо на мачты лазать, когда волны, того и гляди, зальютъ судно... Ай, ай, ай!

И впечатлительный, какъ и большая часть евреевъ, онъ, при одномъ представленіи о высокихъ мачтахъ, на которыя надо лѣзть, и о волнахъ, которыя поднимаются, словно горы, испытывалъ страхъ и ужасъ, отразившіеся на его лицѣ.

— Какъ это только вы не боитесь, Антонъ Ивановичъ?—воскликнулъ онъ.—А я, какъ вспомню... Нѣтъ, не хорошая эта флотская служба!—рѣшительно проговорилъ еврей и облегченно вздохнулъ, чувствуя себя не на морѣ, а на землѣ.

— И когда мы, наконецъ, прибыли въ Нью-Йоркъ, послѣ пятнадцати дней страха, что утонемъ, мы сказали другъ другу, что никогда больше не поѣдемъ моремъ. И съ тѣхъ поръ никогда и не ѣздили и не поѣдемъ. Нехай, другіе ѣзжаютъ.

VI.

Моисей Исааковичъ затѣмъ разскалъ, что вначалѣ въ Америкѣ дѣла пошли хорошо. Онъ и фруктами торговалъ, и ваксу продавалъ, и жена старымъ платьемъ торговала. Но три мѣсяца проболѣлъ.

— Трудно теперь. Оборотнаго капитала нѣтъ и кредита нѣтъ. Въ этомъ и бѣда. А то бы... Ну, да еще поправимся... Тутъ есть!—не безъ гордости воскликнулъ Моисей Исааковичъ, указывая костлявымъ пальцемъ на свою черноволосую голову.

И черезъ минуту прибавилъ, оглядывая свое ветхое платье:

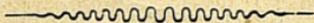
— Положимъ, кустюмъ. И, правду сказать, я въ родѣ нищаго... Все-таки, здѣсь я себѣ господинъ. Никто не смѣетъ меня вдарить. А что со мной сдѣлалъ бы ротный... Ой! ой! ой. Какъ вы объ этомъ полагаете, Антонъ Иванычъ?

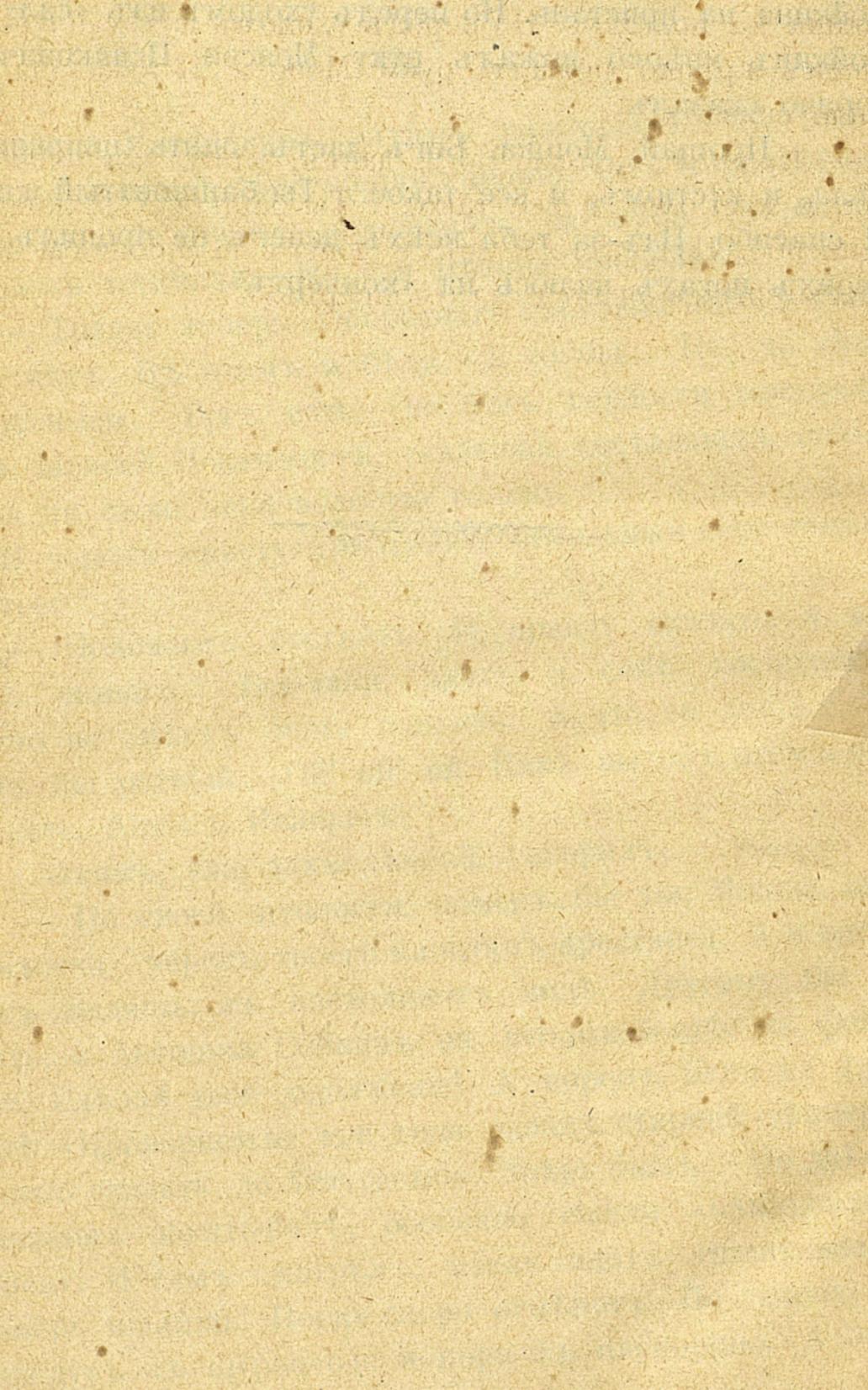
Сойкинъ, уже захмелѣвшій, говорилъ:

— По своей щуплости, померъ бы ты, Мошка, отъ «чихотки» черезъ твоего капитанъ-арестанта. А я вотъ, какъ видишь, въ настоящемъ видѣ. Другому бы не жить, а Антошка Сойкинъ на штыкъ-болтѣ, на фокареѣ. Сдѣлай твое одолженіе! А поролъ меня на фрегатѣ «Проворномъ» три года назадъ старшій офицеръ, можно сказать, до безчувствія. Звѣрь былъ... По двѣсти линьковъ закатывалъ, особенно ежели «намарсалимшись». И самъ смотрѣлъ, какая идетъ «шлиховка»!.. Теперь шалишь! Порку скоро отмѣнятъ. По закону, переведутъ въ штрафные и пори въ плепорцію. А безъ плепорціи нѣтъ правовъ.

Скоро подошли матросы съ «Медвѣдя» и увели Сойкина на пристань. Но передъ уходомъ изъ «салюна» Сойкинъ крѣпко пожалъ руку Моисея Исааковича и горячо сказалъ:

— Прощай, Мошка. Богъ дастъ, опять поправишь дѣла, и кустюмъ, и все такое... Ты башковатый жидъ. И спасибо. Изъ-за тебя всѣхъ денегъ не пропилъ. На своихъ ногахъ явлюсь на «конвертъ».

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАН.
Отчаянный	1
Смотръ	28
Форменная баба	59
Волкъ	73
Нилычъ	104
Въ нянькахъ	121
Блестящій капитанъ	132
Гибель Ястреба	151
Десяной штормъ	165
Одно мгновенье	223
О чемъ мечталъ мичманъ	241
Эмигрантъ	257

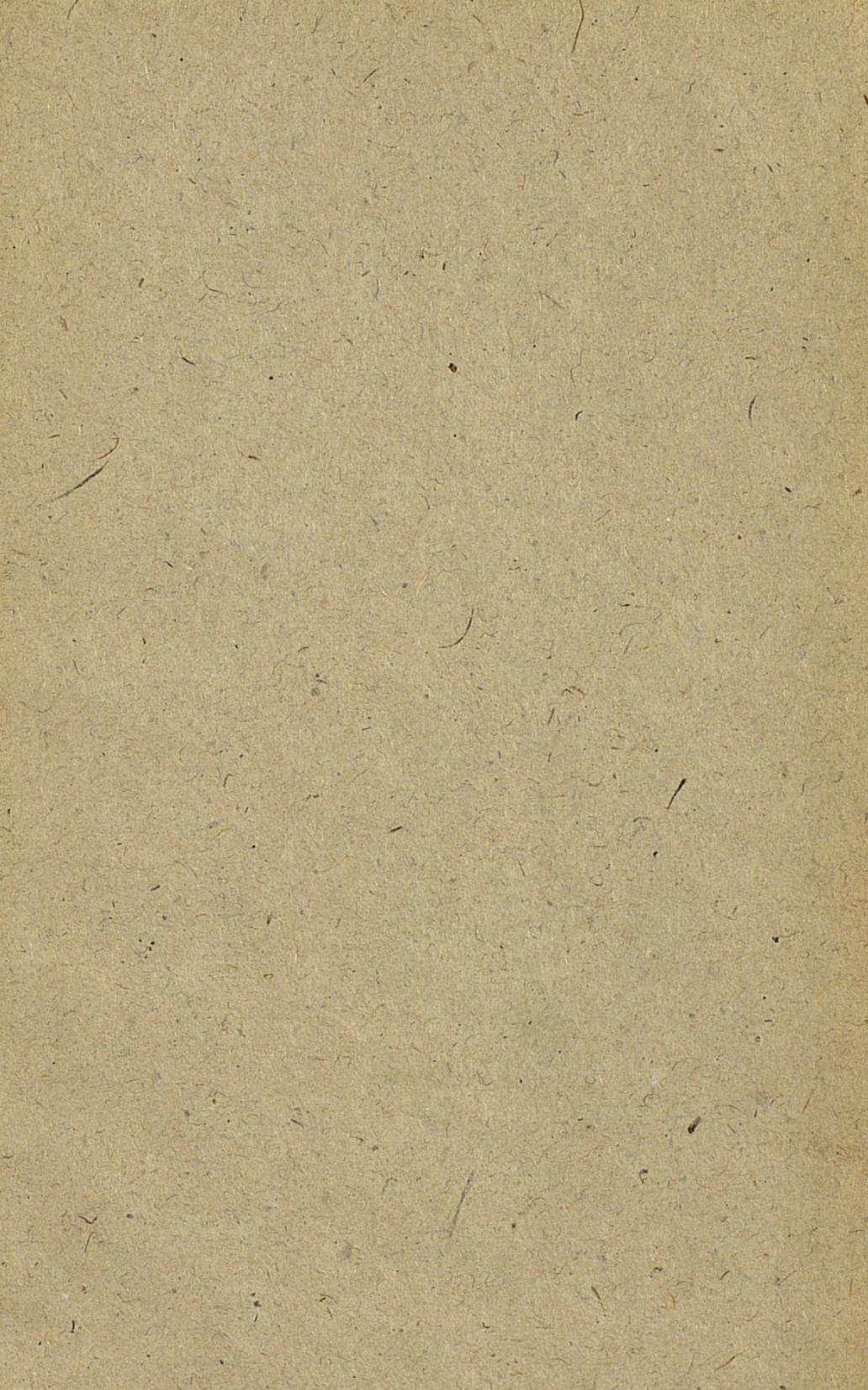
OTAPBETHIE

OTAPBETHIE

OTAPBETHIE

OTAPBETHIE

2007067230